ВОКРУГ СВЕТА

9 1977 СЕНТЯБРЬ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1977

Журнал основан в 1861 году

НАДИР САФИЕВ,
наш спец. корр.
Фото Г. КОСТЕЦКОГО

В ПОИСКАХ ВЕТРА

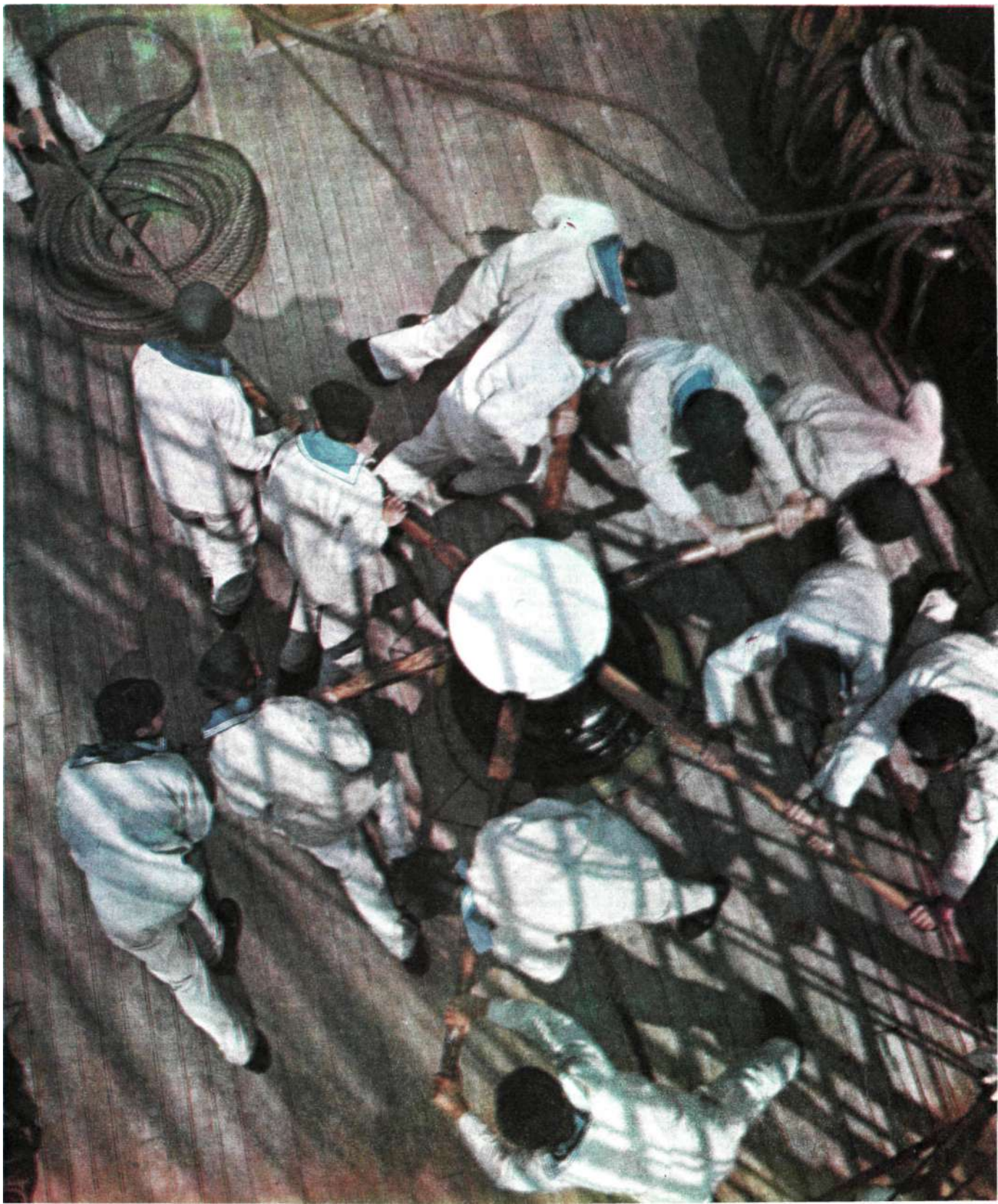
...Ночью мы неожиданно почувствовали сильный крен, корабль резко завалился на левый борт. Раздался грохот внутри судна, что-то не устояло и с треском покатилось. Крен держался какие-то секунды, и вскоре корабль стал выравниваться. Быстро одевшись, я выскочил на мостик. Там уже находился капитан. Но, как всегда, по его лицу трудно было что-либо угадать. Он спокойно отдавал короткие команды рулевым. Луч прожектора, направленный с мостика в темное небо, освещал беспомощно болтавшийся «колдунчик» — длинный конический флюгер над грот-мачтой. Полоскались и паруса.

Оказалось, налетел шквал. Изменил на какие-то минуты направление ветра и принес дождь. Судно рыскнуло влево от курса, ветер с бейдевинда стал противным. Пришлось временно врубить машины, круто переложить руль, снова выйти на прежний курс. Ветер постепенно стал заходить на норд-вест, наполнять паруса, и «Крузенштерн», по-прежнему идущий под марселями, фоком и косыми парусами, запружинил, задышал, снасти заструнились. Мы снова почувствовали себя словно на маленьком острове посреди бурлящего океана, где ветер с остервенением гуляет в верхушках сосен.

К утру ветер усилился почти до штормового и постепенно стал заходить от норд-веста к норду. Нужно было наконец дождаться восьмибалльного ветра, чтобы почувствовать в «Крузенштерне» былого гонщика, проходившего в

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ



свое время под парусами путь из Европы в Австралию за 67 суток. Сейчас он брал от ветра все, что возможно, и держался на курсе стабильно.

Еще два дня назад, уходя от польских берегов, от банки Слупская, капитан принял решение из-за отсутствия ветра обойти датский остров Борнхольм. Пока шли, ветер был встречным, начали огибать остров и поворачивать к его скалистым северным берегам — снова встречный, слабый... Но стоило нам оставить Борнхольм за кормой, как ветер стал свежеть и менять направление, будто до сих пор остров заслонял нас от него, мешал встрече с ним. «Крузенштерн» лег на курс 90 градусов в сторону советского берега, хотя капитан предполагал идти севером Балтики прямо в Финский залив, но вдруг повернул, угадал, и ветер нас настиг.

Сейчас Владимир Александрович Толмасов беспокойно ходил по мостику и, по-моему, следил за ветром, за парусами. Увидев поднимающегося на мостик угрюмого парусного мастера, сам шагнул к нему:

— Геннадий Алексеевич, что случилось?

— Фор-стень-стаксель рвется, товарищ капитан!

— Отберите курсантов из парусной вахты на свое усмотрение, и чтоб не зевали!

Вскоре с мостика мы смотрели, как на баке «гасится» стаксель. Он обмяк и превратился в бесформенную груду, а здоровенные деревянные блоки размером с человеческую голову трепыхались в воздухе, прыгали, как мячи...

— Аркадий Николаевич, после завтрака играйте парусный аврал, — сказал подошедший к старпому капитан. — Будем убирать все паруса.

— Не прошло и одиннадцати дней, — все еще глядя на бак, говорил старпом, — а работают сноровисто, со знанием дела...

Одиннадцать дней назад, когда мы вышли из Риги, на борту четырехмачтового барка «Крузенштерн» находилось сто сорок два курсанта из трех мореходных училищ Министерства рыбного хозяйства СССР. Все они пришли после первого года обучения, и многие из них вообще выходили в море впервые.

Снимались с якоря на рейде, под парусами при слабом ветре. Сразу же, оставив за собой ожидающие своих причалов суда, сделали поворот через фордевинд и взяли курс на остров Рухну.

Позже старший помощник капитана Аркадий Николаевич Макаров сказал мне, что в его практике такое случается впервые. Мы могли сняться с якоря, говорил он, и пойти без парусов, лечь на курс и только затем ставить паруса. Но капитан встал перед выбором: или сняться под чистыми парусами без работы двигателей, что рискованно делать в окружении стольких судов, либо поднимать на реи неподготовленных курсантов в первый раз лишь в открытом море. И он выбрал первое.

— Правда, пока судно стояло в порту, ребята по утрам поднимались вместо зарядки на мачту, — продолжал старпом. — Сначала до марсовой площадки, затем до салинговой и дальше до самого топа... Но, когда человек впервые работает на высоте пятидесяти пяти метров (это высота фок-мачты) и под ним рябит море, это совсем иное, неизведанное ощущение...

Как только мы вышли в море, курсантов расписали по мачтам. На фоке, на главной мачте, должна была отныне и до конца практики работать основная часть курсантов Таллинского мореходного училища; на первом гроте — курсанты Лиепайского училища вместе с таллинцами; на втором гроте — только лиепайцы; а на бизани, на последней, кормовой мачте — курсанты Клайпедского мореходного училища...

Когда перед парусным авралом на рейде курсантов выстроили у своих мачт, я обратил внимание на трех малышей. Они стояли на левом фланге первой шеренги у фок-мачты. И если бы я не увидел на них широких страховочных ремней, не поверил бы, что они тоже будут подниматься по авралу на рангоут. Уж слишком юными казались они рядом с остальными курсантами. Как мне показалось, даже робу для них не могли подобрать по росту.

Я спросил у капитана:

— Неужели и эти ребята будут подниматься?

— А кто же за них на реях будет работать? — ответил капитан Толмасов. — Ничего... Все так начинали.

Хотя в ответе Владимира Александровича трудно было уловить тревогу, но стоило с мостика услышать команду: «К вантам, все паруса отдавать!», меня охватило волнение. Ребята поднимались по вантам, одни быстро, другие медленнее. Расходясь по реям, щелкали карабинами страховочных ремней за заспинный леер, на ощупь отыскивали ногами перты, тонкие стальные тросы, чтобы двигаться по ним на свое рабочее место. И по мере того как фигуры их уменьшались, теряли свои приметы, тот, кто с палубы следил за «своими», переводил взгляд на другие фигуры, усеявшие рангоут, потому что на опасной высоте своими становились все.

— Аркадий Николаевич, — спросил я у старпома, — а на каком рее эти трое?

— Вон, смотрите на левый конец бом-брам-реи, на нок... Стоит старший матрос Чубрик, а рядом малыш, потом еще матрос, и снова малыш... А третий — на нижнем брамса-рее, тоже рядом с матросом...

Из ответа старпома было ясно, что об этих курсантах помнят и что они под особой опекой.

— А по какому принципу отбирают на самые верхние реи?

— Там и диаметр рей мал и паруса легче.

— И еще по принципу отчаянности, — заметил вдруг капитан.

Лежу в каюте и слышу отдаленные колокольные удары. Сначала казалось, что это где-то далеко, но вскоре сознание возвратило к реальности: ведь вчера «Крузенштерн» уже подходил к острову Рухну, и в темноте убирали последние косые паруса — стаксели. С левого борта открылся мигающий огонек — это был маяк Рухну. Сквозь холодный ветер ребята всматривались в темноту, а маяк все мигал и мигал. Но судя по тому, что капитан спокойно наблюдал за вахтенным штурманом, который склонился над картой, куда ложились карандашная линия и цифры, до острова, или, точнее, до выбора стоянки в открытом заливе, еще было время... Лежишь в каюте и знаешь, что еще несколько мгновений — и в динамике услышишь щелчок, дыхание человека, а потом зычный голос вахтенного помощника, извещающего о подъеме. Но вместо этого в размышления снова врываются удары колокола. До конца осознав, что это на судне, соображаешь: «Крузенштерн» давно отдал якорь, и впередсмотрящий на полубаке через каждую минуту молчания пять секунд 'бьет в судовую рынду. Это сигнал стоящего в тумане корабля. А курсантам, в сладкой истоме ноющих от настоящей работы мышц, хочется считанные минуты до подъема использовать для сна. (Это чисто курсантский рационализм. Если осталось хоть три минуты, они принадлежат сну.) Но сон больше не идет, ждешь колокольного звона, а вместо него в динамик врезается голос вахтенного: «Доброе утро. Сегодня 8 мая, воскресенье... Стоим на правом якоре у острова Рухну. Температура воздуха плюс 10. Ветер западный. Туман. Курсантам приготовиться к подъему на мачты...»

Во время утренней зарядки, когда я поднялся на бак, увидел, что у судового колокола стоит один из малышей. Рядом разминался старший боцман Эдистон Григорьевич Ковалев.

По поводу странного имени боцмана на судне ходила легенда, будто имя это дал ему отец в честь английского маяка «Эддистон», недалеко от которого его судно когда-то спаслось при шторме.

На самом же деле отец Ковалева был самым что ни есть сухопутным человеком. Очевидно, тот, кто придумал эту байку, хотел, чтобы хороший моряк был потомственным...

В тумане со стороны острова пролетали мимо нас утки, чуть ли не касаясь верхних рей. Эдистон Григорьевич выпрямился и быстро сымитировал выстрел: вскинул руки и издал гортанный звук «кх».

— Хорошее мясо, — все еще глядя вслед уткам, проговорил боцман.

— Это не мясо. Это птица, — обиженно сказал впередсмотрящий курсант и стал бить в судовой колокол.

Когда он прекратил удары, я спросил у него по-эстонски:

— Куйдас он сину ними?

— Куреант Хиет Филарет, — приняв положение «смирно», ответил он.

После обеда я застал Филарета у первого помощника капитана Шубина. Видно, присутствие чужого человека смутило курсанта, и он умолк,

— Продолжай, — оказал ему ласково Анатолий Семенович.

Филарет развернул лист ватмана, исписанный красными печатными буквами, и начал читать тихим тенорком: «Каллид рухнуласед! Дорогие рухнусцы! Мы ходили по морю, и вдруг вахтенный матрос крикнул: «Вижу землю!» Это был ваш остров, и мы решили дать вам маленький концерт».

Курсант Филарет смотрел на эстонский текст и* читал по-русски.

— А где ты это повесишь? — спросил Шубин.

— На острове...

Когда курсант Хиет Филарет ушел, Шубин сказал:

— Он сам островитянин, с Сааремаа, а другой, малыш Сулев, с Хиума...

Откуда родом третий, светлоголовый Сийм, я узнал, когда тот оказался рядом со мной во время показа фильма в кают-компании экипажа.

— Сийм, — спросил я, — а ты с какого острова?

— Я не с острова, — тихо ответил он, — я с теревни.

Вечером показывали документальный фильм о праздновании семисотлетия Амстердама, куда в числе парусников многих стран были приглашены и наши корабли «Товарищ» и «Крузенштерн».

...На экране праздничный готический Амстердам. Разноцветные флаги, музыка. Парад парусников. В торжественном шествии проходят крупным планом парусник Польской Народной Республики «Дар поможа», датчанин «Герг Стейдж», бригантина из ГДР «Вильгельм Пик», Сквозь органную музыку слышен голос диктора: ой представляет корабли, сообщает их данные. Наконец мы уловили в английской речи слово «Товарищ» и увидели трехмачтовый барк. Дальше шли «Горх Фок» из ФРГ, американский барк «Игл», и вдруг под хорал медленно выплыл на экран самый большой парусник в мире — четырехмачтовый барк «Крузенштерн». На реях его, над колышущимися шлейфами убранных парусов во весь рост стояли, закинув руки на заспинные леера, наши курсанты...

Фильм кончился неожиданно, словно оборвалась лента.

Пока киномеханик закладывал ленту художественного фильма, курсанты сидели странно тихо: не было обычного шума и желания поразмяться, покурить...

С острова возвращались в туман. Пока ребята прощались с жителями острова, туман незаметно подползал с моря к берегу, окутывая сосны, приближался к домам. Надо было торопиться: нам предстоял трехмильный путь на шлюпках до корабля. (Семиметровая осадка не позволила «Крузенштерну» выбрать стоянку поближе.) Когда днем мы пришли на остров, рыбаки посоветовали, чтобы избежать зону подводных валунов, выходить обратно из бухточки прямым курсом и идти до тех пор, пока не покажется над кронами сосен верхушка рухнуского маяка. Только .. тогда повернуть к своему кораблю. Но сейчас в тумане об этом не могло быть и речи.

Старпом торопил ребят — надо было скорее уложить в шлюпку иод парусину динамики, радиоаппаратуру с микрофоном, электрогитары, чтобы немедленно отойти. Мы пришли на остров на двух шлюпках: одна, с двигателем, взяла тридцать человек, вторая — двадцать. Так что сейчас, как только оттолкнулись от пирса, взяли вторую шлюпку на буксир и, тарахтя двигателем, вышли в море.

Туман был настолько плотным, что на лицах оседала морось, все сразу же покрылось водяной пылью. За рулем первой шлюпки, высоко на корме, сидел старпом. Компас он устроил у ног, на банке. Второй шлюпкой, идущей за нами на буксире, управлял четвертый помощник капитана, Игорь Орден, знаток паруса и рангоута.

Ребята сидели глубоко в шлюпке, прижавшись друг к Другу. Только Филарет стоял во весь рост в застегнутом на все пуговицы бушлате и держал в руке букет желтых островных нарциссов, словно шел не на шлюпке в тумане, а ехал в автобусе, дожидаясь своей остановки. Один старпом был не защищен от пронизывающего влажного ветра. Сидел молча, не двигался. Иногда, перекладывая руль, глядел на шлюпочный компас. От напряжения его глаза, казалось, еще более посветлели. В плотном тумане голосили невидимые чайки.

Ребята, кажется, слегка приуныли, но Коле Устинову, по-моему, наша ситуация нравится, он все время спрашивает впередсмотрящего: «Не видно?» И это ожидание своего корабля в тумане приносит ему новые, до сих пор неизведанные им чувства. Я уже немного знаю Устинова. Вчера- он полдня просидел на рее, чинил парус. Когда наконец я его встретил на палубе и спросил, как работалось, он ответил: «Хорошо. У меня было ощущение какой-то непонятной радости и страха. Я никогда так долго на высоте не был...» Он ходил по палубе, все еще удивлялся, как сейчас удивляется туману.

— Прошло более часа, — тихо сказал Аркадий Николаевич. — Сколько мы шли на остров? — спросил он у моториста.

— Около часа.

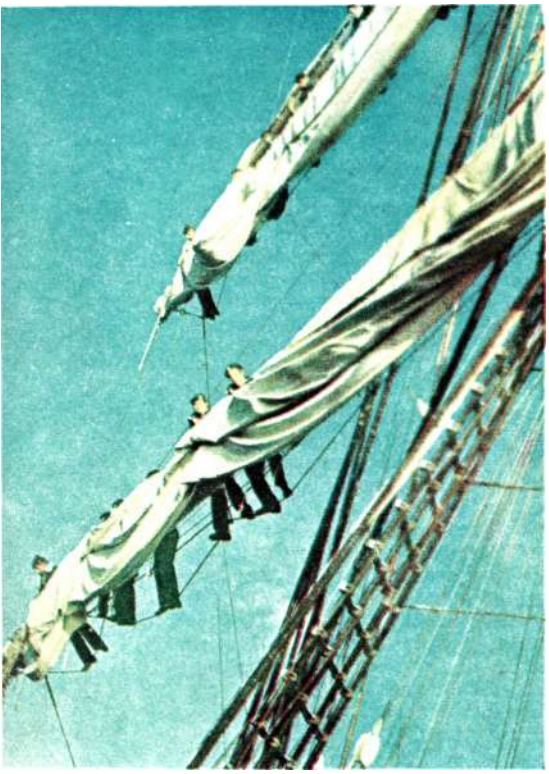
— Останови-ка двигатель.

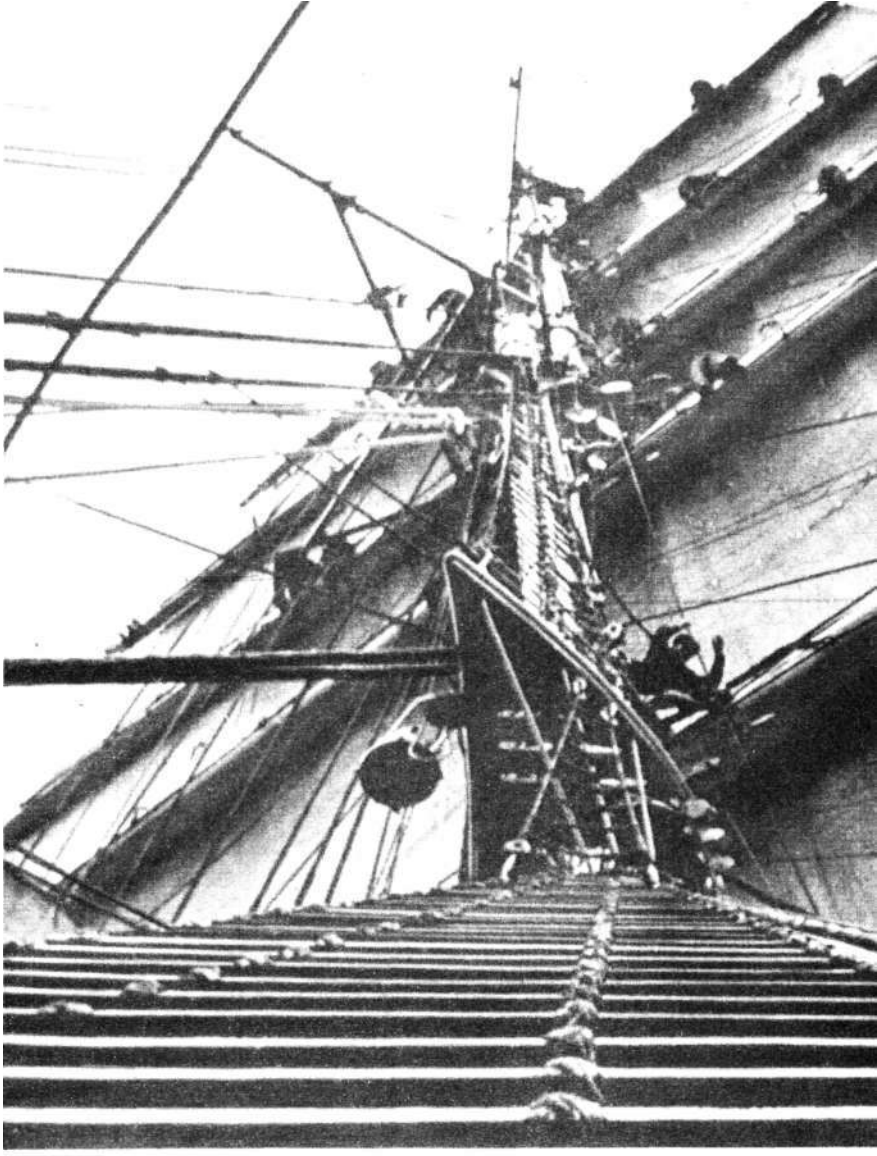
Вторая шлюпка сразу же, как мы остановились, покачиваясь, продрейфовала к нашему борту. После беспрерывного тарахтения двигателя тишина казалась неестественной, ватной. Плеск воды и удары двух пляшущих на волне шлюпок борт о борт настораживают, и ребята напряженно прислушиваются к тишине, которая. кажется, пугает их, впервые в жизни оказавшихся в шлюпке в открытом море, в плотном тумане. Только старпом спокоен. Он знал, что впереди, прямо по курсу, сейчас прозвучат гудки «Крузенштерна». И когда они прозвучали, Аркадий Николаевич смотрел не в сторону нашего судна, а спокойно, в полуулыбке разглядывал оживленных ребят.

На следующий день «Крузенштерн» снялся с якоря и пошел в Балтийское море искать ветер. К вечеру, когда мы входили в Ирбенский пролив, все еще был полнейший штиль. С правого борта луч вечернего солнца лежал на море с легкостью и покоем лунного света...

В тот день в Балтийском море судно совершило несколько поворотов. Достаточно было посмотреть на штурманскую карту, на ломаные зигзаги, проложенные на ней, чтобы представить, как

мы блуждали в поисках ветра. Ветер был, но неустойчивый. Мог зайти откуда угодно, тут же исчезнуть, изменить направление от западного до южного и обратно. Только судно пристроится к острому углу атаки, наполнит марсели, как ветер начинает уходить или слабеть. Паруса скиса-



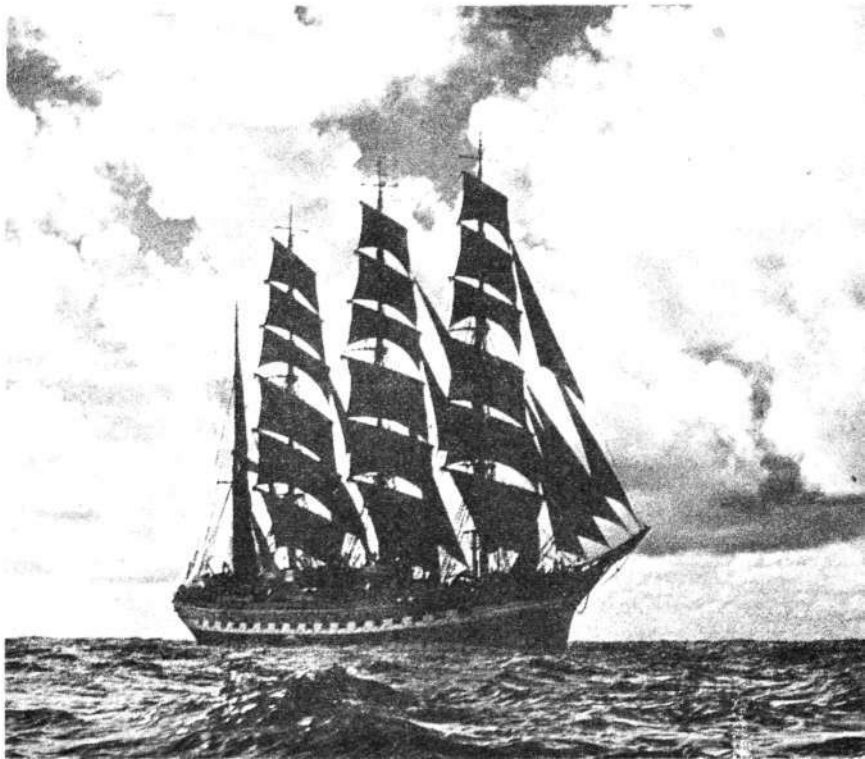


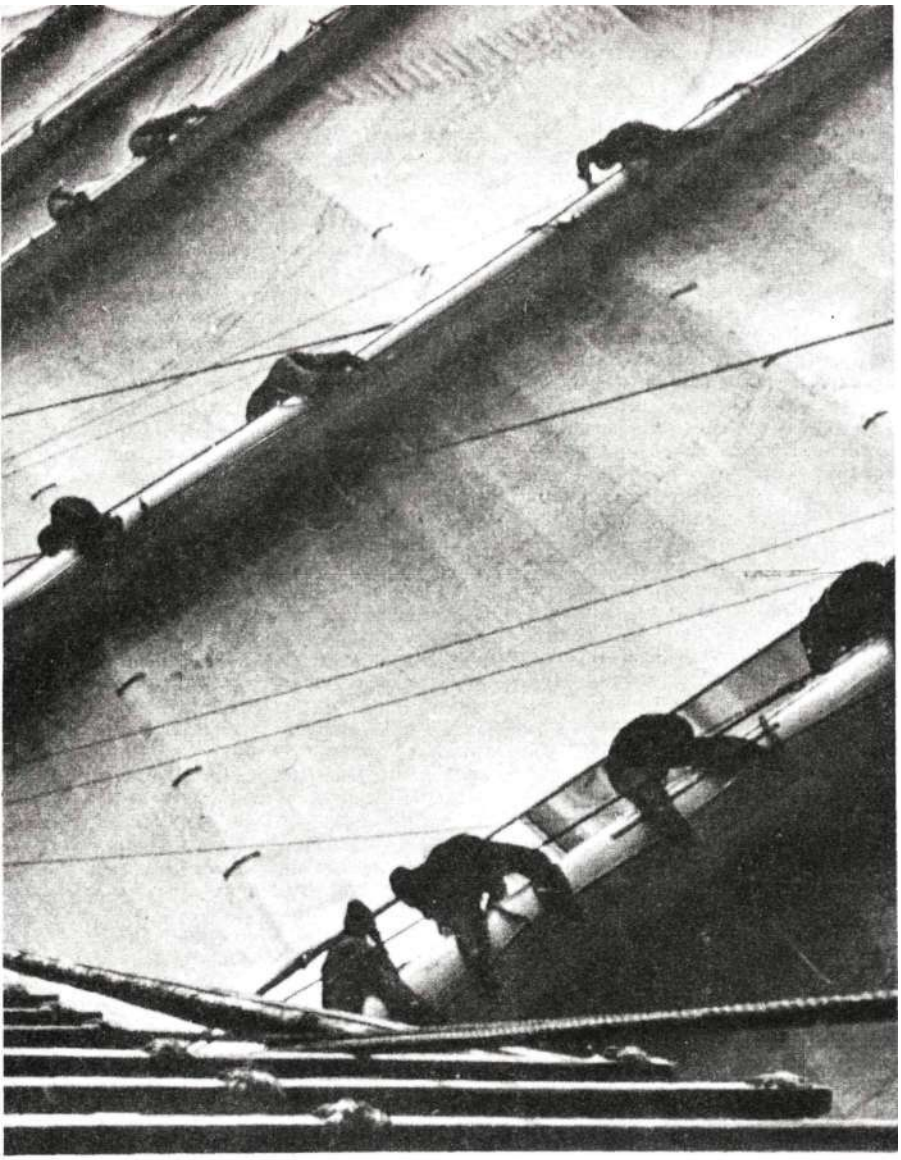
ют, полощутся. Ребята выбивались из сил: то и дело разворачивали, выравнивали реи, набивали шкоты и отдыхали, по-моему, только во время покрасочных работ.

Последний раз в этот день мы осуществили поворот через фордевинд, не дойдя нескольких миль до шведского островка Эланд-Сёдра-Грунд.

Проходя по левому борту, в иллюминатор я видел, как капитан расхаживает по каюте. Когда постучался и вошел к нему, Владимир Александрович уже говорил по телефону с вахтенным помощником:

— Передайте командирам мачт, чтобы через десять минут построили курсантов на шлюпочной палубе. Буду разбирать последний поворот. — Он повесил трубку на рычаг тяжелого корабельного аппарата и вопроси-





тельно посмотрел на меня. Я отметил, что этот немногословный человек привык, что к нему приходят только по делу.

— Пройдите, — сказал он глухо. — Вот посмотрите. — И протянул мне влажную, только что полученную метеокарту. — Вот посмотрите, мы находимся здесь, — указал капитан на круг — обозначение циклона посреди Балтийского моря. — Если верить этой карте, мы сейчас должны были бы испытывать крепкий, свежий ветер, а мы имеем всего лишь три-четыре балла неустойчивого ветра... И при том, — он взял со своего стола кипу радиограмм, тоже со сводками, — сообщается ветер одного направления, а на самом деле он дует в другом. Точно в таком положении мы оказались здесь в 1974 году во время операции «Парус», когда потеряли ветер. Хотя сводка обещала' хороший попутный ветер, мы вместо того, чтобы взять курс на Гдыню, вынуждены были идти к Клайпеде. После вот этого шведского островка Эланд-Сёдра-Грунд ветра совсем не стало, судно валялось на зыби, паруса полоскали, мы опаздывали на целые сутки...

— А за что же «Крузенштерн» получил в этой операции приз «Катти Сарк»? — не понимал я.

— За победу в регате. Тогда кубок получил наш трехмачтовый барк «Товарищ», а приз «Катти Сарк» решением совета капитанов парусных судов был единодушно присужден «Крузенштерну». Из Портсмута единственное судно — наше — пришло под всеми парусами в Сен-Мало. Этот приз мы получили не только за победы на гонках, учитывалось участие экипажей парусников во всех видах соревнований: в футболе, гребле, в морской выучке...

Кстати, тут была еще одна немаловажная особенность. По решению Союза учебных парусников, на «Крузенштерне» на переходе Портсмут — Сен-Мало практиковались иностранные кадеты: англичане, датчане, французы, голландцы — двадцать человек. Формы они не носили. Учились в морских колледжах и обычно плавали на своих маленьких парусниках. Конечно, за все платили деньги: за питание, обучение, плавание... Одним словом, они считали, что «Крузенштерн» — их большая удача...

Капитан Толмасов посмотрел на часы и сказал, что мы можем продолжить беседу, но только на мостике.

— Так что, — говорил капитан, уже поднимаясь по трапу, —

искать ветер на Балтике, особенно летом, дело нелегкое, трудно рассчитывать на его постоянство. Проходящий где-то вдали, в Атлантике, циклон, имеющий, допустим, ложбинку в Балтийском море, может так изменить направление ветра, что даже не угадаешь, что же будет через несколько часов.

Владимир Александрович иногда бросал взгляд с мостика вниз, на шлюпочную палубу. Я заметил, что капитан, беседуя со мной, следит за тем, как собираются курсанты.

Стоя на мостике, мы видели, как со шкафута поднялся еще один курсант и хотел было незаметно встать во вторую шеренгу, но его опоздание заметил командир фок-мачты Олег Корсаков и теперь что-то ему выговаривает.

— В океане же вы пользуетесь определенными традиционными ветрами, — продолжал говорить капитан, — ветрами, которые наблюдались моряками в течение столетий...

Подошло время, и капитан спустился на шлюпочную палубу. Курсанты сразу же умолкли, притихли. И хотя ветер наверху в снастях и в парусах был слабым, в наступившей тишине отчетливо слышалось его струнное пение, уходящее ввысь.

После того как Олег Корсаков доложил о построении, капитан начал:

— Командиры мачт, в следующий раз обеспечьте своевременный сбор и построение своих людей...

Капитан, когда сердился, странно вытягивал и сжимал губы, при этом его рыжеватые усы щетинились, а светлые глаза скрывались глубоко в морщинах. Так было и сейчас.

— А вам, товарищи курсанты, надо выполнять команды расторопнее... Снимите перчатки — сделал он замечание какому-то курсанту. — Не бойтесь мозолей... В свое время мы гордились, когда смола впитывалась в наши ладони. Мы чувствовали себя моряками на парусном судне, летели по авралу черт знает как. Конечно, на обычном судне, судне с механическим двигателем, совершенно другие условия плавания. Там, если в море восемь-девять баллов, на верхнюю палубу не выходят, а здесь в такую погоду надо лезть на реи, ставить или убирать паруса. Но человек должен научиться преодолевать страх перед стихией... Вот в чем задач-а матроса парусного судна.

Он снова заходил взад-вперед. Шаг у него был твердый и неторопливый, как у человека, привыкшего думать, размышлять в движении. Вдруг он круто повернулся к веснушчатому парню, которого еще недавно отчитывал за опоздание командир мачты.

— В былые времена, в конце прошлого века, на том же клипере «Катти Сарк» плавала команда в 18 человек. Из них кадровых матросов было восемь, остальные же должности занимали тринадцатилетние мальчишки. Так вот, с этими мальчишками капитан Вуджет бил мировые рекорды, которые до сих пор остаются непревзойденными. С тринадцатилетними мальчиками... И когда они получали дипломы штурманов, то лучшей рекомендацией было плавание на «Катти Сарк». «Как, — говорили, — вы плавали на «Катти Сарк»? Когда это было?»—«Тогда, когда командовал капитан Вуджет». Все это я вам говорю, — продолжал капитан, — чтобы вы знали, ценили свою удачу, воспользовались ею. Ведь не всём приходилось, учась в мореходных училищах, проходить практику на самом большом в мире парснике. У вас есть руководители, в вашем распоряжении опытные боцманы, штурманы. Так учитесь, берите, но только не половинчато...

Между тем ветер над нашими головами начал стихать. Этого нельзя было не заметить, не услышать, стоя на палубе. Капитан, широко расставив ноги, посмотрел на ослабевшие паруса, на полосатый «колдунчик». Потом, заметив стоящего за спиной старпома, спросил:

— Как идем?

— Не более двух узлов делаем, Владимир Александрович... Отвернем от курса немного?

— Хорошо..., градусов на десять-пятнадцать. Может, полнее заработают паруса, — сказал капитан и опять повернулся к строю. — Итак, поворот через фордевинд! — произнес он твердо. — Всякий поворот на парусном судне сопряжен с перемещением центра парусности либо в корму, либо в нос. Это вы знаете. Вам объясняли... При повороте через фордевинд судно пересекает линию ветра кормой. Надеюсь, это вы тоже знаете...

Обычно разбор работы командиры .мачт делали сами, после аврала. Но во время последнего аврала капитан на мостике сердился, был недоволен. И хотя перед ним не было ни курсантов, ни подчиненных, он так же сжимал губы, щурил глаза, нервно ходил по мостику и, глядя с болью на паруса, рычал себе под нос: «Командиры мачт должны были следить, чтобы паруса гротов постоянно находились в положении левентих». И вдруг, резко взяв микрофон, сделал замечание: «Я просил держать левентих, а у вас паруса стенятся...» И сейчас,, слушая его четкую морскую речь, нетрудно было догадаться, что он таким образом выговаривает штурманам, а не курсантам. Для них это только лишний урок капитана на тему «Поворот через фордевинд», который они наверняка запомнят на всю жизнь. Но капитан не поставил еще точку, а продолжал:

— Но поскольку паруса легли на стеньги, естественно, судно замедлило ход, потеряло свою былую скорость... Вы думаете, чем быстрее развернутся реи, тем скорее совершится поворот? Ничего подобного. Тут нужно держать гротовые реи в левентих, то есть так, чтобы паруса все время полоскали, ветер дул параллельно им, а не заходил с противоположной стороны и не действовал на судно; надо, чтобы работали только фоковые паруса. Пока ветер не зайдет на фордевинд, то есть не будет дуть прямо в корму... Ну как, понятно? — обратился он к строю. — Тогда хорошо. — Он посмотрел на часы. — Будем готовиться к полднику.

Уходя, Владимир Александрович подошел к Филарету, Сулеву и Сийму. Как всегда, они стояли вместе на левом фланге.

— Вам тоже понятно?..

Продолжался одиннадцатый день нашего плавания.

К полудню ветер зашел на чистый норд, принося с собой рваные черные тучи, которые буквально цеплялись за мачты. Море сразу посерело, по-осеннему взволновалось, волны стали тяжелее и круче. «Крузенштерн» попрежнему шел устойчиво, с небольшим креном на правый борт, испытывая килевую качку. Резко похолодало, и потому впередсмотрящего курсанта одели в тулуп.

На палубе осталась лишь вахта: четыре курсанта у штурвала и с ними старший матрос, вахтенные штурманы и еще парусный мастер с тремя курсантами, занятые ремонтом разорвавшегося утром косого паруса. Они устроились посреди шлюпочной палубы, установили массивную швейную машину, рядом стоял потертый чемоданчик Геннадия Алексеевича с инструментами. Сам мастер сидел на разложенном на палубе стакселе и выре-

зал тяжелыми ножницами куски из новой парусины. Курсанты были с ним все те же — я их часто видел с Геннадием — калужанин Коля, Айнис, светло-русый латыш с доверительной улыбкой, и Володя Зенёв, который на Рухну был нашим переводчиком, русский парень, родившийся в Эстонии. Конечно же, картина была необычная. В море шторм, наверху гудит в снастях ветер, а на палубе швейная мастерская, мастер со своими учениками...

К вечеру ветер не изменил ни направления, ни своей силы. Капитан решил поднять людей на реи, чтобы укатать и крепить паруса. Ночью ветер мог усилиться.

Прогремел звонок громкого боя.

У мачт, разбирая страховочные пояса, затолкались ребята.

— Командиры мачт! — разнесся сквозь рев ветра над палубой широкий и зычный бас капитана. — Стройте людей, объясните задачу... Будем крепить прямые паруса.

Брамсели и бом-брамсели убраны и укатаны неделю назад, так что крепиться сейчас будут верхние и нижние марсели и фок — самые большие и тяжелые паруса. Штормовые.

— Мотористa в катер! В перчатках и рукавицах не подыматься. Командиры, вы лично несете ответственность...

Ветер вздувает и рывками полощет шлейфы схваченных Титовыми и горденями паруса. И потому, прежде чем подняться на реи, матросы скидывают с нагелей снасти и начинают со скрипом подбирать слабину.

— Товарищи практиканты, — снова звучал голос капитана в палубной трансляции, — при подъеме на мачты и работе на реях будьте осторожны, не торопитесь. Опустите на фуражках штормовые ремешки... Вахтенный помощник! Не вижу мотористa в катере.

Ребята выполняли все приказания с мостика, но ждали главной команды:

— Пошел наверх!

Временами казалось, что голос с мостика не успевает дойти до бака и кормы, как ветер схватывает его на лету и уносит в море. На фок-мачту первым взбирается парусный мастер, единственный человек на судне, который ходит в сапогах, за ним матросы, курсанты. И, глядя на них, прижатых ветром к вантам, вспоминаю разговор с матросом Юзефом Чубриком, человеком, влюбленным во все, что связано с парусом, с «Крузенштерном»

«Человек, поднимающийся на мачту первый раз, — говорил он, — так крепко держится, что его не оторвешь. А сорваться может скорее тот, у кого притупилось чувство опасности...»

По сути дела, курсанты пошли работать на высоту впервые. Впервые в штормовую погоду. Все, что было с выхода в море до сегодняшнего дня, — не в счет, потому что легкое не оставляет следа, а след — это обретение...

Ребятам предстоит, стоя на тонком стальном тросе на высоте тридцати с лишним метров, сопротивляясь силе обжигающего восьмибалльного ветра, подобрать паруса, аккуратно укатать, завалить на реи и закрепить сезневками. .

Медленно, трудно подбираются паруса. Только прихватишь его, притянешь к себе, как ветер вырывает из рук, и ты, прижавшись к стальному рею, тянешься к нему снова. С полубака видны лица ребят и торчащие на пертах ноги. На верхнем марса-рее работают почти все мои знакомые: с левого нока управляет укаткой Юзеф, он уже подобрал часть паруса и прижал ее своим мощным торсом к рею. Рядом с Юзефом Филарет, за ним и светленький Сийм. Вижу, как они притягивают парусину, а она медленно сползает вниз. Юзеф кричит им: «Еще, еще... нуГ Набирайте парусину, складками, складками, притяните, и держите животом...» Но у этих ребят силенок не хватает. Они застыли с вытянутыми руками, но парусину не выпускают. А следующий курсант тянется из-за реи так, что одна нога носком только касается опоры, троса. С правого борта на ноке реи работает боцман мачты Варивончик, у него ребята крупнее, и они уже собрали парусину, но никак не могут перевалить ее на рею... «И... раз, и... раз...»,— кричит боцман с края реи, и в это время на баке появляется старший боцман Ковалев. Он как Фигаро, то там, на корме у бизани, то у гротов, а теперь пришел сюда, к фоку, и снизу командует: «Тащи, тащи... Держите, — говорит он,— сейчас подойдут, помогут...» — «Хорошо пошло, — слышится сверху. — Крепи сезнями». Вниз, в море, летят короткие концы — оборванные сезневки... Иногда кто-то из ребят украдкой подносит руку ко рту и дышит, греет ее, а ветер холодный, со свистом, рвет и мечет, раздувает форменки, оголяет ноги... И вдруг понимаешь, что для тех, кто находится на рее с правого борта, корпус корабля — на одной стороне, а сами они — в другой, высоко над крутыми волнами, откуда ветер бросает в их лица холодные брызги. . Судно накренилось на правый борт, и хоть паруса убираются, но двухсоттонный рангоут «Крузенштерна» в такую свежую погоду несет немалую парусность...

На баке у судового колокола стоит в тулупе огненно-рыжий паренек, впередсмотрящий. Он, задрав голову, следит за товарищами, работающими на реях.

— Тебе повезло, — говорю я ему.

— Нет... Там, наверху, интереснее...

Ночью ветер ослаб до шести баллов и стал поворачивать на норд-вест. Когда до берега оставалось около пятнадцати миль, повернули и легли на новый курс, к центру Балтийского моря. В шесть утра на мостик поднялся капитан Толмасов. Это было его время.

— Аркадий Николаевич, — потянувшись, сказал капитан, — идите делайте свой обход, я постою.

Обычно к концу вахты делали обход по судну. Спускались в нижние палубы и помещения, ходили по корабельным отсекам и коридорам, заглядывали в курсантские помещения, в кубрики. На судне вахтенный помощник должен знать общую обстановку, особенно ночью.

Старпом вернулся.

— А мальчишки крепко спят... Вчера во время аврала измотались.

— Какие еще там мальчишки... — проворчал капитан.

— Так-то оно так, — сказал Аркадий Николаевич. — Мы, когда были в их возрасте, не чувствовали себя мальчишками. Была война, и мы взрослели из месяца в месяц...

Капитан Толмасов, уловив в голосе старпома хорошо знакомые ему самому нотки, неожиданно сказал:

— Пора! Будем играть парусный аврал. Поднимать паруса.

— Все?

— Да, все. Пусть учатся.

Загремел по судну звонок громкого боя: «Все наверх. Все наверх...» А через несколько минут внизу, « коридорах, нарастал топот бегущих ребят.

Начинался новый день с неизменной поправкой на ветер.

Балтийское море, 1977 год

КАК РОДИЛСЯ «ПЕРЕКРЕСТОК»

С Эллой я познакомился в первый же вечер, в одном из рабочих клубов Вены, и встреча эта оказалась самой теплой и незабываемой за все время, пока я ездил по стране. Мне хотелось к,ак можно больше узнать о жизни и делах австрийских комсомольцев, да и о судьбе самой Эллы, третий год работающей в организации Коммунистической молодежи Австрии.

Наша беседа в тот майский вечер затянулась допоздна. А начался разговор с вопроса о жизни самой Эллы.

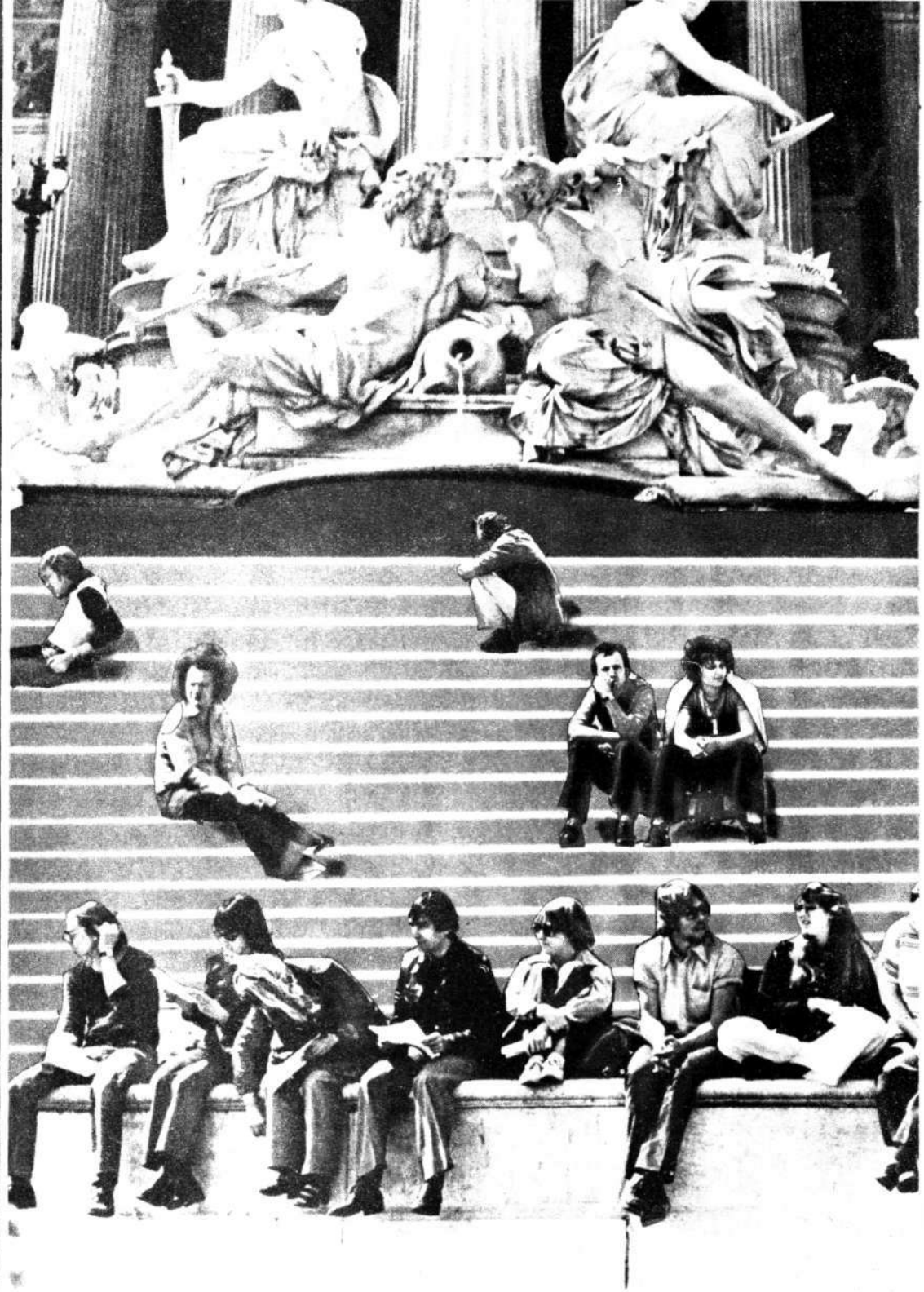
— Ты спрашиваешь, почему я решила вступить в комсомол? — переспросила Элла. — «Виной» тому в какой-то степени мой муж. Мы познакомились с Вилли, когда я поступила в университет. Он работал секретарем комсомольской организации одного из районов Вены. Малопомалу Вилли заинтересовал меня комсомольскими делами. Водители встретили мое решение в штыки. Оба они принадлежат к консервативной Австрийской народной партии, и мои взгляды были для них неприемлемы. Теперь даже в отпуск и на каникулы я не езжу в Зальцбург, где родилась... Каждый день так загружен, что вечером я буквально валюсь с ног. Мои планы на будущее? Хотелось бы наконец закончить университет. Из-за того, что надо зарабатывать на жизнь, приходится часто прерывать занятия.

— Ну а после окончания университета ты не боишься, что тебя ждет «запрет на профессию», как это, скажем, практикуется в Федеративной Республике Германии?

— Если говорить о преподавательской работе, то передо мной действительно закрыты двери гимназий и университетов. Большинство учителей — члены консервативных партий, и стать преподавателем для коммуниста практически невозможно.

— А что же делать?

— Пока не знаю. Сейчас я занята, как и все мы, подготовкой к празднику нашей организации. Семь лет назад, на учредительном конгрессе, 120 деле-



ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

РЕПОРТАЖ В ДИАЛОГАХ

гатов, представлявших тысячу комсомольцев, основали Коммунистическую молодежь Австрии. Тогда же была выработана и программа организации, получившая название «Пять основных прав молодежи». В ней изложены и объяснены главные требования, которые выдвигает комсомол Австрии.

Передо мной брошюра, изданная комсомольцами, — программа действий Коммунистической молодежи Австрии.

Прежде всего речь идет о праве на труд. Даже буржуазная печать называет растущую безработицу в стране «структурной проблемой Австрии». Безработица в первую очередь затрагивает молодежь, выпускников школ. Уверенности, что по окончании школы не придется обивать пороги биржи труда, у австрийских юношей и девушек нет.

До сих пор в Австрии остается нерешенной проблема профессионального обучения. 80 процентов молодежи начинают свою жизнь подмастерьями на мелких предприятиях, где занято от пяти до пятидесяти человек. На крупном промышленном производстве вчерашним школьникам делать нечего — у них нет специальности, и это вполне понятно. Но... получить необходимую специальность практически негде: профессионально-технических училищ в стране ничтожное количество.

Несмотря на бесплатное образование, получение диплома остается недосягаемой мечтой для большинства простых австрийцев. Чтобы учиться, нужны средства на жизнь. А цены растут. «Не проходит и дня, — писал журнал «Профиль», — чтобы на бумажник австрийца не было покушения». Результаты этих покушений ощущает каждая трудовая семья. С 1 января 1977 года в очередной раз повысились цены на молочные продукты, растут цены на хлеб. Даже по официальным данным, 750 тысяч человек — каждый десятый австриец — живут в условиях нищеты.

Еще одна проблема — досуг. Как проведет его молодой человек, прежде всего зависит от кошелька. Хочешь вступить в клуб — значит, плати членские взносы, а в каждом случае это немалая сумма. Комсомольцы требуют, чтобы право на отдых, занятия спортом было гарантировано и доступно всем.

«Нам никто не подарит наши права, — обращаются к своим ровесникам авторы программы. — Каждый из нас должен бороться за их осуществление... Но в одиночку ты ничего не добьешься. Поэтому необходимо, чтобы мы объединились, выступали совместно».

— Первостепенная задача — обратить внимание австрийской общественности на нерешенные проблемы молодежи, — рассказывала Элла, пока я листал брошюру. — Сейчас по нашей инициативе в стране проходит «Красная молодежная неделя». В ней участвуют не только Союз студентов-коммунистов, пионерская организация «Молодая гвардия», комсомольцы и молодые коммунисты, но и многие «неорганизованные» ребята, которых мы стремимся привлечь в наши ряды.

Лозунг «Красной недели» — борьба за мир, социальную справедливость, демократию и социализм. Мы серьезно готовимся к вашему славному юбилею — 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: например, проводим концерты политической песни, где выступают известные прогрессивные молодежные ансамбли из разных стран мира.

Между прочим, «Красная молодежная неделя» выступила и с таким требованием — запретить в стране профашистские организации вроде «новых правых».

Словом, дел очень много, трудностей тоже. Во всех районах Вены у нас действуют рабочие клубы. За каждое помещение надо платить, и немало. Раз в неделю мы собираемся на «группенабенд» — комсомольские вечерние собрания. Ребята общими усилиями готовят доклады об условиях труда на предприятиях, где они работают; составляют рефераты по различным проблемам, скажем, по проблеме преступности среди молодежи Австрии. На «группенабенд» мы проводим и политинформации, чтобы обменяться мнениями о текущих событиях в мире. А в свободные дни встречаемся в рабочих клубах — устраиваем капустники и концерты, поем, танцуем. Есть у нас и свой любительский сатирический театр.

Работу молодых актеров мы увидели в тот же вечер. Пересказывать все представление вряд ли необходимо. В словесной передаче острота ситуаций неизбежно теряется. Была, например, такая сценка. Молодой человек приходит наниматься на производство. «Что вы хотите делать?» — спрашивает его босс. «Работать, конечно», — отвечает юноша. «А еще что?» — «Учиться по вечерам». — «Как — работать и учиться одновременно?! — удивляется босс. — Нет уж, выбирайте что-нибудь одно».

Просто? Конечно, просто. Но одновременно и зло. И смешно сыграно. Зал покатывается от хохота.

Возможно, любительские актеры так никогда и не перейдут на профессиональную сцену. Возможно, самодеятельный политический театр вообще останется для них маленьким эпизодом в жизни, но то, что они делают сейчас, — это злободневно и очень нужно молодым австрийцам — тем, которые по вечерам собираются в рабочих клубах.

Из крохотного зрительного зала мы перешли в соседнее помещение — нечто вроде молодежного кафе.

— В позапрошлом году, — рассказывала Элла, — мне поручили заняться совершенно новым делом. Вальтер, подсаживайся к нам! — окликнула она высокого юношу. — Нам с Вальтером Обереггером поручили наладить выпуск молодежной газеты. Вообще-то центральный орган нашей организации — журнал «Эксплозив» — выходит уже давно. С начала 1975 года налажено издание журнала КМА «Функе» — «Искра» — в земле Форарльберг, но в Вене своей газеты до той поры не было.

Вальтер охотно включился в разговор:

— Деньги на типографское оборудование мы копили довольно долго. В конце концов, удалось за тридцать тысяч шиллингов приобрести офсетную машину. Печатников среди нас не оказалось, так что пришлось самим осваивать издательское дело. Мы объявили конкурс на лучшее оформление газеты. Долго думали, как ее назвать. Кто-то предложил название «Перекресток»: на перекрестке, мол, много людей, все куда-то спешат, кругом оживленное движение, и в этой гуще мы, комсомольцы. Образ понравился. Первый номер «Перекрестка» вышел в декабре 1975 года. Это первая и пока единственная венская газета Коммунистической молодежи Австрии. Выходит она дважды в месяц во Втором районе Вены и с первых дней существования пользуется популярностью у читателей.

Второй район Вены — это рабочие кварталы города. Над домами здесь высятся трубы заво-

дав и корпуса фабрик, сеть улиц переплетается со стальной паутиной железнодорожных путей.

Одно из зданий района носит название «Дом Карла Маркса». Его построили в двадцатые годы — по требованию венских рабочих, которые стремились получить благоустроенное общежитие.

С тех пор это здание неразрывно связано с историей борьбы австрийского пролетариата. Во время февральских боев 1934 года, когда рабочие организации пытались дать отпор фашистам, «Карл-Маркс-хоф» превратился в крепость. Триста пятьдесят бойцов рабочих отрядов обороняли его от наступления двух батальонов пехоты, полиции, фашистов, поддержанных огнем трех батарей. И выстояли...

ПЛОЩАДЬ «РЯЖЕНЫХ»

«Горный край на берегу Дуная» — так звучит первая строка национального австрийского гимна, музыку которого написал Вольфганг Амадей Моцарт. Помимо официального названия — Австрийская Республика, — у «Горного края» есть несколько других. Например, «Остров покоя». Долгое время считалось, что Австрия — с её пышными лесами, альпийскими пастбищами — самая тихая страна Европы. Позднейшие исследования показали, что это далеко не так. Как утверждает Центральное статистическое ведомство, ныне каждая вторая квартира австрийца — любого австрийца, и горожанина, и сельского жителя, — страдает от чрезмерного шума. В числе причин и интенсивное развитие транспорта, и плохая звукоизоляция зданий. Только шесть процентов жилищ можно считать действительно «тихими».

Есть и еще одно название страны — «Остров счастливых». Его выдвинул не кто иной, как папа Павел VI. Очевидно, он посчитал, что от Австрии еще далеки те острые социальные проблемы, которые стоят перед такими капиталистическими странами, как ФРГ, Италия, Швейцария. Так ли это?

...В людском водовороте, бурлящем на венской площади Амхоф, я не сразу понял, в чем дело. Хрупкую фигурку стоявшей неподалеку девушки, казалось, сковала неведомая сила. Руки ее застыли в воздухе, изогнутые и недвижимые, словно ветви засохшего дерева. Дымящаяся сигарета обжигала скрюченные в судороге пальцы. Почувствовав недоброе, толпа расступилась, и несколько человек, подхватив медленно оседавшую девушку, уложили ее на протянутый кем-то плед. В небо уставились застывшие зрачки глаз. Белое, как луна, лицо перекошено болезненной гримасой. Кто-то побежал вызывать по телефону полицию, кто-то суетливо распечатал лекарство...

Неприятный режущий запах окурка, лежавшего на брусчатке, развеял сомнения. Причина ясна — наркотик.

...Площадь Амхоф — сердце Вены. Двадцать столетий назад здесь обосновались римские легионы, разгромившие кельтских вождей. В том месте, где в правый рукав Дуная вливалась речка Вин (ныне Вена), в начале нашей эры они построили военный лагерь — Виндобона. Теперь уже мало кто помнит о древней крепости. И только названия улиц старой Вены говорят о далеком прошлом. Проходящая, например, рядом с площадью улица Грабен (Ров), излюбленное место прогулок венцев, проложена как раз на месте рва, опоясывавшего некогда крепость.

Два тысячелетия спустя, уже в наши дни, на месте бывшего римского лагеря, со временем разросшегося и давшего начало одной из красивейших столиц Европы, обосновалось царство хиппи. Вот уже несколько лет подряд эта публика ежедневно — с пяти часов утра и до заката солнца — собирается на «площади у дворца» — так переводится с немецкого название Амхоф.

Венцы рассказывают, что хиппи выбрали центральную площадь города для своих встреч в середине шестидесятых годов. В ту пору волна хиппи захлестнула столицы многих западных стран. Но время шло, хиппи взрослели, обзаводились семьями, на смену им приходило новое поколение, которое к идеалам «детей-цветов» относилось уже с недоверием. Мода постепенно пошла на убыль. И хиппи уступили место... предприимчивым торговцам. Площадь Амхоф превратилась в барахолку. «Настоящих» хиппи на площади теперь немного. За наскоро сколоченными прилавками воцарилась целая армия деляг и спекулянтов, под хиппи ряженных. Тысячи туристов, приезжающих в Вену, приобретают у них немыслимые товары, которые в любом другом месте выглядели бы смешными и никому не нужными. Правда, наркотики «смешным» товаром не назовешь. А промышляют ими здесь очень активно.

...Через некоторое время девушка пришла в себя.

— Пожалуйста, не выдавайте меня полиции, — начала она упрашивать прохожих, когда с прилегающих к площади улиц донесся пронзительный вой полицейских сирен. — Я просто плохо себя почувствовала.

Кто-то помог ей встать, и она, пошатываясь, поспешила оставить площадь Амхоф.

Как контрабанда, так и употребление наркотиков в Австрии наказуемо законом, поэтому понять пострадавшую было нетрудно.

Ни для кого из венцев не секрет, что в самом сердце города заняли прочные позиции торговцы наркотиками. Очевидно, знает об этом и полиция. Почему бы ей не разогнать «ряженых», запретить барахолку?

Я рискнул высказать эту мысль одному из знакомых венцев.

— Ну что вы, как можно?! — услышал я в ответ. — У нас свободная страна, и каждый волен собираться, где хочет.

— А как же тогда остановить контрабанду наркотиками? — недоуменно спросил я.

— Это уж дело полиции.

Те же вопросы я задавал таможенникам в Зальцбурге, расположенном у самой границы Австрии с ФРГ.

— Основная масса наркотиков, — пояснили мне, — идет с севера, из Западной Германии. Летом туристов так много, что пограничники едва успевают ставить в паспортах штампы. Большую помощь, конечно, оказывают специально обученные собаки, по запаху распознающие наркотики, спрятанные в багаже. И все же немалая часть ядовитого груза беспрепятственно проходит в страну.

...К шести часам вечера площадь Амхоф пустеет. На брусчатке мостовой — вороха не

убранного еще мусора. Ветер подбрасывает в воздух клочки бумаги. А неизвестно откуда взявшиеся дворняги вприпрыжку носятся с места на место, гоняя пустые консервные банки...

В ГОСТЯХ У «МОЙЩИКОВ БЫКОВ»

Собор святого Стефана — одно из самых грандиозных средневековых строений в Европе. Четыре столетия возводили этот готический храм в центре Вены искусные зодчие.

Неподалеку от собора к стене дома прикреплен огромный пень, настолько усеянный вбитыми в него гвоздями, что кажется одетым железной корой. Его так и называют «Шток им Айзен» — «Пень в железе».

Говорят, этот пень некогда стоял на опушке Венского леса и мимо него шла дорога на Зальцбург, а оттуда в Германию. Отправлявшиеся за границу на поиски заработка венские кузнецы, покидая родной город, непременно вбивали в пень по гвоздю.

И ныне каждого путника, собравшегося из Вены в Зальцбург, искушает желание забить в «Шток им Айзен» хоть какой-нибудь гвоздик — для уверенности в доброй дороге. Но, увы, вбивать некуда.

Австрийцы называют Зальцбург «дождливой ямой». Более 1000 миллиметров осадков выпадает здесь ежегодно, так что прозвище вполне оправдывается.

Чем ближе к Альпам, тем переменчивей австрийская погода: здесь властвует альпийский ветер фен. Весной его ждут: быстро тают снега, и оано начинают цвести деревья. Осенью тот же фен гарантирует сухую погоду, благоприятную для уборки урожая. Зато зимой он нежеланный гость. Налетит — и тут же откуда ни возьмись оттепели, с гор обрушиваются снежные лавины...

Медики утверждают, что фен вызывает головную боль, апатию, раздражительность. Поэтому в клиниках из-за него откладывают сложные операции, а австрийские юристы нередко принимают во внимание влияние фена при вынесении судебных приговоров.

Природа щедро наградила Зальцбург. Александр Гумбольдт считал его одним из трех самых красивых городов мира. Окруженный холмами, украшенный башнями колоколен и шпилями церквей, город залит зеленью парков и садов.

Уже в каменном веке обосновались в этих местах племена иллирийцев, занимавшихся добычей каменной соли. С солью связано и название города. Зальцбург в переводе с немецкого означает «Соляной город». Огромные солеварни Галлейнского ущелья сохранились до наших дней и привлекают сейчас немало туристов.

В средние века Зальцбург стал резиденцией австрийских архиепископов и получил название «австрийского Рима». Князья-архиепископы заложили здесь, на пересечении древних торговых путей, неприступную крепость, кафедральный собор, монастыри и храмы. Сейчас в городской резиденции правит 86-й архиепископ Зальцбурга Карлберг.

Горожане давным-давно прозвали церковников Зальцбурга «мойщиками быков». Во время длительных средневековых осад монахи водили по стене крепости Хойензальцбург одного и того же (единственного!) быка. Его то и дело красили в новый цвет, мыли и опять перекрашивали, чтобы убедить противника, буд-

то в крепости избыток провианта. «Мойщики быков» стали символом хитрости и изворотливости монахов. Прозвище сохранилось до наших дней, хотя, разумеется, необходимость в перекрашивании скотины давно отпала.

— Посмотрите на этот древний Juvavum, — подчеркнув римское название, сказал мне монах-гид, когда лифт поднял нас на смотровую площадку крепости. — Сколько древнейших памятников римской эпохи сохранил этот славный город! Живописные скалы пронизаны многочисленными рукотворными гротами. Некогда они служили приютом для тысяч паломников, посещавших «австрийский Рим». Теперь сюда не ездят на церковные службы. А кельи в монастыре на Капуцинской скале приходится сдавать студентам — хоть малый, но все-таки доход.

— А как же современные, «прогрессивные» методы? — прервал я своего проводника. — В некоторых странах Европы, в Голландии например, служители церкви создают для прихожан спортивные и прочие, клубы, устраивают в соборах пикники и вечера танцев для молодежи. В Австрии я этого не встречал. Почему вы не стремитесь подобными способами привлечь к себе верующих?

— Австрийская католическая церковь, — не без гордости произнес собеседник, — одна из самых консервативных. Мы отстаиваем чистоту веры и каноны обрядов. Кое-кто говорит, что мы старомодны. Но к этому призывает нас священная память Иисуса Христа. Мы не намерены превращать церковь в место для увеселений. Это путь богохульства.

— Так, может, именно по этой причине австрийцы в последние годы все больше отходят от религии? По официальным данным, каждый год в среднем 25—30 тысяч граждан республики порывают с религиозными общинами. И наибольшие потери несут приходы католической церкви.

— Если вы думаете, что причины этого явления кроются в консерватизме церкви, — услышал я в ответ, — то ошибаетесь. Приходы действительно теряют верующих. Многих прихожан, особенно молодых, не привлекают церковные церемонии. Их прельщают развлечения, а не службы в церквах. Иные расстаются с общкной и из-за материальных соображений. Прихожане обязаны выплачивать церкви ежемесячный налог в размере двух с половиной процентов от суммы их доходов. Далеко не всем это по душе, в своем корыстолюбии они доходят до того, что предают общину.

Может быть, дело действительно в корыстолюбии, может быть, в чем-то еще, только во всем огромном, неприступном Хойензальцбурге осталось лишь... четыре «мойщика быков».

ИДУЩИЕ НАЗАД

«Красно-бело-красная республика» — так иногда называют Австрию. В эти цвета окрашен государственный флаг страны.

В средние века Вена, стоявшая у самых ворот Востока, была главным оплотом христианства в длительной войне с мусульманами. Две осады, которые Вена выдержала в 1529 и 1623 годах, принадлежат к числу значительных событий в истории Европы.

Как донесла до наших дней молва, в одном из сражений с турками, поднимавшимися на своих судах по Дунаю до самых стен Вены, австрийский импера-

тор был ранен. Кровь окрасила его рубашку, запятнала белый кожаный пояс. В память о той битве и крови, пролитой монархом, австрийский флаг сделали красно-бело-красным.

Хофбург — бывший императорский дворец в центре Вены, хранит замечательные сокровища искусства и уникальную библиотеку в полмиллиона томов.

Красавец Шенбрун — летняя резиденция Габсбургов, построенная императрицей Марией-Терезией. Дворец окружен парками, а на холме напротив возвышается величественный портик Глориэтта, с которого открывается прекрасная панорама города.

У одних эти памятники истории и архитектуры вызывают восхищение, у других — тоску по давно ушедшим временам.

Для знакомства с последними я и отправился в Бад-Ишль — маленький уютный городок, лежащий недалеко от Зальцбурга.

Ежегодно в августе, в день рождения последнего австрийского императора Франца-Иосифа, в просторной городской церкви служат «Кайзермессе» — мессу в его честь. Хотя император Франц-Иосиф умер в 1916 году, но и сейчас под сводами церкви в Бад-Ишле собираются аристократы, чтобы помянуть «старые добрые времена».

— Наша Австрия была прекрасна, — с ностальгическим упоением повторяют они. — В державе тогда насчитывалось 50 миллионов человек, сейчас осталось лишь семь с небольшим.

Не менее четырехсот особ, некогда приближенных к императору, регулярно встречаются в Бад-Ишле у Кайзервиллы — бывшего охотничьего особняка Франца-Иосифа.

— Его величество был страстным охотником, — говорят они, едва ли замечая, что в речи их неизменным унылым рефреном звучит слово «был». Взгляните на (стены особняка. Их украшают рога 3600 оленей, убитых Францем-Иосифом на королевских охотах. И под каждым трофеем, обратите внимание, висит табличка с указанием места и времени охоты.

Монархисты проводят свои собрания не только в Бад-Ишле, но и по всей стране. В последние годы на эти встречи стали приходить, кроме престарелых аристократов и их отпрысков, молодые люди вовсе не «голубых кровей». Монархисты задались целью заразить ностальгией по безвозвратно ушедшему прошлому подрастающее поколение австрийцев. И их стараниями три года назад была создана молодежная монархистская организация «Инициатива молодых студентов Европы». С одним из членов этой организации, Гансом Эбером, меня познакомили студенты Венского университета.

Мы гуляли с Гансом по улочкам старой Вены, и Эбер с благоговением рассказывал об особняках знати, сохранившихся в центре города.

— Здесь жили Разумовские, а в доме напротив — Шварценберги. Часть бывших дворянских особняков приобрело- государство, так как их содержание стало не по карману хозяевам, — с грустью, весьма удивительной в интонациях молодого парня, говорил Ганс.

— Чего добивается ваша организация? — я наконец улучил секунду, чтобы задать вопрос.

— Мы боремся за то, чтобы в Австрии была восстановлена монархия, чтобы страны Австро-Венгерской империи вновь объединились в единое могущественное государство.

Этот лозунг был мне уже знаком. В эпоху величия австрийской империи Габсбурги всюду: на стенах дворцов и общественных зданий — ставили инициалы A. E. I. O. U. — начальные буквы латинского девиза «Austriae est imperare orbi universo», — что и означает: «Австрии предназначено повелевать всем миром».

Недалеко ушла в своих устремлениях «инициатива молодых студентов». Точнее, и не ушла вовсе, а вернулась в невозвратимое прошлое.

«У ТРЕХ КРЕСТОВ»

...Первомайские плакаты, висевшие в центре Вены, были перечеркнуты жирной фашистской свастикой.

— Неофашисты? — переспросили меня. — Ну что вы! У нас в Австрии неофашистов нет!

Такой ответ мне доводилось слышать неоднократно. Но факты вещь упрямая, и они доказывали обратное. Первое подтверждение я услышал от студентов Венского университета.

— За этими молодчиками наверняка стоят богатые покровители, — рассказывали они. — Иначе, с чего бы вдруг полиция стала им помогать? Не так давно мы собрались на антифашистский митинг. В зале нас было человек сто пятьдесят. У входа в университет неистовствовала толпа юнцов. А полиция — вместо того, чтобы разогнать или задержать их — пропустила всю группу — человек двести — в зал и закрыла за ними двери. Вооруженные дубинками и кастетами, эти молодчики начали зверски избивать участников митинга. После чего полиция почему-то беспрепятственно выпустила их из здания университета. Многих студентов пришлось отправить в госпиталь.

Рабочий железнодорожного депо Вальтер Штенке с негодованием рассказал мне о другом случае:

— Прошлым летом, видя бездействие полиции, мы сами привели пятерых неофашистов в полицейский участок. В тот день мы работали на строительстве культурного центра для молодежи, который создается сейчас в Вене. Вдруг на стройплощадку ворвались неофашисты. К счастью, нас было больше, и этой банде пришлось убраться восвояси. Но тех, кого мы доставили в полицейский участок, на следующий день освободили. А почему — нам и объяснять не стали...

Еще об. одной провокации неофашистов мне поведали мои знакомые из Союза студентов-коммунистов.

— Целых два месяца нам пришлось добиваться освобождения наших товарищей, — рассказывали они. — В марте этого года неофашисты вытребовали у прокурора Вены ордер на арест двух членов Союза студентов-коммунистов. Их обвинили в том, что они оказали сопротивление распоясавшейся группе молодчиков, когда те устроили провокационное сборище у стен Венского университета и требовали проведения в Австрии и ФРГ «дня немецкого единства». Уже в ходе предварительного следствия выяснилось, что в это время оба члена нашего союза даже не находились у здания университета. Видимо, кто-то неплохо заплатил «блюстителям правосудия», чтобы на скамье подсудимых вместо фашиствующих юнцов оказались коммунисты.

Кроме оголтелого антикоммунизма, неофашисты исповедуют идеи реванша. Начиная с 1975 года в Австрии ежегодно устраивают свои сборища судет-

ские немцы, где открыто высказываются территориальные притязания к ЧССР.

В последнее время попустительство австрийских властей развязало руки даже... эсэсовцам. Гитлеровцы из «Объединения бывших служащих войск СС» в мае этого года провели в Тироле свою первую международную встречу.

Не так давно австрийские социологи провели опрос 1500 жителей страны, являющих собой как бы микромодель австрийского общества. Вопросы затрагивали основные элементы нацистского мировоззрения.

Оказалось, что лишь 42 процента опрошенных считают все народы равноценными, а 39 процентов, напротив, убеждены, что в Европе существуют высшие и низшие расы. Более чем в пятой части анкет выражено желание иметь во главе страны «сильную личность» — фюрера. А 15 процентов опрошенных убеждены, что Австрии необходимо больше «жизненного пространства».

Впрочем, ни у прессы, ни у общественности страны итоги опроса тревоги не вызвали...

Многим в Австрии я задавал один и тот же вопрос: «Что вы знаете о неофашистах, их организациях, программе действий, методах работы?» Ответы всегда звучали стереотипно: «Неонацисты работают очень скрытно, поэтому информацию о деятельности фашистских организаций получить не у кого». Я просил свести меня с кем-нибудь из членов фашистской организации. Но мне неизменно отвечали: «Эти люди никогда открыто не называют себя фашистами, а их организации то и дело меняют вывески».

Я уже было потерял всякую надежду на такую встречу, но помог случай.

Студенты-коммунисты пригласили меня на антифашистский митинг, который должен был состояться у здания Венского университета. До митинга оставалось некоторое время, и я отправился в знаменитый Художественный музей на площади Героев, что в нескольких минутах ходьбы от университета.

В этом музее венцы подготовили выставку в честь 400-летия великого фламандца Петера Пауля Рубенса. В лучших залах галереи были вывешены 58 полотен художника, присланных в Вену из различных музеев страны и Лихтенштейна. Я подолгу задерживался у картин, но вдруг неожиданный шум на улице привлек мое внимание. Окна музея выходили на площадь перед университетом. Из окна было видно, как над зданием, быстро тая на ветру, поднимался в небо черный столб дыма. До демонстрации оставалось пятнадцать минут. Случайности быть не может, решил я, это провокация.

С угла одной из улочек, выходящих к университету, прекрасно просматривалось место пожара. Огонь уже был потушен приехавшей командой пожарников, и толпа зевак на площади постепенно рассасывалась. Но на улочке по-прежнему оставалась группа молодых людей в черных кожаных комбинезонах. Цепи лежавших на обочине дороги мотоциклов были спущены. Зачем?

«Неофашисты обычно бывают вооружены цепями», — вспомнились мне слова моего знакомого студента-коммуниста, которому не раз приходилось участвовать в стычках.

Ну что же, придется идти «ва-банк».

— Кажется, опоздал, — с досадой пожаловался я на английском языке одному из мотоциклистов. — Это был взрыв или пожар, не знаете?

Парень пристально оглядел мой джинсовый костюм, сумку авиакомпании «Панамерикэн» и буркнул на плохом английском:

— Вы из Америки? Турист?

— Да нет, журналист-неудачник, который опоздал на место события и теперь хочет понять, в чем дело.

— Ребята, — крикнул мотоциклист своим друзьям, — его интересует заварушка у университета.

— Может, пригласим парня «К трем крестам», если он такой любопытный? Не откажетесь от кружки пива?

Я не отказался, а сам недоумевал, что это за «Три креста»? Потом вспомнил. «У трех крестов» — так называлось место казней в Зальцбурге, где в средние века святая инквизиция устраивала аутодафе.

Оказавшись в пивной «У трех крестов», в самом центре Вены, я понял, что не ошибся. На магнитофоне крутились записи военных маршей, столы были исчерчены свастикой, а на стенах развешаны газеты с реваншистскими призывами.

— Пива для всех! — скомандовали мои сопровождающие, и бармен за стойкой, недвусмысленно вскинув руку в гитлеровском приветствии, принялся разливать пиво по кружкам.

— Так вас интересует, что это был за пожар? — переспросил меня один из парней, назвавшийся Гюнтером. — Кажется, взорвался какой-то газовый баллон неподалеку от университета. Кого-то, кажется, отвезли в госпиталь. Если хотите знать мое мнение, это дело рук коммунистов из студенческого союза. Они устроили там очередную говорильню.

— Но зачем коммунистам поджигать дома во время митинга?

— Им нужно во что бы то ни стало устроить в стране беспорядки, их не устраивает наша жизнь, им нужна революция! — изрек Гюнтер. — Подговорили какого-то левака подложить взрывчатку у баллонов с газом — и рады!

Сообщники Гюнтера разом ухмыльнулись, довольные таким изложением событий.

— Мы не дадим коммунистам захватить нашу Австрию! — выкрикнул один из юнцов. — Мы их перебьем всех до единого!

Гюнтер поднял вверх руку, чтобы успокоить компанию.

— Если хотите знать, наших организаций в стране уже больше тридцати. Пока нам еще нельзя говорить в полный голос. Но — имейте в виду! — придет время, и мы снова крикнем «хайль фюрер!». И множество наших сторонников ответят нам «зиг хайль».

По дороге в гостиницу я вспомнил свою поездку в Маутхаузен, один из бывших фашистских концентрационных лагерей в Австрии, земля которого пропитана кровью 206 тысяч замученных там людей.

На одном из надгробий лагеря смерти было написано: «Мы отдали здесь самое драгоценное, что имели, — свою жизнь, — за высокие идеалы гуманизма, в борьбе за родину, против нацистского варварства, против войны. Помни это!»

Помнят многие. Тех, которые не хотят помнить, тоже немало.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— Всю гитлеровскую оккупацию я прожила в Вене, — рассказывает фрау Реттер, семидесятилетняя старушка, в маленьком зеленом сквере в центре Вены.

Я прошу фрау Реттер вспомнить весну сорок пятого,

— Тяжелое было время, — отозвалась она. — Я никуда не могла уехать из города. На моих руках было четверо детей. А тут и бомбежки, и артобстрелы. Говорили, русские придут, будут всех уничтожать. А они первым делом продовольствие населению начали раздавать. Ведь многие голодали...

Уже приехав в Москву, я нашел в архиве сводки советской военной комендатуры, датированные апрелем 1945 года. В них говорится, что, оставляя город, фашисты уничтожили или увезли наиболее ценное промышленное оборудование, разграбили все продовольствие, предназначавшееся для жителей Вены, разрушили газовую, водопроводную и электросеть города.

Силами советских солдат восстанавливались мосты и дороги, водопровод и электроснабжение... В первый год после освобождения Советский Союз предоставил Австрии почти столько же продовольствия, что и три западные державы, вместе взятые. А ведь советскому народу предстояло восстанавливать многие тысячи своих разрушенных городов и сел. И тем не менее наше правительство выделило миллион рублей ка восстановление Венского театра.

В августе 1945 года на открытии памятника советским воинам-освободителям на площади Шварценберг в Вене прозвучали такие слова: «Здесь, у этого священного надгробья, мы благодарим русское государство... за освобождение и великодушную помощь, которая спасла нас во времена тяжкой, нужды, и клянемся от своего имени и от имени грядущих поколений: как прочен гранит этого памятника, так же прочно и наше доверие и наша незабываемая благодарность Красной Армии».

— Как поживают сейчас ваши дети? — спросил я у фрау Реттер напоследок.

— Дети уже давно взрослые, — сказала она, улыбнувшись. — Внуки подрастают. Жаловаться не могу: у всех вполне приличная работа.

— А что вы хотели бы им пожелать прежде всего?

— Счастья, — ответила фрау Реттер. — Конечно, счастья. Вы ведь знаете, как порой называют нашу страну? Остров счастливых...

Вена — Москва

М. КРЮКОВ,
доктор исторических наук

ЯО, ПЕРЕВАЛИВШИЕ ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Из полевого дневника этнографа

Мы спешили в Аайтяу. Солнце стояло в зените, а впереди был еще порядочный кусок пути. Горная дорога, издали казавшаяся узенькой белой ленточкой на ослепительно зеленом склоне хребта, была изрядно попорчена недавними дождями. Шоферу приходилось быть начеку: оползни то и дело преграждали путь машине.

Мы возвращались из Дьенбьен-

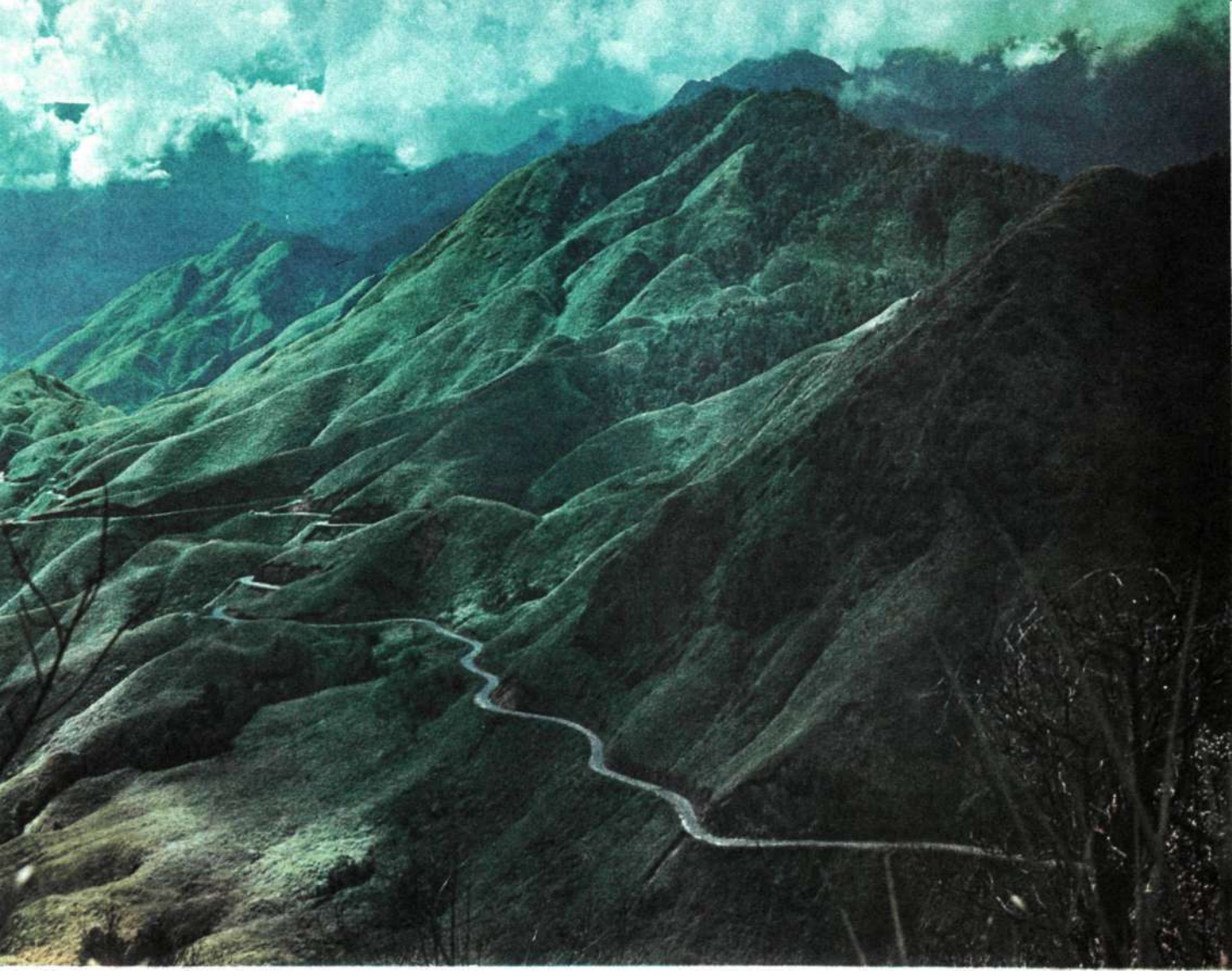


Фото автора

фу — исторического места, где вьетнамцы нанесли решающее поражение французским колонизаторам. Мы — это группа советских и вьетнамских этнографов, участников совместной экспедиции. Главной ее целью было изучение тайских народов Вьетнама, поэтому и маршрут наш был составлен таким образом, чтобы мы могли посетить основные районы расселения «черных» и «белых» таи. Настроение у всех было приподнятое — нам удалось собрать обильный и во многих отношениях уникальный материал. Жаль только, конечно, что не смогли мы так же подробно познакомиться с культурой и бытом других этнических групп, населяющих эти места...

Свернув вправо, машина вдруг резко затормозила. По горной тропинке на дорогу впереди нас спускался небольшой вьючный караван — около десятка лошадей, тяжело нагруженных мешками. Пока погонщики успокаивали лошадей, наш шофер разузнал, что в мешках груши, а везут их на рынок в Лайтяу.

Вьетнам — просто рай для любителя фруктов. Мы попробовали немало плодов, о существовании которых до этого и не подозревали. Так что экзотическими фруктами нас не удивишь. Но груши! Этот редкий и диковинный для Вьетнама плод родится лишь высоко в горах, и поэтому возможность полакомиться им — редкая удача. Решено было тут же на месте купить на всю экспедицию мешок груш. Погонщики, караван на фоне горных склонов, покрытых зарослями, были настолько живописны, что мы не упустили случай сфотографировать новых знакомых.

Еще утром, когда мы только тронулись в путь, мне пришло в голову, что дорога из Дьенбьенфу в Лайтяу — идеальное место, чтобы принимать у студентов-этнографов зачеты по специальности. Навстречу нам то и дело попадались местные жители — поодиночке и группами.

И — за отсутствием студентов — мы стали экзаменовать друг друга, определяя по одежде и украшениям пешеходов их этническую принадлежность. Но сейчас, внимательно присматриваясь к нашим новым знакомым, я, откровенно говоря, чувствовал себя «хвостистом», плавающим на экзамене. Женская одежда всегда более традиционна, и поэтому я подошел к девушкам, которые с интересом поглядывали на нас, вероятно, тоже теряясь в догадках, кто мы такие. Распашная кофта из черного домотканого полотна оторочена по борту красной и белой шерстью. Синий кушак. Дохо-

дящие до щиколоток черные брюки с поперечными полосами вышивки. Темно-синий платок на голове. Серебряные украшения — серьги и мониста...

— Кто это такие? — тихонько спросил я у вьетнамского этнографа Бе Вьет Данга.

— Как кто? Конечно, зао, — отвечал тот.

Зао — так называют во Вьетнаме народность яо, о которой шло столько споров в кругах специалистов. Различные их группы отличаются одеждой, занятиями, обычаями. Между ними живут другие, гораздо более многочисленные народы, но все яо утверждают, что они единый народ, четко помнят, откуда они вышли — Южный Китай. И помнят, почему они покинули свою прародину: из-за притеснений китайских императоров.

В этнографии возникали споры: так ли они родственны — слишком уж отличаются яо друг от друга. И первое, на что обратили внимание исследователи, было то, что все яо называют одного и того же прародителя.

ПЯТИЦВЕТНЫЙ ПАНЬХУ

Давно это было — теперь уже никто не может сказать, когда именно, но точно одно: яо тогда еще не было. На Поднебесную империю напали враги. Император был порядком напуган и объявил, что полководец, которому удастся убить предводителя захватчиков, получит в награду 20 тысяч лан чистого золота, удел во владение и императорскую дочь в жены. В то время у императора был пес, отличавшийся от других собак тем, что шерсть его была пяти цветов. Звали его Паньху. (По другим версиям, Паньху был не просто пес, а полудракон.) Вскоре после того, как император обнародовал обещание, Паньху исчез и через некоторое время снова появился у ворот дворца. Придворные зястыли от изумления: в зубах Паньху держал голову вражеского предводителя. «Ваше слово, государь, не может быть нарушено, — сказала императорская дочь. — Я прошу сдержать его и отдать меня в жёны Паньху». Император был вынужден согласиться. Паньху посадил девушку к себе на спину и умчал ее в Южные горы. От этого брака и появились шесть родов народа яо.

В самой легенде ничего необычного нет. Многие народы возводят свое начало к легендарному прародителю, зачастую к мифическому животному. А происхождение от полудракона и принцессы должно было возвысить яо: ведь в Восточной Азии дракон — высшее из существ.

Древнейший вариант этого мифа зафиксирован китайскими историками V века. Многочисленные исследователи неоднократно записывали его у разных групп яо. Сопоставление версий показывает, что со временем миф обрастал деталями и трансформировался, но основная идея его оставалась неизменной. Все яо считают, что они произошли от пятицветного Паньху. Но поскольку этот полудракон еще и полусобака — в отличие от многих других народов района, яо никогда \не употребляют в пищу собачье мясо.

XIII век принес тяжкие испытания Поднебесной империи. На севере хозяйничали иноземцы, хлынули неудержимым потоком кочевники. Императорская столица была перенесена на юг. На юге жило множество некитайских народностей. В империи их угнетали так, что они не питали никаких добрых чувств к Поднебесной. Но сейчас, когда империя трещала по швам... Императору Ли-цзуну пришлось пойти на уступки местной знати и вождям племен. В 1260 году он объявляет, что яо, живущие к югу от Янцзы, освобождаются от налогов и получают право безвозмездно обрабатывать землю в горах. Яо было разрешено также по своему усмотрению оставаться на обжитых местах или переселяться в другие области...

Тут следует заметить, что в строго регламентированном государстве Поднебесной никто не смел по собственной воле покинуть место жительства. Конечно, многие народности и племена — особенно те из них, которые находились на низкой ступени развития, — понятия не имели, что их передвижения по своей земле незаконны. И они могли поколениями «нарушать закон», даже не ведая об этом. Но китайским правителям это давало повод для репрессий: непокорное племя могли переселить, угнать в рабство, просто перебить. Для императорских чиновников рескрипт Ли-цзуна значил очень много: это была милость Сына Неба варварам, после которой всякие осложнения в отношениях с ними исчезали.

Часть народа яо, очевидно, не доверяя ни Ли-цзуну, ни его чиновникам, сочла за благо уйти подальше, в те места, где они не входили с китайцами в соприкосновение.

И в более поздних исторических сочинениях мы находим сведения о том, что племена яо делятся на две части. Первая живет на равнинах и по своей культуре почти не отличается от китайцев. Вторая группа яо — потомки тех, кто поселился высоко в горах и почти не поддерживал контактов с остальным населением этих районов. В письменных памятниках они именуются «яо, перевалившие через горы».

За последующие столетия яо перевалили через хребет Айлаошань и поселились в горах на севере Индокитайского полуострова. Все они называли себя потомками Паньху и принцессы, считали себя одним народом, однако культура и обычаи их настолько разнились друг от друга, что многие специалисты вообще сомневались в достоверности истории с императорским рескриптом и уходом с равнины.

В 1970 году известный японский этнограф Ё. Сиратори работал в Таиланде, и в одной из горных деревень, населенных яо, его ожидала редкостная удача. Ученому удалось обнаружить сохранившийся до сих пор текст... рескрипта Ли-цзуна! Более пяти веков хранили эту реликвию «яо, перевалившие через горы».

В источнике, найденном Сиратори, подтверждается высокое «драконье происхождение» прародителя Паньху.

В древнейших письменных источниках, где излагается легенда о происхождении яо, этот народ называется «мань».

ЗА ГОРАМИ

По-разному сложилась судьба яо, после того как они «перевалили через горы». Попав в новые, непривычные условия, они утратили некоторые традиционные черты культуры, изменили образ жизни, привычки, одежду. Сегодня только на территории Вьетнама ученые насчитывают по крайней мере* семь групп яо, отличия которых между собой резко бросаются в глаза, особенно в одежде и прическе. Среди них различают «красных яо», «яо в узких панталонах»,

---

Каждый народ имеет самоназвание, причем оно отнюдь не всегда совпадает с тем, как его называют соседи. Мы называем немцев «немцами», англичане именуют их «джерменс», а сами немцы считают, что они «дойч».

По-древнекитайски «мань» означает «южный варвар». Так жители Среднекитайской равнины называли предков яо и некоторых других народов. Первоначально «мань» (или «ман») было, вероятно, самоназванием предков яо, но в лексиконе древних китайцев приобрело оскорбительный оттенок. Что же касается самих яо, то они продолжают называть себя «ман», как это делали их деды и прадеды. — *(Прим. автора.)*

«яо в синей одежде», «яо с вощеной головой»...

Они переселялись сюда различными путями и в разное время. Но о том, что они один народ, все яо помнят прекрасно. Все они говорят на одном и том же языке. Отличия, конечно, есть, но все группы хорошо понимают друг друга.

На новых местах яо, или, как их называют во Вьетнаме, зао, старались поселиться подальше от власть имущих. Такие места могли найтись только в горах — диких и недоступных. Все более или менее удобные участки были заняты народностями, которые поселились тут издавна. Феодалы-князьки горных таи оттесняли яо все дальше в заросшие джунглями горы.

Зато никто не переписывал яо, не облагал их налогами: чиновники вьетнамских императоров, а потом французские колонизаторы не забирались в горы так далеко. И яо оставались свободными.

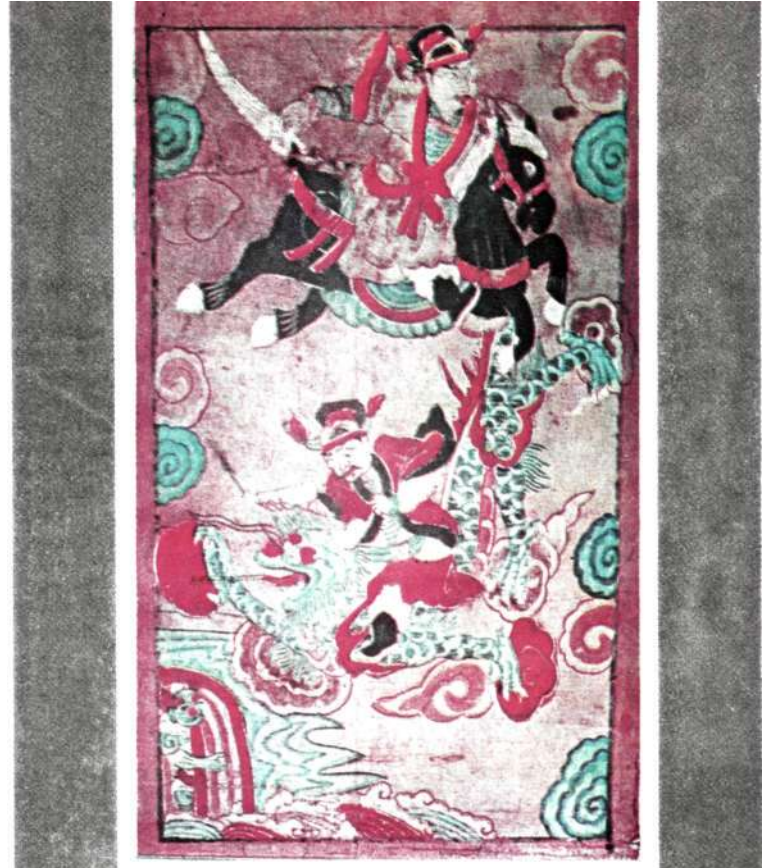
В горах северо-западного Вьетнама до сих пор нередко можно видеть, как над лесными зарослями поднимаются в небо серо-синие дымы. Это не домашние очаги и не след лесного пожара. Просто на подходящем горном склоне выжигают участок для посевов кукурузы или суходольного риса. А через несколько лет, когда плодородие почвы истощится, участок будет заброшен, и где-нибудь в другом месте, возможно, далеком месте, снова поднимется в небо горьковатый дым.

Конечно, высоких урожаев при таком способе ждать не приходится. К тому же и вся деревня вынуждена перебираться поближе к полю. А потому и настоящие дома не имеет смысла строить — все равно через несколько лет придется их бросить.

...На первый взгляд деревня яо мало чем отличалась от вьетнамской. Разве что дома были не кирпичные или глинобитные, а бамбуковые. Но все же эти дома стояли прямо на земле — приземистые и надежные.

Времени у нас было мало — только что проехать мимо деревни, даже в дома не зашли. Но и сам вид домов говорил о многом: построить их могли только люди, живущие оседло. А это значило, что у народа яо, живущего во Вьетнаме, началась новая жизнь. (Уже в пути вьетнамские коллеги рассказали нам, что среди яо есть теперь и учителя, и артисты, и поэт — очень известный в стране.)

...Быстро спускались недолгие вьетнамские сумерки. Мы спешили попасть в Лайтяу до темноты.



В. ОРЛОВ, наш спец. корр.
Фото автора

ЗОЛОТО ЧЕРНЫХ ПЕСКОВ

Машину Аманмурадова и Лысенко, которые выехали из Ашхабада, я успел перехватить в Мары, добравшись туда на самолете. Мне было известно, что они собираются объезжать пустынные паотбища, но, узнав, что их путь лежит и в совхоз «Большевик», посчитал, что мне повезло вдвойне. Томясь в .. ожидании встречи, я случайно услышал, что гостиница в «Большевике» — крупнейшем каракулеводческом хозяйстве республики — одна из лучших во всей округе. Сказал мне об этом чайханщик, к которому я зашел отведать горячего дымного плова.

— О-о! — прицокивал языком старик. — Та-акая гостиница Москве не снилась!

Подметив на моем лице тень недоверия, седобородый чайханщик принялся перечислять:

— Комнаты большие, на одного человека. Телевизор... Сад с бассейном, чтоб жару переждать. Джейраны — газели, знаешь? — живут в саду. Совсем ручные, не боятся человека. И тихо, как в санатории, — хоть стихи сочиняй. А захотел покушать — барашка свежего принесут...

Представив сию обитель среди выжженных песков, я вынужден был согласиться, что и в самом деле подобной гостиницы еще не видел, и пообещал старику непременно побывать в ней. И вот оказалось, что от меня не требовалось никаких усилий: Аманмурадов не собирался задерживаться в Мары, и часа через два мы отправились в путь.

Когда машина выбралась на простор весенней пустыни, солнце, нестерпимо палившее днем, кутаясь в полупрозрачное покрывало перистых облаков, уже катилось к горизонту. Дорога шла вдоль оазисной зоны Мургаба. Распаханные под хлопок поля перемежались залитыми водой рисовыми чеками, которые поблескивали, как стекла огромной рамы. Нежная зелень заполонила дали, превратив барханы в цветущие холмы. Пустыня была неузнаваема, и порой каза-

лось, что мы едем не по Каракумам — «Черным пескам», а пробираемся большаком где-то на юге черноземной нолосы России.

У обочины дороги то и дело встречались стайки смуглолицых девушек в полыхающих всеми цветами радуги одеяниях На серых упитанных, марыйской породы осликах гарцевала с серьезным и важным видом детвора. Временами дорогу загораживали трехколесные тракторы, громадные задние колеса которых напоминали высоченные колеса древней арбы... Настроение у меня создалось столь благостное, что, приметив на горизонте сгущающиеся тучи, я вслух взмолился, чтобы не начался дождь, способный испортить мне всю съемку. Азад Аман мура дович, один из руководителей каракулеводческих хозяйств Туркмении, искоса посмотрел на меня и спросил, с чего это я взял, что будет дождь.

— Это он так говорит, — улыбнулся сидевший рядом с водителем Василий Сергеевич Лысенко, заместитель начальника управления «Каракулеводство», — чтоб не спугнуть дождь. Верно, Азад?

Азад Аманмурадович рассмеялся:

— Все знаешь, двадцать лет в пустыне не зря прожил.

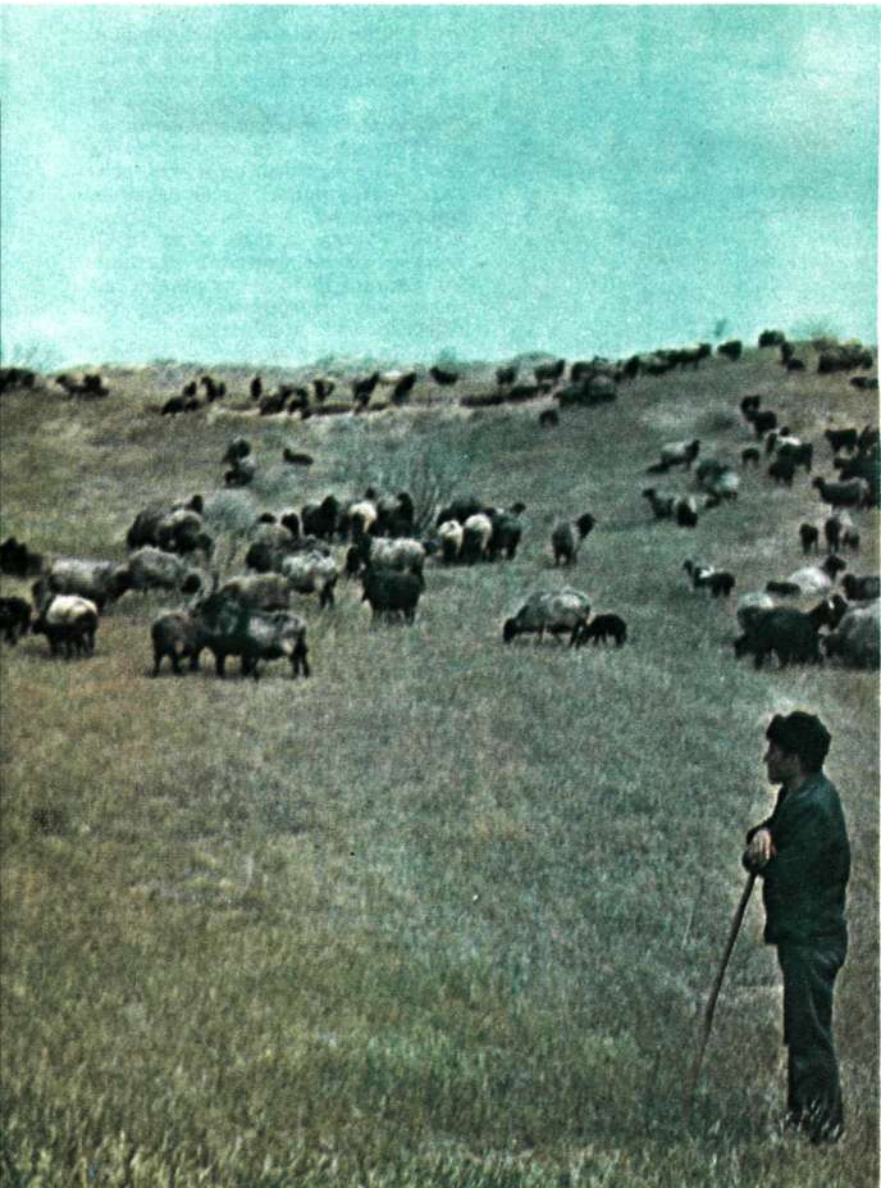
— Знаете, как ему сейчас дожди нужны, — продолжал Лысенко. — Как и все настоящие кумли, жители песков, наш уважаемый товарищ по случаю дождя готов резать барана и пировать, только бы водичка не переставала лить с неба...

И Лысенко объяснил, что такое весенний дождь для пустыни, для овцеводческого хозяйства. За месяц-полтора на выжженных солнцем песках успевают вымахать в человеческий рост травы. Бурно вырастают торопящиеся жить многочисленные эфемеры, появляется невысокая осочка — иляк, любимая всеми пустынными животными. На весенних пастбищах ягнята растут не по дням, а по часам. Отары тучнеют, откармливаются, набираются сил, откладывая жир в курдюки, запасаясь питательными веществами на время летней засухи и зимней бескормицы. К тому же высохшая трава, как сено на корню, кормит овец и летом и зимой. Выходит, чем больше дождей, тем больше кормов на год.

В прежние времена сухая весна грозила массовым падежом овец от голода. Теперь каждый совхоз приберегает «страховой» запас, чтоб даже в снежную зиму овцы не голодали. Но если выдастся засушливая весна, то запасы надо делать очень большие, а это хозяйству невыгодно.

— Овца хороша до тех пор, пока обходится подножным кормом, — подытожил Лысенко.

Теперь и я, глядя на сгущающиеся облака, стал, как и Аманмурадов, уверять себя, что на небе их нет и встреча с дождем нам не грозит...



По раскопкам в Анау (древнейшее поселение человека в песках) ученым удалось установить, что еще в седьмом тысячелетии до нашей эры в хозяйстве человека была домашняя овца. Но каракульская порода не является родственницей тех животных, которые походили более на дикого барана, встречающегося еще кое-где в предгорьях Копетдага. По одной версии, овцы каракульской породы пришли сюда, в каракумские пески, из монгольских степей вместе с кочевниками. Так или иначе в настоящее время каракульская овца признана эталоном приспособления живого организма к экстремальным условиям жизни в наиболее засушливых местах пустыни. Она привычно переносит и лютую жару, и холод, и голодовки, неприхотлива в кормах. Она поедает зимой даже ядовитые полыни; привычно пьет полусоленую воду, что дает возможность чабанам производить смену пастбищ, сохраняя отаву; перепахивает копытцами пески, не давая им запекаться коркой, вызывая к жизни растительность, и вообще является незаменимым звеном в экологической цепи пустыни, издавна позволяя человеку существовать в песках.

Овцы дают возможность выращивать на песках, более ни для чего не пригодных, в буквальном смысле слитки золота. И дебет таких необычных «приисков» Туркмении, как сказали мне в Институте пустынь в Ашхабаде, равен ни много ни мало двум пудам ценного металла в день. Не считая мяса, получаемого при этом. Туркменские овцеводы, хотя и имеют не самые крупные стада каракульских овец в нашей стране, но благодаря необычным условиям климата Каракумов производят самый высококачественный каракуль, за который платят золотом на международных аукционах.

Надо сказать, что в разведение каракульских овец вложен немалый труд сотрудников Института пустынь АН Туркменской ССР, и прежде всего академика Нины Трофимовны Нечаевой. Исследования Нечаевой и ее коллег — разработка научных основ и методов коренного улучшения пустынных пастбищ Средней Азии, внедрение их в производство — представлены на соискание Государственной премии.

К сожалению, встретиться с самой Нечаевой мне не удалось, ее не было в Ашхабаде. Но верный ее сотрудник Сергей Яковлевич Приходько рассказал о разработанном лабораторией фитомелиорации методе подсева. Он заключался в полосной распашке определенных участков пустыни: землю распахивают через равные промежутки и высевают семена, заделанные в специальные гранулы, в строго определенные сроки. За этой вроде бы простой схемой, как это чаще всего и бывает, скрывался кропотливейший труд экспериментаторов. Разработка методики потребовала от фитомелиораторов почти четверть века. Ведь каждый эксперимент, ставившийся на стационарах института, требовал наблюдения в течение нескольких лет. Только тогда можно было понять причины неудач, если они были, и повторить все снова.

Не особенно словоохотливый Сергей Яковлевич, чтоб мне легче было понять работу лаборатории, вытащил из стола фотографии, где на опытных участках красовались полутора-двухметровые кусты чогона и саксаула — отличный зимний корм для овец; на таких пастбищах можно обходиться без «страховых» запасов. Культурные пастбища бессменно «работают» до двадцати пяти лет и окупаются в три-четыре года. Случайно в руки мне попалась фотография, где Приходько, совсем еще молодой парнишка, роет лопатой землянку.

— Вот, — перехватив фотографию, которую Приходько хотел было, смутившись, спрятать, сказала сотрудница лаборатории, принимавшая участие в разговоре, — так они и жили, чтоб быть со своим участком постоянно рядом. В этой землянке он ревматизм заработал и едва туберкулез не прихватил...

— Да будет тебе, — сердито остановил ее Сергей Яковлевич. А мне припомнилось, что и Нечаевой нелегко далась эта работа, ради которой она переехала жить в Туркмению всей семьей. Во время Ашхабадского землетрясения семья погибла, ей тогда чудом удалось уцелеть, но долгое время, как всякая мать, она не признавала радости спасения...

Я разговаривал и с доктором наук Виктором Николаевичем Николаевым, составлявшим под руководством Нечаевой первую обзорную карту пустынных пастбищ Туркмении. Эта карта показывала типы существующей во всех районах пустыни растительности, классифицировала их с точки зрения «аппетита» овцы, рекомендовала наиболее продуктивный режим пастбищ. Она давала также представление о потенциальных возможностях пастбищ, указывала, где нужно обводнять их, где рыть новые колодцы.

Создание этой карты заняло у

Николаева восемь лет — восемь лет неустанных «челночных» разъездов по пескам. Виктор Николаевич проехал пустыню из конца в конец и, без преувеличения можно сказать, знает ее теперь «как свои пять пальцев». Я спрашиваю его, были ли за эти годы разъездов по пустыне трудности, опасности.

— Пустыня страшна тем, кто ее не любит и не знает, — ответил Николаев. — У меня же был прекрасный наставник, влюбленный в Каракумы и научивший всех нас, тогда студентов, относиться к пустыне с уважением. Это был удивительной судьбы человек, получивший за свои труды ученую степень без высшего образования, — Иван Александрович Мосолов. В прошлом балтийский моряк, он помогал здесь устанавливать Советскую власть. Многие старики туркмены помнят его и сейчас, называют Иван-ага. Все тропы пустыни Мосолов изучил с дотошностью прирожденного проводника, водил по ним первые отряды пастбищно-исследовательских экспедиций. Мы объезжали пустыню, пользуясь составленными им картами, наученные его советами, как отыскать колодец и без карты. Иногда попадали в тяжелые ситуации: едем к колодцу, чтобы запастись водой, а ее нет... Добираемся до другого колодца, в жару, под палящим солнцем, по пескам, без надежды найти воду и там... И все-таки по сравнению с тем, что испытывали исследовательские отряды Ивана Александровича, разве это можно назвать опасностью? Мосолов рассказывал, что, прежде чем подойти к колодцу, они подолгу лежали, затаившись, высматривая, не засели ли там басмачи. А набрав воды, тут же скрывались, уходили в пустыню. Вот им, — закончил Николаев, — было действительно трудно...

Мы подъезжали к совхозу «Большевик». Дорога петляла по барханам, вздымавшимся, словно океанские волны. Они ненадолго возносили нас на свои гребни, давая возможность окинуть взором окрестности, взглянуть на заросшее камышом мутное русло Мургаба и усыхающие озерки. Кое-где на их берегах стояли рыбаки, заставляя меня удивляться непривычному виду пустыни. Когда мы совсем было приблизились к совхозному поселку и к гостинице, где бродили воспетые чайханщиком газели, машина внезапно свернула с большака на проселок. «В «Красный партизан» заехать надо, — пояснил Аманмурадов. — Совхоз тоже очень известный, с «Большевиком» соревнуется».

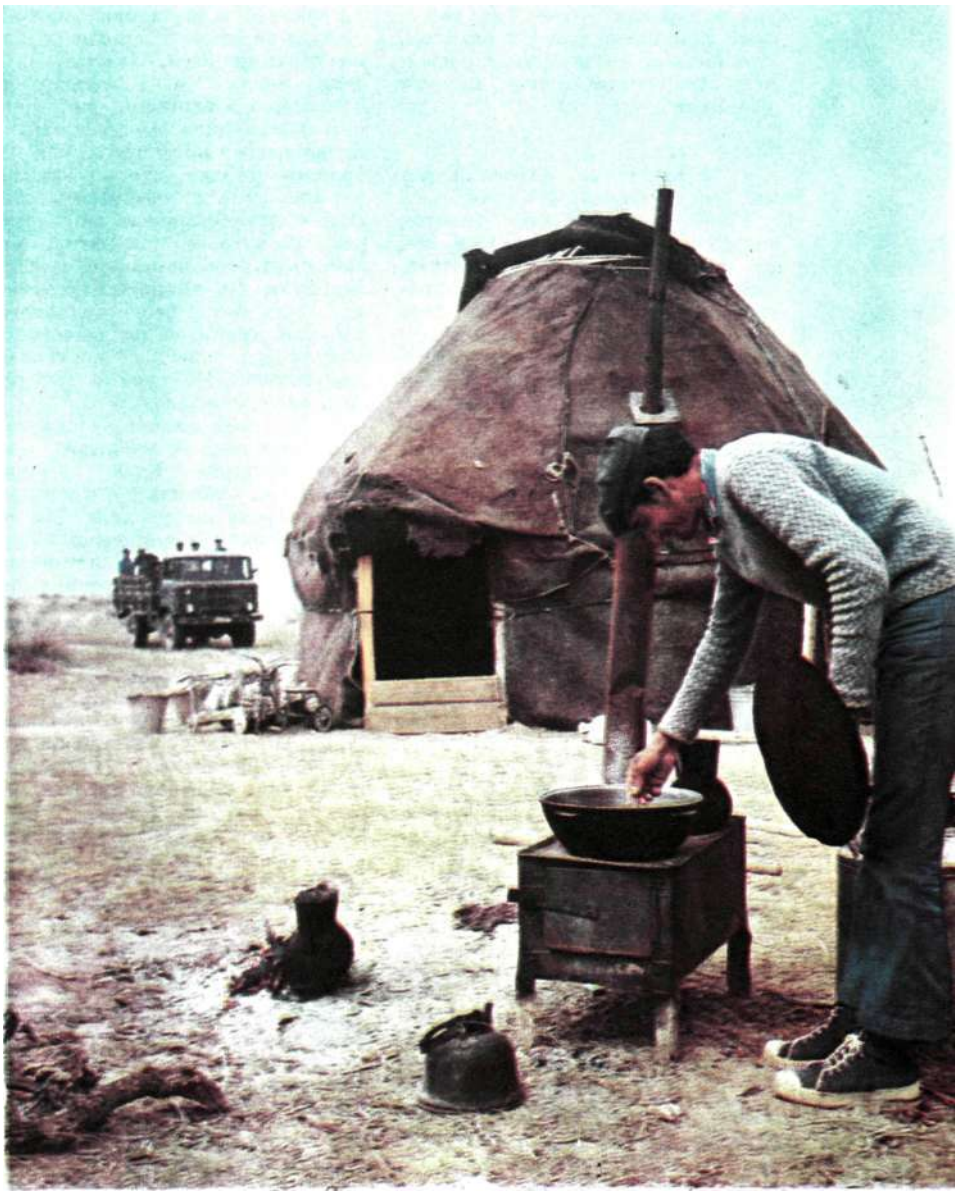
Едва мы подъехали к дому директора совхоза, как с неба прыснуло. Дождик был совсем легкий, по-весеннему теплый. Седовласый Баба Джуманиязов, вышедший нас встречать, с довольной улыбкой воздел руки к небу и пригласил следовать в свой дом, где сразу же ловко затерялись в комнатах одиннадцать душ его семейства. По современным туркменским понятиям, семья была не особенно многочисленной.

— Ничего не попишешь, — сказал Лысенко. — Пока дождь не пройдет, придется нам погостить здесь. Баба, хоть в аллаха и не верит, народные традиции гостеприимства никогда не нарушит. А обычай гласит: гостя, привезшего с собой дождь, держать и угощать, чтоб ему не скоро захотелось уехать.

— А как же с «Большевиком»? — поинтересовался я.

— Они же соседи, сейчас его директора пригласят.

И верно. Не прошло и получаса, как у калитки появился Ата Аллабердыев. Небольшого роста, крепкий, как камень, дядечка с настороженно-веселой ухмылкой. Баба усадил его по левую сторону от себя, сказав, что дорогой сосед до того, как возглавить «Большевик», восемь лет работал в «Красном партизане», но, став директором, родного совхоза не пощадил. Год за годом обставлял его в соревновании, обгоняя



по приросту молодняка. Аллабердыев хитро и довольно посмеивался.

— Все призы забрал, — бушевал Баба. — «Жигули» взял. «Газик» взял. Черную «Волгу» взял... Но уж теперь, — пригрозил Баба, — «Волга» будет наша. Не удастся тебе обскакать нас.

— Я же не спорю, — улыбнулся Ата, и широкие ноздри его вздрогнули. — Сдадим молодняк и посмотрим, твоя она или моя.

На полу, устланном коврами, была расстелена скатерть, и огромная эмалированная миска традиционной шурпы из баранины водружена на середину; вокруг разложили зелень, лепешки и подняли первый тост за чабанов.

— Прежде всего чабанам, — сказал Ата, — людям, которые, как за малым дитем, изо дня в день присматривают за отарами, оставаясь в пустыне и в бурю и в пургу, мы обязаны нашими успехами...

— И качеством каракуля тоже, — прибавил Лысенко.

Тугой, шелковистый завиток шкурки ягненка появляется, как ни странно, благодаря жестким условиям содержания. Каракульекая овца должна проходить по пустыне под палящими лучами солнца многие километры; она не должна переедать и пить воды больше нормы; чабан должен держать тело овцы в постоянном тренинге, не давать ей тучнеть и расплываться. «К примеру, — пояснил Василий Сергеевич, — мы пробовали перевести каракульских овец на богатые украинские пастбища. На третий год способность рождать каракульских ягнят у овец пропала. Рождались обычные ягнята, без тугого завитка на шкурке, за что прежде всего и ценится каракуль. Такой завиток не размочит ни дождь, ни снег; волнистый рисунок шкурки остается вечным».

Долгие годы, рассказывал Лысенко, мы поставляли на рынки традиционные сорта каракуля: араби — черный и ширази — серый. Такой же каракуль поставляют и страны Южной Африки, Афганистан. И в том, что наш каракуль в настоящее время не уступает зарубежным сортам, — немалая заслуга советских селекционеров, специалистов по пастбищам. В свое время, как известно, баи и басмачи перегнали за границу огромные отары особо ценных пород овец, так что каракулеводство при Советской власти создавалось почти заново. Конкуренты по рынку, естественно, не желали делиться секретами. В Афганистане, например, человеку, переправившему за границу породистого баранчика, сильно бы не поздоровилось.

Сейчас поголовье каракульских овец только в Туркмении по сравнению с тридцатыми годами выросло в пять с половиной раз; в обмене опытом с нами теперь заинтересованы все страны. Особенно после того, как мы стали поставлять редчайший сур.

Волосок шкуры ягненка этой породы отличается от всех остальных тем, что он — до половины темный, а верхняя часть либо светлая — серебристый сур, либо коричневая — золотистый сур. Ягнята с такими шкурками встречались эпизодически: на них и смотрели как на игру природы. Пустить их в дело никому и в голову не приходило, слишком уж редко они появлялись на свет. Но в пятьдесят восьмом году сура набралось столько, что на аукционе мы смогли выставить лот. Лот — это образцовая кипа шкурок, по которой покупатель может судить об остальной партии каракуля. На аукцион привозится лишь лот, все остальные шкурки хранятся на складах и оттуда без осмотра поступают покупателю. Но сура в тот раз был всего лишь лот.

— Мы волновались, — вспоминал Лысенко, — наблюдая за покупателями. Едва бросив взгляд на табличку, именитые купцы сразу же уходили. Мы не могли понять, в чем дело: шкурки каракуля были удивительно красивы. Лишь под вечер у лота надолго задержался американец. Покупатель этот был известный, но за давностью лет фамилию его я забыл. Наш переводчик Канцепольский, большой знаток каракуля, извинившись, спросил по-английски, что так заинтересовало уважаемого господина. «Да вот, дивлюсь, — ответил тот по-русски. — Ведь это же настоящее богатство!» — «Так, может, вы возьмете товар?» — предложил, не растерявшись, Канцепольский, но американец отказался. «Моя фирма изготовляет манто, — сказал он, — а что я буду делать с суром — шапки? Дайте мне партию побольше, и я, клянусь, заберу его у вас весь». Говоря это, господин, конечно же, не мог предположить, что вскоре мы будем поставлять сур в таких количествах, что скупить его одной лишь фирме будет не под силу...

Сур вывели вначале в Узбекистане, но теперь и в Туркмении есть специализированные совхозы, где разводят овец, дающих эту драгоценную шкурку. Пока что наша страна является единственным поставщиком сура на международном рынке.

— Но, думаете, на этом дело кончилось? — загадочно усмехнулся Василий Сергеевич. — Наши селекционеры во вкус вошли. Скоро появится доселе невиданный белый каракуль, а в будущем, возможно, мы будем выращивать каракуль самых разных цветов... Ведь сейчас дело обстоит так, что одноцветный каракуль вначале отбеливают, а затем красят, придавая ему нужный оттенок. Белый будет качественнее, красить его легче, но лучше бы и вовсе не красить, а использовать природный цвет. Думаю, со временем это будет во власти селекционеров...

Утром мы катили по умытой дождем, освеженной пустыне, где за зеленью травы почти не было видно песка. С серебристых кустов черкеза взлетали рогатые жаворонки; огнями алели в траве тюльпаны, рыжие суслики выбегали из нор и мчались, смешно подбрасывая лапки, с машиной вперегонки. Перебегали дорогу дымчатые корсаки; путешествовали во всех направлениях проснувшиеся после зимней спячки черепахи; как небольшие самолетики, расправив крылья, парили над барханами жуки-скарабеи. Тысячные отары овец терялись на зеленых пастбищах пустыни, и нам с трудом удавалось отыскать их.

Убедившись, что бонитировка — оценка породистых качеств ягнят — проведена верно, Аманмурадов заторопился обратно в Ашхабад.

— А как же «Большевик», джейраны? — разочарованно протянул я.

— Джейраны? — удивленно поднял глаза Азад Аманмурадович, когда я признался, почему мне так хотелось посмотреть на здешнюю гостиницу. — Не знаю, сроду их там не бывало.

— Но отчего же люди об этом говорят? — не унимался я.

— Ххе-э, — усмехнулся Азад Аманмурадович. — Гордятся, первый совхоз в республике, вот немножко и «приписывают». Знаете, слава в пути крыльями обрастает...

ВИКТОР МИШИН

К ВОСТОКУ И К ЗАПАДУ ОТ АМАРЫ

ЭЛЕВАТОР НА БЕРЕГУ ТИГРА

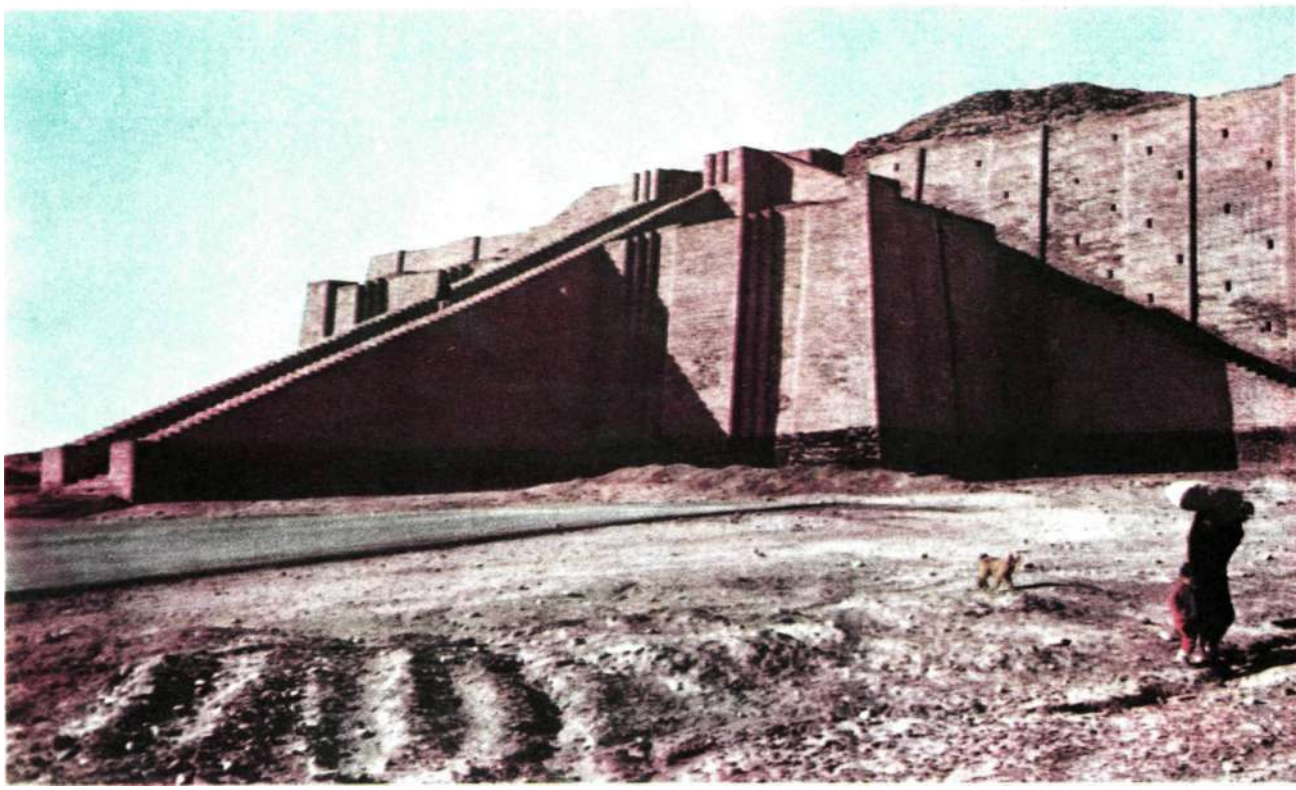
Юг Иракской Республики. На берегу древнего Тигра лежит небольшой город Амара. Сначала кажется — обычный провинциальный городок, но лишь сначала. Это административный центр мухафазы (провинции) Мейсан с немалым для Ирака населением в 140 тысяч человек, а главное — город развивающейся промышленности. Несколько лет назад на окраине Амары была построена крупнейшая в республике фабрика бытовой химии, а в 1974 году вступил в строй мощный сахарный завод: сырья хватает — в округе множество плантаций сахарного тростника.

Именно сюда, в провинциальный центр Амару, приехали в позапрошлом году советские специалисты строить элеватор.

Общеизвестно: Ирак — один из крупнейших в мире производителей и экспортеров нефти. Здесь добывают около 100 миллионов тонн «черного золота» ежегодно. Но вот с продовольствием дело обстоит непросто, и проблема обеспечения продуктами питания в стране достаточно острая. До трети поступлений иностранной валюты от продажи сырой нефти расходуется на оплату продуктов питания, импортируемых из-за рубежа — в основном из развитых стран Западной Европы.

В Ираке засушливый климат, невыгодный водный баланс, мало плодородных земель, пригодных для выращивания зерновых культур (они расположены в основном в северных мухафазах, и их явно недостаточно), поэтому пшеница приходит из-за рубежа морским путем — в трюмах сухогрузов. А из морского порта Басра многотонные трайлеры развозят зерно по различным районам — на первых порах в элеваторы. И здесь начинаются трудности. Население растет, и соответственно увеличивается и потребность в зерне. Многие же из ныне действующих элеваторов построены полтора-два десятка лет назад и технически устарели — нужны новые зернохранилища.

Элеватор в Амаре — один из десяти, строительство которых ведет советское внешнеторговое объединение «Сельхозпромэкс-



порт». Выбор пал на Амару не случайно: город лежит по обе стороны «Дороги № 6» — центральной скоростной автострады Басра — Багдад, связывающей крайний юг с центром и севером Ирака. Не следует забывать и про Тигр: зерно приходит из Басры не только шоссейным, но и речным путем, а строительная площадка элеватора расположилась буквально в десятке метров от грязно-желтых струй древней реки Месопотамии.

Вокруг Амары раскинулись плантации пальмовых рощ: местные феллахи и занимаются главным образом разведением финиковых пальм. Ирак держит первое место в мире по выращиванию этой культуры и поставляет за границу 80 процентов всех производимых в мире фиников.

Ранней осенью, когда созревает урожай, груды золотисто-янтарных плодов высятся на рыночных прилавках. Считается, что хорошая арабская хозяйка должна уметь готовить из фиников чуть не сотню блюд. Они идут в пищу в свежем, вареном, вяленом виде. Из листьев финиковых пальм плетут прочные и красивые циновки, из древесных волокон вьют веревки и канаты, мастерят рыболовные снасти. Сок тоже идет в дело: из него гонят финиковую водку — араку. Из пережженных и молотых косточек крестьяне варят кофе, а незрелые финиковые плоды скармливают скоту... Конечно, ничто и никогда не вытеснит финики ни из сельского хозяйства страны, ни из житейского обихода иракцев, но, несомненно, с увеличением поставок зерна, с вводом в действие элеваторов и прочих объектов пищевой промышленности в рационе жителей произойдут существенные изменения.

...Стоит отъехать от Амары к востоку, как картина резко меняется. Пышные пальмовые рощи отступают перед унылой песчано-глинистой пустыней, поросшей редкой верблюжьей колючкой. Не верится, что в этих бесплодных краях может существовать человек: в жаркие месяцы, с мая по октябрь, температура здесь подскакивает до 50 градусов. Нередко дует печально известный самум — он может занести мелким раскаленным песком легковой автомобиль за несколько часов. Однако люди живут и здесь.

Вдоль грейдера, ведущего от Амары к Тибу — селению в пустыне, — выставлены железные бочки и прочие емкости. Рано утром на трассу выезжают муниципальные автоцистерны с водой, бочки заполняются, а жители пустыни в канистрах, глиняных кувшинах и бидонах разносят драгоценную влагу по шатрам. Эти люди разводят верблюдов да еще на небольших огородах собирают скудный урожай овощей.

— Здешние жители занимают переходную ступень, — объяснил мне арабский инженер Аднан Фазель. — В принципе это бывшие бедуины, еще их отцы и деды кочевали по Аравии. Но изменение условий жизни, распространение наемного труда, образования, доступ к средствам массовой информации размывают традиционный уклад жизни, ломают патриархальные устои. Так что местные жители все чаще отправляются в города на заработки или привязываются к земле, становятся феллахами.

Недалеко от дороги виднеется с десяток низких шатров — из брезента, верблюжьих и овечьих шкур.

Между ними бродят флегматичные верблюды. Тут же — обитатели шатров. Мужчины закутаны в пестрые покрывала и платки, которые придерживаются на макушке «фитой» — чер-

ным витым шнуром из овечьей шерсти. Арабы подолгу смотрят вслед стремительным автомобилям, стоя у своих ветхих, раскачиваемых ветром и полузанесенных горячим песком пустыни жилищ...

А в двадцати километрах, в Амаре, кипит жизнь. После пяти часов пополудни, когда начинает спадать жара, на улицах появляются горожане: местные служащие неторопливо прогуливаются по набережной Тигра, спешат за покупками женщины в черных «абайях» — накидках, оставляющих открытым только лицо, а в парках и скверах над рекой рассаживаются юноши и девушки с толстенными учебниками. Электричество проведено не во все районы, и гимназисты стремятся максимально использовать световой день и даже багровые отблески заката.

За жизнью города лучше всего наблюдать из чайной, где вам сразу же подадут «армуды» — грушевидный стаканчик с крепким до черноты, обжигающим чаем. Часто в таких заведениях наружная стена вовсе отсутствует, и ничто не мешает следить за потоками машин и пешеходов.

На улицах звонко кричат разносчики вечерних газет, оглушительно стучат щетками по де-

ревянным ящичкам бесчисленные чистильщики обуви, гарантируя прохожим отполировать туфли до зеркального блеска.

К вечеру оживает и местный рынок — «сук», зажигающий в сумерках неоновые рекламы и разноцветные гирлянды фонариков,

Арабский рынок — это целые кварталы старых узких улочек, где под деревянными навесами, перекрывающими проезжую — а точнее, «прохожую» — часть, идет оживленная торговля.

Все выходящие на улицу первые этажи домов и есть зеленные лавки, кустарные мастерские, магазинчики, парикмахерские. Вторые этажи отведены в основном под меблированные комнаты далеко не первого разряда, их и гостиницами-то не назовешь, хотя, судя по ярким, «звучным» вывескам, они претендуют на нечто большее: «Хайям», «Шехеразада», «Сады Семирамиды». В рыночных кварталах настолько темно, что в лавках постоянно горит электричество. У жителей провинции базар заменяет книги, кино, театр, телевизор.

Функции арабского рынка далеко не ограничиваются куплей-продажей. Сук — скорее центр деловой жизни города. Здесь заключаются сделки, здесь же располагаются конторы, частные бюро по аренде жилых домов, приемные врачей, лавки-мастерские по продаже вторичного сырья и сельскохозяйственного инвентаря. Количество этих частных «агентств» растет с каждым днем, они выплескиваются за пределы рыночных кварталов на прилегающие улицы, которые, таким образом, расширяют «географию» рынка.

Сук сияет ярче и ярче: на Амару опускается вечер, окрашивая горизонт в пурпурные тона. Нисходит вечерняя прохлада. Город засыпает, хотя разноголосица старинных улочек рынка умолкнет еще не скоро...

«ЭХ, ПРОКАЧУ!»

«Дорога № 6» и прочие скоростные автострады — это почти прямые линии, протянувшиеся с севера на юг и с востока на запад. Хорошее покрытие, широкая полоса — вероятно, отсюда и проистекает склонность местных «сайков» — шоферов к лихости: на загородных шоссе они развивают скорость никак не меньше 140 километров в час.

Первый урок езды «по-иракски» преподал мне шофер, с которым я пустился в путь из Багдада в Амару.

— Мистер Лазарь, — с достоинством представился невысокий мужчина с чаплинскими усиками. На вид ему можно было бы дать не больше сорока, но когда саик разговорился (семь сыновей, у старшего — три дочки и ни одного пока внука!), стало ясно, что возраста он гораздо более почтенного.

Едва выехав из Багдада, мистер Лазарь тут же выжал из старенького «пежо» 120 километров в час и, сетуя, что ему попалась столь тихоходная колымага, за три часа покрыл расстояние почти в четыре сотни километров, не снижая скорости даже на поворотах.

Машину трясло как в лихорадке, под капотом что-то подозрительно бренчало и ухало, а по сторонам шоссе то и дело мелькали раздавленные, искореженные и обгоревшие остовы грузовиков и легковых автомобилей — печальные свидетельства неуемного азарта лихачей.

Правил дорожного движения здесь практически нет, хотя умозрительное представление о них все же существует. Машины с ревом и свистом проскакивают перекрестки по принципу «кто вперед», состязаясь в скорости и маневренности. Полицейский регулировщик изредка помахивает красно-зеленым жезлом — и то лишь для того, чтобы укорить совсем уж зарвавшихся водителей.

В крупных городах гоночные страсти несколько стихают: автомобильное столпотворение не позволяет водителям развернуться в полную силу. Приходится считаться и с пешеходами — эти демонстрируют полное презрение к четырехколесной технике и абсолютно не реагируют на отчаянные автомобильные сирены.

На улицах Амары, да и некоторых других провинциальных городов можно еще встретить пароконные экипажи, будто сошедшие с фотографий конца прошлого века. Черные фаэтоны на высоких колесах нещадно скрипят на ходу и прижимаются к тротуарам, уступая дорогу более быстроходным средствам передвижения в семьдесят пять и более лошадиных сил.

В Амаре едва ли наберется больше дюжины допотопных «колясок», но тем не менее это достопримечательность города, обделенного историческими памятниками, а возницы объединены в свой профсоюз, пожалуй, самый малочисленный в стране.

Как-то раз я воспользовался услугами такого экипажа. Разговорился с кучером — пожилым арабом в одеянии, поразительно напоминающем армяк дореволюционного российского извозчика, да и красный пояс иначе как кушаком не назовешь.

В шутку поинтересовался, есть ли у возницы удостоверение на управление упряжкой. Оказалось — вопрос вовсе не праздный.

Водительское удостоверение он получил еще в 1961 году, когда начинал работать в Багдаде, для чего пришлось сдавать экзамен авторитетной столичной комиссии. Со временем поток автомашин полностью вытеснил с багдадских улиц фаэтоны — пришлось перебираться в городок поспокойнее.

Однако и тут трудно — по улице порой не проехать из-за потока машин, да и с такси сложно тягаться: конкуренция! Иногда приходится по полдня простаивать без дела, и лишь в сумерках появляются пассажиры — любители прокатиться по старинке, под цокот копыт.

Приехали. Возница глянул на счетчик какой-то немыслимой конструкции, набивающий плату за проезд в зависимости от количества поворотов правого переднего колеса, и назвал астрономическую цифру. Затем после коротких переговоров снизил ее втрое! На сем и расстались, хотя за те же деньги можно было три раза объехать Амару на такси. Что ж, экзотика требует жертв...

Следует упомянуть и еще один вид транспорта — местные автобусы. На изготовление их идут устаревшие грузовики «мерседес-бенц» — стоит лишь сменить кузов на пассажирский салон. Выхлопные трубы выведены на крышу, и оттого громоздкая машина напоминает огромный пыхтящий самовар. В отличие от легковых машин «самовары» степенно колесят по бетонке междугородных трасс, неторопливо накручивая десятки и сотни километров.

Внешне автобусы напоминают шедевры художника-самоучки, обладающего неуемной склонностью к особо ярким расцветкам. Как правило, они сияют всеми цветами радуги, украшены бахромой и пышными султанами из перьев, расписаны лозунгами и мудрыми изречениями, отражающими личные философские воззрения шофера, что-

то вроде: «Только раз, только у нас», «Эх, прокачу!», «Эх ты, жизнь моя постылая!» (Пессимизм и уныние тоже годятся для рекламы.)

А в автобусе —' пестрая публика, разговоры о ценах и перспективах на урожай, новости об общих знакомых и мировых событиях. Висят вниз головами связанные попарно каплуны, покрякивают недовольно утки, а на крыше мирно дремлют овцы, играющие заодно и роль «теплоизоляции» — благодаря им крыша автобуса не так сильно накаляется под безжалостным солнцем...

КАМЫШОВЫЙ НАРОД

В Иракской Республике живут более 10 миллионов человек: около 80 процентов — арабы, 16 процентов — курды, остальные 4 процента приходятся на турок, иранцев, туркмен, армян и ассирийцев (айсоров). Но одна из групп населения чаще всего не упоминается в справочниках. Это «мааданы», или «болотные арабы».

О маадапах ходят легенды и явные небылицы, долгое время их считали самой отсталой этнической группой в стране. Рассказы о жестокости и замкнутости «камышового народа» («болотных арабов» называют еще и так), суровых обрядах поклонения джиннам рисуют образ полулюдей-полупривидений, бесшумно передвигающихся по озерам и протокам на узких длинных лодках — «тарадах».

О «болотных арабах» мы слышали от арабских коллег — строителей элеватора, и от поденных рабочих, и от торговцев на рынке. Много противоречивого было в этих повествованиях. Выходило, что «болотные арабы» настолько же добродушны, насколько суровы и беспощадны, гостеприимны и в то же время замкнуты. Короче, единственное, что оставалось, — это самим отправиться к ним и увидеть все своими глазами.

Так мы и решили поступить, но, прежде чем отправиться в путь, навели справки у наиболее сведущего человека — нашего знакомого инженера Аднана Фазеля.

— Мааданы известны с давних пор, — сообщил он. — Их поселения раскинулись к западу и югу от Амары — в камышовых плавнях. Это более пятнадцати тысяч квадратных километров болот, лагун и озер, оставшихся от древних времен, когда Тигр и Евфрат, не сливаясь, как ныне, в реку Шатт-эль-Араб, порознь впадали в Персидский залив. Вот в этих труднодоступных плавнях — их сейчас называют еще «Болотной страной» — в течение трех тысячелетий собирались люди, преследуемые законом, — беглые рабы, преступники, которые и основали здесь несколько крупных поселений. О воинственности маадапов, их гордости и свободолюбии слагались легенды, отголоски которых дошли и до вас. На самом же деле это очень трудолюбивый и мирный народ, они разводят буйволов, выращивают рис, все, как правило, отменные рыбаки и искусные плетельщики циновок.

...Дорога, ведущая от маленького «большого» городка Эль-Маджарр-эль-Кебир («кебир» и значит «большой»), дремлющего в семи километрах к западу от трассы Багдад — Басра, вьется меж рисовых полей и наконец упирается в неширокую речную протоку с грязно-желтой водой.

Дальше начинается «Болотная страна». Само название это совсем не вяжется с общепринятым представлением об Ираке — стране пустынь, верблюдов и изнурительного, жаркого, засушливого климата.

У маленькой дощатой пристани стоят на приколе широкие, с высокими просмоленными бортами моторные лодки. Большинство из них оборудовано деревянными навесами — они не только служат надежной защитой от палящего солнца и дождя, но и представляют дополнительную посадочную площадь. Во время наплыва туристов лодочники размещают на «втором этаже» публику помоложе и попроще.

Отсюда, из «желтой гавани», лодки направляются в самое сердце земли «болотных арабов» — селение Сахин.

Однако, прежде чем выехать, нам пришлось побывать в местном полицейском участке, чтобы получить разрешение на въезд в «Болотную страну».

Сержант полиции записал в регистрационный журнал подробные данные о каждом из членов группы, включая постоянное место жительства, затем перенес необходимые сведения на розовый бланк пропуска и только после этого в цветистых выражениях пожелал приятного путешествия. Подобная процедура, предшествующая здесь любой экскурсии, имеет свои причины: известны примеры, когда самонадеянные приезжие отправлялись в болотные лабиринты без провожатых и... исчезали, заблудившись в путанице узких проток, бесследно терялись в гуще камышовых «джунглей» в два человеческих роста высотой. На поиски приходилось вызывать вертолет, а это стоит больших денег.

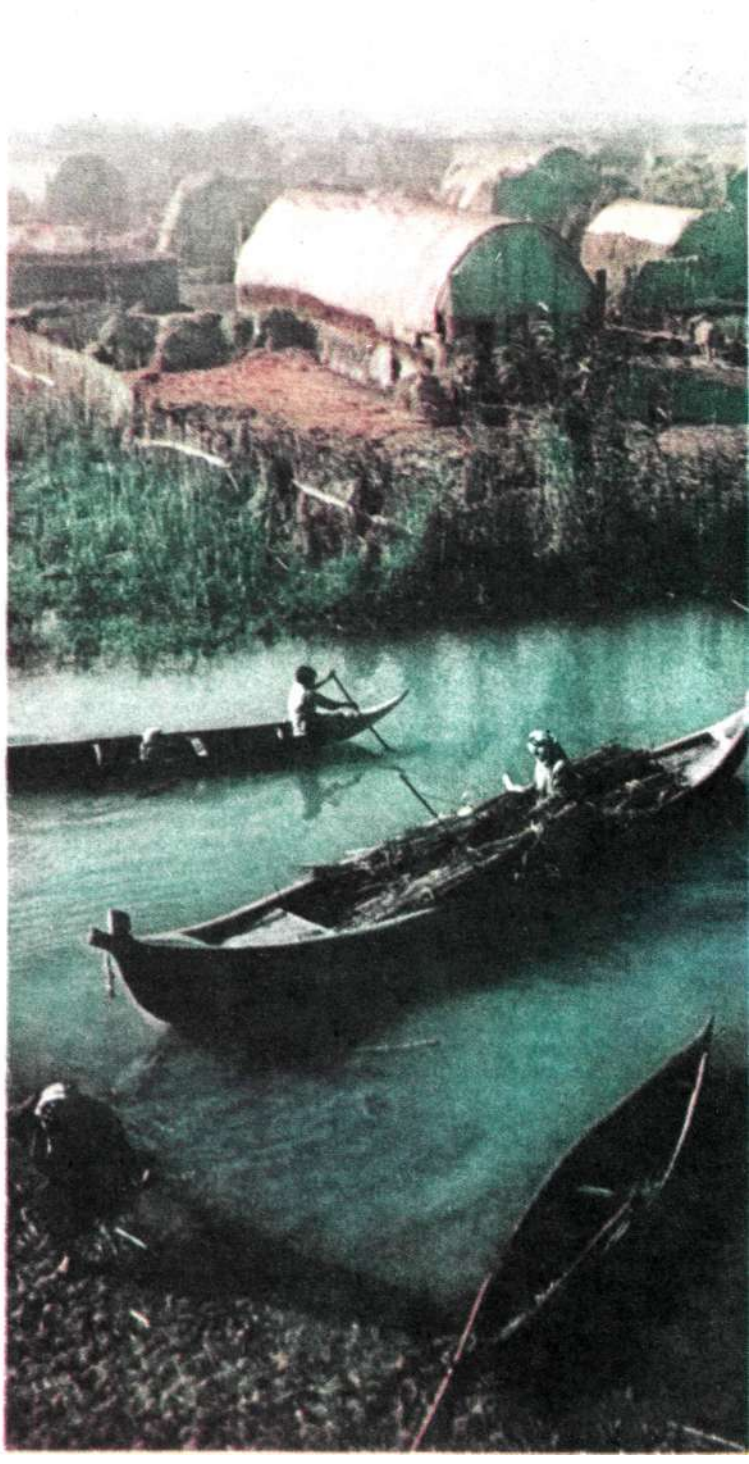
Вечером в журнале делается отметка, что туристы благополучно вернулись (если, конечно, гости не предупредили заранее, что собираются заночевать или пробыть в «Болотной стране» несколько дней.)

Сделав крутой поворот, наша лодка уходит в центральную протоку, вдоль которой высятся плотные стены камыша. От основной водной дороги вправо и влево расходятся еще более тесные «проселки», куда можно протиснуться лишь на узкой рыбацкой тараде.

Вода из желто-грязной становится серой, потом приобретает бутылочный оттенок и наконец окончательно светлеет: там, внизу, меж длинных кос водорослей суетятся стаи мальков, проходят косяки лобастых сазанчиков. Кажется — опусти руку' и сразу дотянешься до дна, однако впечатление обманчиво: глубина больше двух метров.

Неожиданно из узкого канала выплываем на открытое место. Посреди ковра из кувшинок, скрывающего большую часть поверхности озерка, замерли на отмели цапли, неподалеку дремлет на солнце пеликан, а из зарослей то и дело срываются стаи диких уток — в зимнее время сюда слетается из северных широт водоплавающая дичь и дожидается лета, резвясь на водной глади теплых лагун. Снова извилистые лабиринты узких проток и каналов, и через час мы выплываем наконец к Сахину — деревушке домов в сорок.

Дома в Сахине «растут» прямо из воды. С невероятным упорством предки^ местных жителей устраивали здесь искусственные островки. Землю привозили в мешках с «материка», а когда насыпные острова чуть поднимались над водой, на них строили дома с плетенными из камыша стенами. Впрочем, камыш и до сих пор единственный строительный материал в «Болотной стране»: из стеблей искусно сплетены стенные «панели», покрытые затейливым арабским орнаментом. И в домах «болотных арабов» почти все сделано из камыша: детские люльки, блюда, кувшины, шкатулки, циновки,



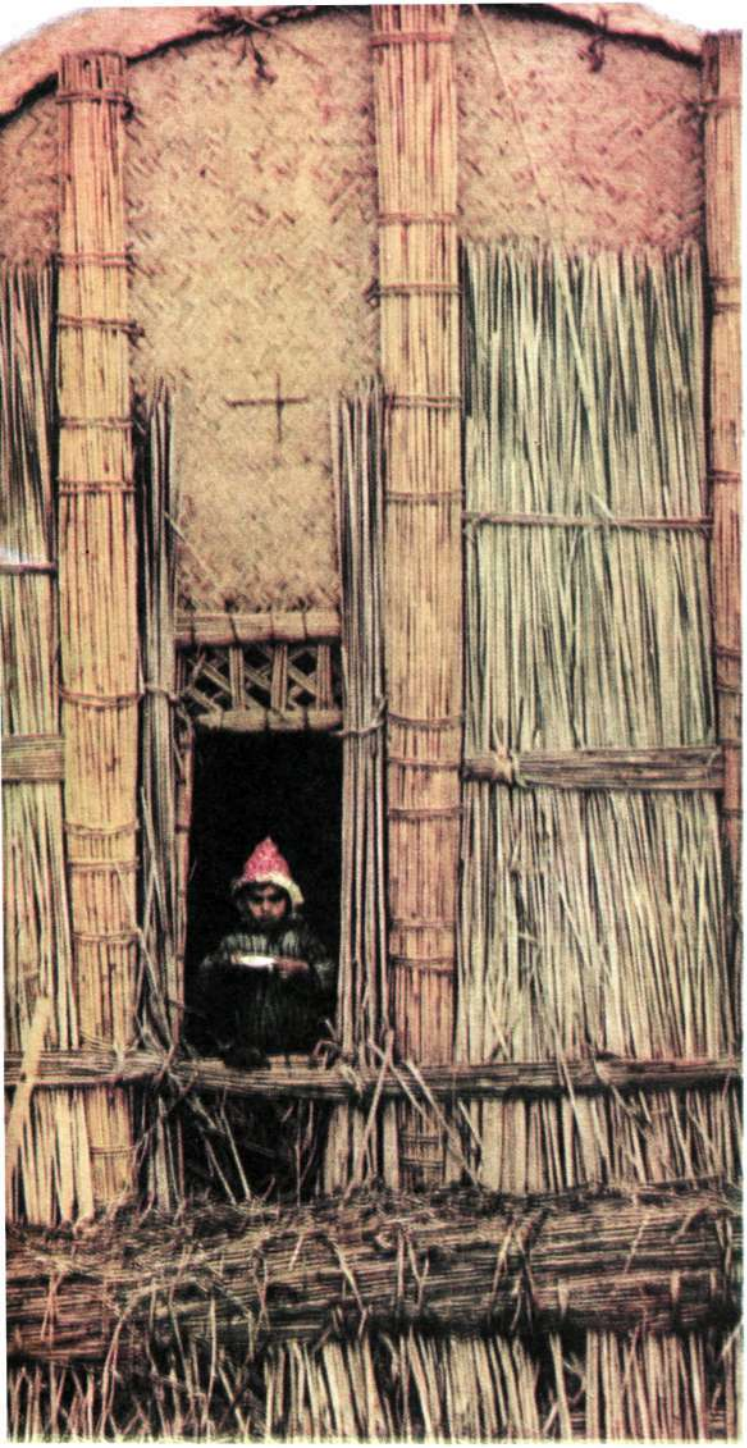
корзины. Из стеблей сплетены и входные двери, и заборы вокруг домов, и загоны для скота.

Искусством плетения овладевают с раннего детства, его передают из поколения в поколение и хранят как семейную или, вернее, профессиональную тайну.

В доме, построенном на индивидуальном островке, где вода зачастую плещется у самого порога, живет семья человек в семь-двенадцать. По двору разгуливают куры, в загонах блеют козы, переминаются и шумно вздыхают коровы и буйволы.

Буйволы здесь настолько приспособились к жизни в воде, что их вполне можно отнести к разряду «водоплавающих»: в жару они неторопливо бродят по мелководью, — так что над водой торчат лишь головы, увенчанные полумесяцами рогов, — и меланхолично пощипывают водоросли.

В Сахине, как в настоящем «сухопутном» городке, есть школа и больница, сработанные все из того же камыша, два кирпичных домика — государственный магазинчик и местный полицейский участок с одним-единственным скучающим полицейским. Есть и деревянная гостиница-поплавок, увешанная рекламными плакатами туристских фирм. Дома самые разнообразные — высокие и низкие, с ровной, как стол, крышей и куполообразные,



есть даже идеальной полусферической формы. Почти над каждым развевается государственный флаг.

Мы попросили хозяина нашей лодки причалить к одному из насыпных островков.

У входа в дом нас встретил глава семейства, тепло поприветствовал, но в дом не пригласил. «Болотные арабы» не очень охотно впускают в жилище постороннего, тем более иностранца, поэтому мы удовлетворились тем, что прошли на задний двор, где две женщины и мальчик лет четырнадцати плели камышовые циновки. Трудно уследить за молниеносными движениями их рук и пальцев, с неимоверной быстротой сгибающих, мнущих, связывающих, переплетающих тонкие стебли.

При нашем появлении плетельщицы прекратили работу и, ничуть не смущаясь, бойко отвечали на все расспросы, с достоинством принимая похвалы по поводу их искусства.

В «Болотной стране» женщина занимает иное положение, чем в прочих районах Ирака, да и на Ближнем Востоке вообще. Она не носит абайи, не прячется от взгляда постороннего мужчины и принимает равное участие с «сильным полом» в решении многих вопросов. Женщины в Сахине — основные поставщики

камыша для плетельщиков, они помогают мужчинам и в строительстве домов.

...Хозяин нашей лодки заметно нервничает — он теряет время, а в «желтой гавани» его ждут новые клиенты: работа есть работа, ведь надо окупить расходы на лодку, каждый динар на счету. Наконец, получив деньги, лодочник отчаливает, а дальнейшую заботу о нашем передвижении берет на себя хозяин дома. Он усаживает нас в длинную лодку с загнутыми носом и кормой, напоминающую индейскую пирогу, устраивается на корме с широченным веслом — «лопатой», и мы плывем через весь поселок к деревянной гостинице, где на волнах покачиваются несколько свободных моторных суденышек.

Тарады в Сахине — единственный вид транспорта. Между островками, на которых стоят камышовые дома, не перекинуто ни одного мостика, так что на лодке ездят и в магазин, и в гости, и в больницу. Детей в школу отвозят тоже водным путем.

На «материк» за покупками ездят редко, большей частью компаниями — женщины, молодежь. Некоторые старики за пределы Сахина вообще никогда не выезжали. О событиях в мире узнают по радио, над некоторыми крышами даже высятся телеантенны. Недавно сюда протянули подводный электрический кабель, но в домах на окраине поселка по вечерам все еще зажигают керосиновые светильники и старинные медные масляные лампы, что в камышовых жилищах отнюдь не безопасно.

Девушки из Сахина, как правило, не выходят замуж за жителей «материка», юноши также предпочитают местных невест. Неудивительно поэтому, что все жители поселка в той или иной степени доводятся друг другу родственниками.

...На закате мы возвращались по озаренной багровым солнцем центральной протоке в «желтую гавань». Навстречу то и дело попадались рыбаки-одиночки, возвращавшиеся с уловом в камышовый город, а где-то на полпути из-за поворота вынырнула целая флотилия в дюжину лодок: им было с нами по дороге — артель везла на «материк» дневной улов. Через час они сдадут рыбу торговцам, а затем в сумерках вернутся на свои островки. Нам же предстоял путь дальше — в Амару, к строящемуся элеватору на берегу Тигра.

Ф. ШТИЛЬМАРК,
кандидат биологических наук

ЗАЩИТИ САМОГО СЕБЯ

„Я считаю, что наша почетная задача — сохранить дикого тигра на свободе в Сихотэ-Алинском заповеднике для грядущих поколений как одно из величайших украшений природы. Пусть люди коммунистического общества наравне с величайшими достижениями техники будут видеть в горах Сихотэ-Алиня на снегу следы гигантских полосатых кошек — редчайший реликт третичной фауны».

Так писал в 1940 году Лев Георгиевич Капланов, замечательный натуралист и охотник, позднее погибший от браконьерской пули.

В те годы многие считали тигра подлежащим уничтожению зверем. Для борьбы с ним кое-где создавались специальные команды; я помню изданную перед войной книгу об охоте на тигров где-то на Пяндже. Сейчас такую книгу уже не издадут по двум причинам: во-первых, тигр взят под охрану государства, а во-вторых, этих зверей в Средней Азии больше нет...

Но уссурийские тигры, те самые, о которых беспокоился Лев Капланов, сохранились. Теперь они находятся под защитой закона, торговля ими для зоопарков запрещена специальной международной конвенцией, и поголовье тигров на Дальнем Востоке по сравнению с 1940 годом заметно увеличилось.

Как бы хотелось мне сказать, что «тигровая проблема» тем самым разрешена окончательно и для этих животных наступила пора благоденствия под сенью природоохранительных законов!

Однако прошлой осенью, будучи вновь на Дальнем Востоке, я интересовался ситуацией с охраной тигра и наслышался немало противоречивых и оттого не менее тревожных вестей.

— Надо бросать охоту. Тигры одолели, собак таскают, самим ходить опасно, да и все равно на всех в тайге мяса не хватит, — говорят охотники-промысловики.

— Численность тигров необходимо регулировать. Звери причиняют слишком большой урон поголовью копытных животных, — беспокоятся работники охотничьего хозяйства.

— Представление о благополучии тигров мнимое. Нужно усиливать меры охраны, увеличить штраф за незаконный отстрел тигров, — пишут зоологи и энтузиасты охраны природы.

Фактически «регуляцию» все эти годы ведут ^нарушители запретов, браконьеры, стреляющие тигров тайком, подчас даже не пользуясь добычей. Только за несколько последних лет убито 50—70 животных! Между тем общее их количество на Дальнем Востоке не превышает 150 особей. Последних!

Суть конфликта заключается в том, что и тиграм и людям в дальневосточной тайге становится тесновато. Непрерывно возрастает хозяйственное освоение таежных территорий, в былых тигриных дебрях работают геологи и лесорубы, прокладываются дороги, возникают новые поселки. Охотники и рыбаки, сборщики ценных растений, грибов и ягод, всевозможные туристы — кто только не устремляется сейчас в тайгу, и, наверное, еще никто не вернулся оттуда с пустыми руками. Ухудшаются условия обитания не только тигров, но и копытных животных, которые служат кормом для хищников.

Тигры (в отличие от нас) не способны уразуметь, что такое «антропогенное воздействие», в чем заключается «трансформация окружающей среды» или «экологический кризис». Этих зверей не заставишь кормиться папоротником и желудями, им не объяснишь, где проходит граница заповедника... К тому же в годы работы Л. КапланОва площадь самого крупного в те годы в стра-

не Сихотэ-Алинского заповедника была в шесть раз больше нынешней. Здесь нескольким тигриным семьям и то тесно, а все другие дальневосточные заповедники не то что тигр — человек легко пересечет пешком за день. Вот и создаются непредвиденные коллизии, множатся взаимные обиды, в которых тигр чаще всего оказывается «без вины виноватым». И даже тогда, когда за ним есть вина, нам надо быть осторожными и мудрыми судьями на то мы и люди...

Ситуация с тигром на Дальнем Востоке — лишь один из множества примеров тех трудностей, которые возникают при решении проблем охраны животного мира. К тому же тигр все-таки тигр, не каждый решится его тронуть. Но вот другой дальневосточный обитатель — дикуша, или черный рябчик, — птица, смирнее и беззащитнее которой не сыскать на свете. Она подпускает человека вплотную и даже позволяет надеть себе петлю на шею. Арсеньев писал, что дикуша специально предназначена для того, чтобы заблудившийся в тайге безоружный человек мог избежать голодной смерти.

Дикуша повсеместно под запретом, но повсюду она становится все более и более редкой, а в некоторых местах уже исчезла совсем. Нет, ее, разумеется, не выловили петельками заблудившиеся в тайге страдальцы, ее просто стреляют из двустволок и тозовок. Большинство таких стрелков, конечно же, никогда даже и не слышали о ее редкости. Здесь можно сделать упрек и работникам охотничьего хозяйства, и деятелям охраны природы, которые еще плохо занимаются пропагандой, не знакомят широкие круги охотников с правилами и запретами. Однако же не секрет, что даже знание редких видов зверей и птиц еще не гарантирует их безопасность.

Мне рассказывали, как один из работников геологической экспедиции на Таймыре всю весну стрелял одних только краснозобых казарок, не обращая внимания на других, более обычных и многочисленных гусей. На вопрос, зачем же он стреляет именно этих красивых и доверчивых птиц, редчайших эндемиков нашего Севера, занесенных в Красную книгу, геолог прямо отвечал, что у казарок мясо нежнее гусиного, а до запретов и прочих «деталей» ему нет никакого дела. Характерно при этом, что такие люди подводят под свои поступки определенную «теоретическую базу», — дескать, они делают важное дело и поэтому могут пренебречь «мелочами», например, им дозволено изуродовать взрывами таежные озера, обезобразить тундровый ландшафт следами гусеничных вездеходов, уничтожать во множестве диких животных. Скажите такому «преобразователю», что в результате его деятельности страна становится не богаче, а беднее, он сочтет себя незаслуженно оскорбленным.

Вспоминаю другой случай, которому я лично был свидетелем. Возвращаясь из недалекого маршрута в поселок Хатангу, я встретил у самого аэродрома нескольких молодых людей. Один из них, вскинув ружье, прицелился в крошечного куличка, плескавшегося в большой луже.

— Зачем?! — невольно выкрикнул я.

— А чтобы не жил! — как-то радостно, словно давно ожидая этого вопроса, ответил парень, и вся компания со смехом двинулась дальше.

Начни оформлять на них протокол — любой охотоинспектор может сказать: «Эко дело, велик ли государству урон, если одним куличком в тундре стало меньше». А дело даже не в том, что это было летом, в запретное для охоты время, — аморальность поступка прежде всего в бессмысленности напрасного убийства.

Первостепенную роль в борьбе с браконьерством сыграла инициатива различных молодежных организаций, и прежде всего студенческих советов и дружин по охране природы. Такие ячейки созданы при Московском университете и многих других высших учебных заведениях нашей страны. Большой известностью, например, пользуется добровольная студенческая бригада по борьбе с браконьерством при факультете охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Она носит имя Улдиса Кнакиса, выпускника этого института, который погиб в астраханских степях во время преследования браконьеров. Имя его наряду с именем Льва Капланова стало символом мужества в борьбе за охрану природы, принципы и традиции этих людей служат примером для молодежи. А между тем мне лично приходилось слышать мнение о том, что Кнакис и Капланов «сами виноваты»; дескать, надо быть снисходительнее к людям, тогда оба они, глядишь, и остались бы живы... Вообще существует опасная «теория», суть которой в том, что браконьер не преступник, это «наш человек», который «всего лишь» нарушил правила охоты, с кем не бывает... Да и вообще провести грань между «простительным» и злостным браконьерством очень и очень трудно, да и стоит ли ее проводить? Но мы-то знаем, что за этим «всего лишь» кроются преследование зверей на автомашинах, хладнокровный расстрел сайгаков и джейранов в лучах фар, истребление белых медведей с вертолетов и многие другие действия, которые, как ни крути, являются самыми настоящими преступлениями.- Тем более что в проекте новой Конституции охрана природы утверждена уже как обязанность советского человека.

При биологическом факультете Московского университета ныне выполняются специально разработанные программы «Выстрел» и «Фауна», в которых серьезные научные исследования сочетаются с практическими мероприятиями по охране животного мира. Так, программа «Фауна» посвящена участию молодежных организаций в изучении и охране животного мира СССР. А участники рейдов по программе «Выстрел» приложили немало усилий для ликвидации браконьерства в Подмосковье.

Недавно на биофаке МГУ состоялась научная конференции, посвященная проблемам охраны фауны. Она была организована молодежным советом по охране природы МГУ совместно с Центральной научно-'исследовательской лабораторией Главохоты РСФСР. Наряду с выступлениями академиков и профессоров, посвятивших свои доклады теоретическим проблемам охраны животного мира, здесь можно было услышать и рядовых работников службы охотнадзора, действующих на переднем крае борьбы с браконьерством. Слова о «переднем крае» не преувеличение. Идет борьба, порой с жертвами, и это борьба не только за охрану животных, как принято думать. Это борьба за сохранение нашего национального богатства, борьба против слепого рвачества и алчного эгоизма.

Но нельзя всю эту борьбу сводить к одним только мерам взыскания, и недаром на конференции в МГУ были доклады, посвященные педагогическим и моральным аспектам сбережения фауны. Дело в том, что охрана животных — так же как и всей природы в целом — прежде всего, по меткому выражению академика И. П. Бородина, «есть

наш нравственный долг перед Родиной, наукой и человечеством». На мой взгляд, морально-этические и эмоциональные факторы охраны природы пока недооцениваются даже педагогами. До сих пор еще раздаются голоса тех, кто наивно хочет видеть лес без комаров и змей, без валежин и кочек, этаким райским парком, цветущим «по моему хотению»...

Основным принципом охраны животного мира является сбережение всего видового разнообразия фауны, независимо от конкретной утилитарной значимости того или иного вида. Этот принцип отвечает не только морально-этическим, но и практическим, хозяйственным требованиям. Да, в ряде случаев необходимо регулировать и сокращать численность тех или иных видов животных. Однако вырывать отдельные звенья из общей природной системы опасно и принципиально неверно! Поступать так все равно что свинчивать гайки с рельсовых путей, утешаясь мыслью, что гаек-то много. Особенно. это касается редких животных.

Основная опасность для диких животных кроется не в урбанизации, не в техническом прогрессе, а именно в тупосердии, потребительском отношении к окружающему, равнодушии и невежестве. Экологическое воспитание — часть общечеловеческой культуры. Пока ее нет, невозможно объяснить веселым парням из Хатанги, почему нельзя стрелять кулика или дятла, почему вообще нельзя смотреть на все, что летает и бегает, через прорезь ружейного прицела.

Надо совершенствовать охотничьи порядки с учетом современных природоохранительных требований. Очевидно, пора отказаться от весенней охоты на Севере, превращающейся подчас в массовое уничтожение животных, от добычи копытных животных для снабжения различных экспедиций (они, как правило, неплохо снабжаются и без этого) и от некоторых других традиций. Слов нет, охотники кое-где вносят свой «вклад» в сокращение численности зверей и птиц, но наивно было бы ждать изобилия даже при полном запрете всякой охоты. Дичь сейчас губят все же не столько охотники, сколько инженеры, химики, мелиораторы, лесорубы, даже безобидные на первый взгляд грибники и туристы, хотя бы они и не помышляли ни о каком браконьерстве. Ведь достаточно просто спугнуть матку с гнезда, чтобы погубить весь выводок. . А что уж говорить с непродуманной распашке земель, корчевании кустарников, рубке леса, осушения болот, массово/и выпасе скота, нагнетании порой без нужды по неведению «антропогенного воздействия».

И по этой причине всеобщая экологическая культура стала такой же необходимостью, как культура труда, как знание основ гигиены, как математическая образованность. И все более массовое движение молодежи в защиту природы здесь добрый знак. Впрочем, защита природы и защита своего благосостояния, здоровья — это сейчас одно и то же.

После сокращения численности ряда видов к началу нашего века оправились соболя, бобры, лоси, маралы, сайгаки и некоторые другие животные. Но нельзя замечать главным образом только успехи. Не мешало бы перечитать книги Тургенева, Аксакова, Пришвина, Арамилева. Сегодня, пройдя по их охотничьим тропам, уже не увидеть ни дроф и стрепетов в степях, ни множества дупелей, бекасов и уток в болотах, ни тетеревиных выводков в подмосковных перелесках. Негде стало охотиться с легавыми собаками в центральных областях России, изменились ее ландшафты, остались вокруг нас лишь те Животные, которые сумели приспособиться. К счастью, не всегда это «биоценоз вороны, воробья, крысы»; встречаются и крупные травоядные звери — лоси, кабаны, кое-кто из грызунов и птиц. Но редко кому повезет увидеть лису, барсука, даже зайца. Хуже всего приходится насекомоядным и хищным животным, а также птицам — журавлям, цаплям, водоплавающим. А уж степным обитателям вовсе невмоготу! Для них необходимо срочно — пока еще не поздно — создать заповедники и заказники.

В студенческие годы, лет двадцать пять назад, мы ездили на весеннюю тягу чуть ли не на трамвае, видели уток, тетеревов и рябчиков в тридцати километрах от Москвы. Уже не верится... Сейчас там выросли новые поселки и предприятия, каждый метр лесной площади вытоптан грибниками и дачниками, не то что тетеревов — дроздов не услышишь...

Но ведь правда и то, что есть сейчас в окрестностях столицы и зверье, и дичь, только нуждаются они в заботе и внимании. Природа умеет быть благодарной и чутко откликается на реальные меры охраны.

ОЛЕГ ЛАРИН,
Фото автора

— А - а - а, Москва?! Давно я Москву поджидаю-то, давно — все жданки проел... Ты садись давай, че встал? Кабы знали, што Москва в гости пожалует, так наличники спекли бы. Али калитки с творогом... Поди давай за стол!

Я растерялся: горница была полна гостей; на разгоряченных лицах блуждало нетерпеливое ожидание — кто такой, откуда? Но лихой дедко Мартын, хозяин дома, «вычислил» меня с первого взгляда и без всяких, церемоний взял в оборот. В его глазах, под толстыми стеклами очков, плавал мутный голубой туман, а в уголках губ притаилась детская проказливая улыбка.

— На голодный желудок душа не запоет. Давай проведай шаньгу-ту — вкусна ле? Она ить сметаной да яишным желтком смазана — жириста шаньга-та, поедиста. А вот харьюз соленый, померь-ка давай — войдет ле в брюхо харьюз-то? А вот стакашик... Не бу-де-е-ешь?!! Пошто эдак-то?..

О Мартыне Филипповиче Фатьянове я наслышался много историй. Видел его в кино, читал о нем статьи искусствоведов, бывал на выставках, где экспонировались его тетеры, глухарки и гуси-лебеди, вырезанные из дерева; знал, что во многих городах и странах люди дивятся тонкости и изящной строгости его туесов, будто дтделанных слоновой костью, и что многие из его работ удостоены медалей и почетных дипломов...

Отправляясь в деревню Селище, где живет мастер, я знал также, что Мартын Филиппович — георгиевский кавалер, участник гражданской войны на Севере, в молодости он слыл отважным, добычливым охотником, а также рыболовом, и вообще это очень веселый, очень словоохотливый, очень хороший человек: не может без гостей жить, готов их принимать хоть днем, хоть ночью. И все-таки я немного побаивался этой встречи.

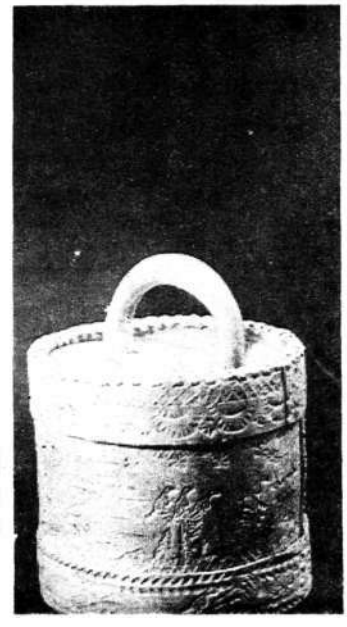
Сведущие люди в Архангельске сообщили мне, что прошлой зимой дедко Мартын ослеп: «Один глаз у него уж давно вышел из строя, а теперь и второй закрылся; год ничего не видит». И хоть жалко мне было беспокоить старика, тревожить его разговорами, но отнюдь не праздное любопытство неудержимо толкало вперед: все-таки поговорю с ма-

Дед Мартын и береста

стером, что-то узнаю о его ремесле, может, развею, облегчу его печальную думу.

Пока плыл на рейсовом катере из райцентра Лешуконское, пока одолевал крутой селищенский берег, я готовился к этой встрече. Хоть и слышал я о его неунывающем характере, но, честно говоря, ожидал увидеть древнего высохшего старца с неподвижным взглядом, отрешенного от земных радостей...

А навстречу мне, едва я вошел в избу, шагнул прыткий смешливый человек с распахнутой до ушей улыбкой, обнажавшей щербатый рот, в котором как вызов торчал один-единственный зуб. Он тянул меня к гостям, приглашая к столу, сыпал на мою тарелку золотистые, с темно-коричневыми подпалинами шаньги и еще кричал жене, чтоб побыстрее разогревала уху: «Москва, чай, проголодалась с дороги!» Был он похож на доброго лешего



из сказки: земной, лукаво-простодушный — весь на виду. И я не удержался, спросил у него: а как же со зрением?

— Нор-мально! — отчеканил дед Мартын и рассыпался короткими смешками. Кожа на его лице собралась в мелкую сеточку морщин, а в замутненных глазах, как в облаке, вдруг пробилась озерная синь. — Эх, счас только жить бы да жить! Сколько ведь лиха испытал! Слепой был, невидучий, а операцию сделали — и направился. Двадцать дён в Архангельске пролежал, в больнице-те. Лежу в койке, а они делают и делают, хирурги-ти. Хоть и молоды, а ничего — рукодельные ребята, ухватистые. А как сделают че ли, так у меня и спросят: «Ну, как, товарищ Фатьянов?» — «Хорошо, — говорю, — выполняйте в таком же духе. Только поаккуратней!» Они и слушаются меня, выполняют...

— Буде врать-то, — невозмутимо откликнулась из угла его супруга, Лукерья Тимофеевна. Из разноцветной шерстяной пряжи она вязала носки, в разговор почти не вмешивалась, но держала его нить так же крепко, как и свое рукоделие.

Гости, почувствовав, что интерес к ним падает, стали понемногу расходиться. Горница освобождение вздохнула, как бы раздалась плечами, окрасилась ровным закатным светом.

На столе, пуская солнечных зайчиков, гостеприимно шумел самовар. А над ним, повинуясь токам горячего воздуха, медленно и торжественно вращалась вокруг оси резная деревянная птица, подвешенная к потолку. Точно такую птицу, среди других фатьяновских работ, я видел в альбоме «Современное народное искусство». Туловище и голова были выточены с великим тщанием. Сзади широким веером распущен пышный многоцветный хвост из тончайших пластинок-дранок. В их золотистую фактуру удачно вписывались красные, зеленые и черные штрихи. Вся она как будто излучала радужное сияние. В прошлом таких птиц, как символ семейного счастья, ладили по всему Северу, и каждый мастер бесконечно варьировал их форму, раскрывая в дереве заключенную в нем красоту...

— У тебя магнитофон-то есть? — неожиданно спросил Мартын Филиппович. — Доставай, включай — беседовать станем. — И он принялся развивать новую тему:

— В перву-ту германскую я разведчиком служил. Может, слышал? Меня все в полку знали, все. Ноне-то все в предавность уходит, с переживаньем-то люди позабыли, што да как, а я все помню. И как на Васильевском острове в казармах стояли, и как на фронт отправляли. Все, все помню. Грудь — голубая, погоны — красные, морда — как лопушник. Седьмая рро-о-та сто девяносто восьмого имени Александра Невского пехотного полка — стана-а-а-вись!..

Ну вот... Послали нас, значит, к генералу Брусилову. Восьмые сутки сраженье идет, пули свищут, снаряды ревкают — страшно стоя идти, а надо. Война без этого не живет. Много нас тоды полегло — я сам два раза был ранен да два раза под газами лежал. С меня столько кровищи повытекло, што поп-от наш сжалился, папироску мне дал: «Ты, — говорит, — Фатьянов, больше не жилец. Покури давай — и закругляйся». О как!.. А повоевать-то еще пришлось — помирать я не согласен. В Карпатах уж дело было, под Бродами. Немец тако сраженье учинил, столь снарядов на нас навыкидывал, — начальство-то наше и побежало. Сдаваться побежало — о как! А *мы* ничего, стоим — александроневцы дак. Немец наступает, и *мы* в наступ идем. Орденоносцы у нас батальонами командовали. Я столь наград получил — ой-ей-ей! Да не все на грудь навесил, видать, по дороге ктой-то и схамкал...

— Не плети! — снова осадила его Лукерья Тимофеевна. Видно, она знала эти рассказы назубок. — Как поворотится язык, так и бурмасит что попало, людям только голову дурит...

— Ты, бабка, молчи, — обиделся старик и покосился в сторону магнитофона. — Ты сперва расчухай, а товды и бухай. В положеньи-то я был в каком — подумай? В огне, в воде, в земле. И до самого до Брестского мира все трупы и трупы шли... А как борьба пошла большая, в смысле удовлетворенья справедливости, — я в революцию ушел. Хошь расскажу, как беляков бил, как меня расстреливали?..

Но рассказать не пришлось, потому что голос старика потонул в водопаде женского острословия, и ему ничего не оставалось, как перевести разговор в другое русло.

— Ишь как моя старуха раскипятилась, — шепотом пожаловался Фатьянов. — Слова *це* даст вымолвить... Ну да ладно. У нас с тобой много делов набежало, все и не обговоришь. — И прежняя, чуть плутовая улыбка вернулась на его лицо.

— Что такое «дупле» — знаешь? А-а-а, не знаешь. У кого это сколотень называется али чулок, а у нас дак дупле. Ну, слушай... Поехал я тут по речке — а дело было в пору сокодвижения, береза пухом покрылась. Жара, словом. В жару-ту и надо снимать дупле, бересту эту, иначе присохнет — не оторвешь.

Плыву я, значит, в Бушенево, где березы мои растут, веслом легонько подпихиваюсь. А солнце жарит, сморило меня порато: нет моготы, отдыхать надобно. Зачалил я эдак лодку-ту, только гла" за закрыл — ктой-то мне на ухо дышит, щекотает дак. Пробудился, значит... Ба-тюш-ки — да это ж медведь! — И дед так живо изобразил этого медведя, что бороденка его запрыгала от возбуждения. — У меня от страху волосы шишом заподымались. Думаю, раскол серьца получится. Медведь-то у нас здесь смирёный, ягодный, а вот поди как распалился. Ну, я за весло и в морду ему тыкаю: «Пошел прочь, лешак чертовый, кикимора полоумная! Ты што, человека не признал? Сейчас кишки выпущу!» А он стоит эдак, страшила-то, с ноги на ногу переминается... — Фатьянов остановился, заметив на моем лице улыбку: — Што, думаешь, вру? Думаешь, дедко через ум кинулся?! Погоди, счас я тебе докажу...

Мартын Филиппович ловко снялся со стула, вытащил из запечья моток бересты, расправил ее на столе. Потом он нашарил еловый сук-крень, на котором были вырезаны изображения, хватил по нему молотком — и на глянцевой берестяной шкурке проступила только что рассказанная баталия: лодка, лесистый берег, маленькая, тщедушная фигурка деда Мартына с веслом в руках и громадный, с вздыбленной шерстью медведь.

— А чем дело кончилось — знаешь? — возгласил старик, наслаждаясь произведенным эффектом.

Супруга одобрительно помалкивала.

Он взял другой крень — из вереска, снова стукнул по нему, и я увидел на бересте жалкого, убегающего зверя, и явно выросшего в размерах Мартына Филипповича, который кричал ему вдогонку.

— Все из природы, все из нее беру. И чтоб, значит, себя удивить, — по-своему комментировал Фатьянов, продолжая выстуки-

вать сюжеты из жизни разных птиц и зверей.

Этих креней — своего рода штампов, печаток у него было заготовлено великое множество. Вот крень, который назывался «Полет гуся», вот три сказочных терема на фоне заходящего солнца; вот норка, пробующая лапой воду; охотники в засаде... утки... тетерева... островерхие деревья...

— Формы-ти разные у меня, не аппаратом насниматы, — довольно заметил дед.

Я разглядывал узоры на бересте, слушал объяснения мастера и постепенно узнавал, что «медведи не только в одиночку, но и целыми стадами шастают по тайге; что когда глухари свадебные игрища затевают, то бери их хоть голыми руками, ну а если замолчат — и ты замри; что если у вывороченного пня-кокоры увидишь мышиные следы и клочки шерсти поблизости, знай — здесь Михайло Потапыч живет, хозяин суземья, а мыши, что твои парикмахеры, с его шкуры волоски дергают и в норы к себе тащат — детишкам на подстилку»...

Вообще береста — уникальный материал. И хвала мастеру, что он бережно сохранил и донес до наших дней редкое ручное ремесло, которое уходит корнями в далекие языческие века. Тысячи, а может быть, десятки тысяч берестяных поделок вышли из рук Мартына Филипповича, и все они разной величины — от стакана до двухведерной кадушки. И наверное, не одна хозяйка в округе, ставя в погреб туеса с творогом, добром вспоминает славное фатьяновское рукоделие.

Что такое туес? Берестяное ведро, если хотите. Или — баклага, бурачок, порочка. В разных местностях, всюду, где растет береза, его называют по-разному. В туесах грибы солят и капусту на зиму квасят. С берестяным пестерем в лес ходят, клюкву, морошку, смородину в нем держат, а также мед и сметану. Посуда прочная, стерильная, непромокаемая — ничего в ней не гниет, не киснет и не преет. Не случайно крестьянин, уходя в поле, брал с собой берестяные фляжки и штофы; в любую жару питье в них всегда оставалось холодным.

Лучшие из фатьяновских туесов сохранили поэзию живой вещи, они красивы и утилитарны. Украшенные многоярусными изображениями птиц и зверей, сценками из жизни природы, они при вечернем освещении напоминают дорогие и благородные изделия из слоновой кости.

На Севере заготовкой бересты занимаются обычно в июне, после первого грома, когда лист на березе наливается тугой зеленой силой. Вскоре дерево «линяет», и поэтому береста довольно легко отделяется от ствола, тогда как зимой она напрочь прикипает к коре, а летом пересыхает. Но не всякая береза годится для работы. Нужно выбрать такую, чтоб росла на высоком месте, на умеренно влажных грунтаж и чтоб одежда ее не была запятнана черными штрихами-отметинами. Дерево срубают, острым еловым или рябиновым клином делают круговые надрезы, береста понемногу отстает, и ее сдергивают — дупле готово. Его тщательно вытирают тряпкой, чтобы не пристали пылинки. Затем со стороны донышка и крышки распаривают в горячей воде, отчего береста делается мягкой и податливой, загибают края, как голенища на сапогах, и сшивают ивовым прутом. Крышку и днище делают, как правило, из ели — мягкослойной и чистой, которая не оставляет запаха. А дужка на крышке — из вербы...

Так рассказывал мне дед Мартын, когда утром следующего дня мы отправились в березовую рощицу за околицей, ибо на дальние богатые боровины, вроде Бушеневой, он уже не ходок.

Из низин поднимались сизые парные туманы, когда мы миновали пашню, уже разделанную под пары, и повернули на глинистую, отпотевшую от ночного хлада тропу. Дорога для старика была выхоженной и истоптанной, знакомой до боли в суставах. По тому, как он дышал, приваливаясь спиной к изгородям, чувствовалось, что эти несколько сот метров выматывают его.

— Может, повернем обратно? — предложил я.

— По моим-то годам — дак пора уж к праотцам, — присказкой ответил он. — Ране-то я бежкой был. Ноги у меня удобны, зёмисты, подъем у их высокий. А вот ноне што-то загребать стали.

Мы вошли в березняк, и на нас накатила влажная, прохладная тишина. Из зеленоватого полумрака зарослей пахнуло прелым валежником и грибной сыростью. Солнце просвечивало сквозь новорожденную листву, прошлогодние ягоды брусники вспыхивали багряно и сочно.

Мартын Филиппович долго и придирчиво осматривал деревья, что-то прикидывая в уме, трогал стволы берез, легонько стучал по ним обухом топора, прикладывал ухо и слушал.

Потом он оглядел меня с ног до головы и остался недоволен:

— А где ж магнитофон-то? Никак забыл? Ну, тоды пиши...

Береста бывает трех сортов, — диктовал он мне, как на диктанте. — Тонкая, теплая, мягкая, бархатистая, растяжимая, широкопластная — без грибка, значит, и без корок, — «жирная», белая, бледно-желтая, молодчавая. Такой здесь сроду не бывало. ...Записал? Идем дальше... Толстая, гладкая, прочная, но игловатая, разноцветная — с юга красноватая дак, а с севера — желтая. Эта еще не поспела, на другой год приду... И третий сорт: толстая, тундроватая, пятнистая, в шадринах вся, в коросте, усикомыми засижена. Этой здесь хоть пруд пруди. Бери не хочу...

Но все-таки он взял: не ходить же вхолостую? Нашел более-менее подходящее дерево, без трещин и корок, саданул по нему топором с оттяжкой, свалил, очистил от сучьев, и я увидел весь процесс «сдирки» в натуре... Он сделал на дереве круговые надрезы, а потом стал «щучить» — с помощью рябинового клина-щупа отделять бересту от ствола. Потом он окрутил ее ремнем в два обхвата и давай вертеть направо и налево. После нескольких вращений берестяная

рубашка — дупле — сама отскочила от тверди.

Березняк раскалывался от птичьих голосов. Красное ленивое солнце оторвалось наконец от верхушек деревьев, набрало высоту, и сразу стало душно. «Пойдем давай, а то комары заедят»,— сказал старик, прихлопывая на щеке двух кровососов, и мы двинулись по знакомой тропе, обходя кусты и мочажины с ржавой, застойной водой.

По дороге к дому, когда перед нами во всей утренней красе открылась деревня с уютными дымами над крышами, а за ней и гибкое, изобильное тело реки с песчаными заберегами, дед Мартын остановился, облегченно перевел дух:

— Вишь, какая обширность разработана. Смотри, любуйся — сыт будешь. Как пословица-то говорит: «За морем теплее, а у нас светлее; за морем и веселье, да чужое, а у нас и невзгода, да своя». — К деду, кажется, возвращалось прежнее веселое настроение. Глаза из-под кустиков бровей смотрели молодо и отважно. — Тебе про бересту-ту сказывать, аль надоело? Не надоело. Ну, слушай...

В прежно-то время, не поверишь, мы лапти из ей плели, из бересты-ти. Пустое, я те скажу, занятие! Лапти плести — не дом вести, наука не хитрая. Для одной ноги пять полос требовалось. Мочишь их, окраиваешь, заостряешь — и в воду. Легче они тоды загибаются... А еще на катанки береста шла, галоши из ей делали/Наденешь на валенок: хорошо идти, дробко, ноги в тепле и сухости... А про «буренки» слышал, нет? Корзинки были таки рыбацкие — ой-ей-ей! Наложишь в них, бывало, сигов ли там, семги — и домой несешь. Правда, ноне запрет пришел, жалеет рыбу рыбнадзор...

Ты у меня на повети-то не был? Придем, сведу тебя на поветочку — увидишь, што под тесовыми досками лежит. Да, да, опять береста. Она матицы от гнили и сырости хранит, тепла дому прибавляет и течи не дает... В прежно-то время, ковды за стол садились, одну бересту и видели: блюда, солонки, ковши, стаканы, штофы. Везде береста — куды ни кинь! Мы ею еще лодки обшивали, а на рыбалке берестяными поплавками и грузилами пользовались. Табакерка у меня, ковды в гражданскую войну уходил, тоже из бересты была...

— А как вас расстреливали, Мартын Филиппович? — спросил я, вспомнив вчерашний разговор. И по тому, как он прокашливал голос, понял, что вопрос пришелся к месту.

— А разве-ть я не сказывал? Нет? Ну, тоды слушай... Было это в году эдак в девятнадцатом. Деревня такая есть — Коптюга. На реке Вашке стоит, в верховьях. Отсель, если на лодке плыть, километров сто будет, и еще маленько. А фронт посреди деревни проходил: мы здесь, а они, белые, тамотки. У белых карательный отряд был, из кулаков набранный, — звери, словом. И командовал има офицер с тросточкой, англичанин родом...

Как тут случилось, предательство ле какое, а может, караул проспал, — мне уж не сказать — а проснулся я под револьверным дулом, и меня за руки держат. В Федуловой избе дело-то было. Купец был такой — Федулов; как убег к белякам, мы избу его и заняли. Да-а-а... Проснулся я, значит, а Ванька Зотиков револьвером машет: «Всех убью, кто супротив пойдет. А тебя, гада, в первую очередь. Не посмотрю, што с «Георгиями»...» Великой злобы был человек, Ванька Зотиков, дурь из него так и лезла. Мы ить с има с двенадцатого года служили. А как война кончилась, я в красные ушел, он к белым подался. В Коптюге, значит, и встретились... «Уйди ты, — говорю, — с колканьем-то! — Молодой-то я вскипчивый был. — А то ить обливанье мозгов сделаю», Ну, он тут и осатанел: «Молчать! Расстрелять!», а дружки евонные мне руки выворачивают и на улицу тянут. Без сапог тянут, босиком. О как!..

Привели нас, значит, к лесу, построили. А рядышком лошаденка стоит, в подводу запряжена, заморна така, ребры-ти повылазили, дрожжит дак. Гляжу на нее — и самому холодно, колотун бьет. Лошаденку-то, слышь, для нашего брата приготовили — живком-то в землю не запихаешься. Как падем, значит, с пулею, нас на подводу кинут, в лес — и в болото головой. О как!..

Аглицкий командер тут является, Ваньке Зотикову выговаривает: «Что за бе-зо-бра-зие?! Ты пошто это орденоносцев стреляешь, басалай чертовый?! Кто тебе, сатаноид, такие права выдал? — И в меня тросточкой тычет:— Выпороть, — говорит, — этого молодца, и дело с концом». А Ванька-то, как услышал, што я в живности остаюсь, да как пал водку пить, так до завтрашнего утра и жорился. Ну а меня выпороли — война без этого не живет...

За разговорами я не заметил, как оказался в крепких обжитых покоях фатьяновской избы. Стол сверкал праздничной снедью, привычно шумел самовар, окутанный паром, в кольцах которого кружилась мудрая хранительница дома — резная золотистая птица с черно-красным оперением.

Лукерья Тимофеевна, поджидая нас, вязала носки. В ее узловатых пальцах мелькала разноцветная пряжа, и до того пестрым получалось у нее рукоделие, что смотреть на него приходилось издалека, чуть прищурив глаза. Красные, зеленые, желтые, синие нити, сливаясь под спицами, рождали картину раскаленного от зноя лета. В центр носка Лукерья Тимофеевна вплетала многоугольник огненного цвета, а по бокам привязывала к нему желтые звездочки на синем фоне. В этой символике не было ни одной праздной, пустой линии. В каждый узор вплетались воспоминания о детстве, о летних беззакатных днях, о безмерной красе родной земли. От чистоты и свежести красок захватывало дух...

Дед Мартын тем временем примерял новый пиджак. Он нацепил на него Георгиевский крест первой степени, георгиевскую медаль «За храбрость в боях», бронзовые награды ВДНХ, Пятой художественной выставки «Советская Россия» и Всемирной выставки в Японии, а также старенький значок «Ворошиловский стрелок». При полных регалиях он чувствовал себя увереннее и строже.

— Пойдем давай, а то солнце уходит, — сказал Мартын Филиппович, разглаживая перед блестящим боком самовара непослушные вихры. Оказывается, он углядел место возле плетня, на фоне которого я должен был запечатлеть его «на вечную память». Старик уселся на приступок и, взяв в руки берестяную заготовку, сделал вид, что страшно увлечен работой. Из поскучневшего каменного лица тут же ушла фантазия, ребячливая удаль.

Спасибо соседским парням, что проходили мимо, — выручили!

— Дедко, тебе дуплё-то принести? — крикнул кто-то из них.— В Бушенево поплывем...

Фатьянов даже подскочил от неожиданности: ну и ребята, ну и молодцы — не забывают старика! Откровенная, счастливая улыбка обнажила щербатый рот...

И в этот момент я нажал на спуск.

С. ДМИТРИЕВ

ГОРОД МАСТЕРОВ

Поспели каштаны, и их колючие шары барабанили по крутым киноварным крышам. С черепицы они сыпались на тротуары, и. бродя по улицам, приходилось увертываться.

Я скрылся от каштанового града в ближайшем кафе, и каштаны забарабанили по его прозрачному и твердому навесу с упорством картечи. В кафе по давалось единственное блюдо: блинчики-палачинты. Свернутые треугольником палачинты залиты были коричневой подливкой, сладкой и густой. В ней чувствовались шоколад, ваниль, растертое каштановое ядро и еще что-то сладкое и пряное. южное. Блюдо оказалось балканским.

С него для меня начиналась экзотика городка Сентэндре, до которого полчаса на электричке от Будапешта на север вдоль Дуная.

До города Эстергом Дунай стремительно несет свои воды на восток. Пробив путь между лесистыми горами Пилиш и Бёржёнь, река резко расши ряется и круто поворачивает на юг. Миновав Вишеград на одном берегу и Надьмарош на другом, Дунай становится еще шире, раздваивается -и — совершенно успокоенный — катит свои волны мимо огромных ив и песчаных пляжей острова Сентэндре. Пологий остров разделил широкий Дунай на два узких рукава. Трудно найти более удобное место для переправы. И потому скрещивались тут пути разных народов.

В сохранившихся на южной окраине Сентэндре древних развалинах угадываются ощетинившиеся стрелами стены и башни Кастры Константии, пограничной крепости римлян. В пятом веке крепость была разрушена гуннами. Излучина Дуная переходила из рук в руки: кельты, римляне, гунны, германцы, авары, славяне. Венгры.

В 1009 году, еще до появления Буды и Пешта, венгерский король Иштван I пожаловал большому торговому селу имя, так и не изменившееся с тех пор: Сентэндре — Святой Андрей. В 1146 году королевским указом село было возведено в ранг города — задолго до Буды.

В 1241 году у Дуная осадили коней монголы. На месте Сентэндре осталось пепелище... Потом город отстроили, и он ничем не отличался от других венгерских городов, пока в XIV веке не пришли сюда первые сербские беженцы...

...Короткая — метров пятьдесят — улица Гёрёг-кёз упруго поднимается к центру городка. Над рядами приземистых домов, скованных чугунным кружевом оконных решеток, возвышается четырехгранник церковной колокольни. На медной табличке рядом с резным входом пояснительное многословие: век, стиль, высота... В глаза бросается название: Благовещенская. В нескольких сотнях шагов другая церковь — Преображенская. Почему в маленьком городке в тридцати километрах от венгерской столицы столь невенгерские названия?

Внутри Благовещенская церковь была очень светлой. Свет падал из-под купола, яркий и ровный. Стены сплошь покрывали иконы во много рядов, и каждый круг икон представлял собой законченный библейский сюжет.

Я запрокинул голову, чтобы рассмотреть верхние иконы, и увидел надпись под самым потолком: «Бога чти, царя слушай». Что-то в ней было непохожее на надписи, которые можно видеть в православных церквах. И вдруг я понял: это был не церковнославянский язык, и даже не сербский, а самый обыкновенный русский. И эти расставленные, как в букваре, ударения...

— Почему здесь русская надпись? — спросил я у служителя.

Служитель покачал головой.

— То ние руски език. То црковнославенски.

— Да нет же: это русский язык!

— Ние, ние, — настаивал

служитель. — Руски език лйчи на црковнославенски...

Судя по всему, в не очень далекие времена габсбургской Австро-Венгрии каждая книжка из России приобретала здесь особое значение. Так попал, наверное, когда-нибудь в прошлом еще веке в Сентэндре букварь для церковноприходской школы. И фразы из него с расставленными ударениями аккуратно переписаны были на стены церкви Благовещенья в венгерском городке Сентэндре...

Последние сербы появились в Сентэндре в 1690 году, когда Белград в очередной раз попал в руки турок и волна беженцев во главе с патриархом Арсеном Черноевичем двинулась на север в поисках пристанища. За прошедшие века их потомки стали венграми, и в городе слышишь только венгерскую речь, но надписи на дверях домов, городские объявления изобилуют фамилиями на «ич»: Стоянович, Иванич. Иванич Иштван, конечно, Стоянович Ласло — чисто по-венгерски: имя после фамилии. Но остались навсегда балканские, южнославянские черты, и это сделало Сентэндре непохожим на венгерские города. Взбегающие на холмы улицы, невысокие — не выше двух этажей — дома, лавочки — десятки мелких лавочек, узкие крутые «кёзы»...

Вливаются в центральную площадь Гёрёг-кёз — Греческий, Тёрёк-кёз — Турецкий... Слово «кёз» точно перевести на русский трудно. Можно, конечно, сказать: «переулок». Но, во-первых, для него в венгерском языке есть другое слово, а во-вторых, по сравнению с «кёзом» переулок в нашем понимании выглядел бы проспектом. Если вы попали на улицу, где двоим людям трудно разойтись, где дома, кажется, вот-вот столкнутся лбами-фасадами, знайте: это «кёз».

...Со смотровой площадки перед собором виден весь город, а в ясное утро на юге угадываются контуры Будапешта. Под ногами — море черепицы и расходящиеся от площади Маркса улицы. Их восемь — больших (применительно к масштабам города) улиц и кёзов. По ним, сверяя каждый шаг с путеводителем, туристы растекаются в поисках достопримечательностей — а их в Сентэндре хватает! Вообще-то почти каждый дом — памятник старины.

...Потребовался как-то срочный ремонт дымохода в одном из жилых домов. Мастера, который смог бы разобраться в его хитроумном устройстве, искали по всей Венгрии. Нашли. Дымоход исправили. Он остался таким же, каким был задуман три века назад. Вообще, чтобы заменить хотя бы один кирпич в центре Сентэндре или проложить метр водопроводной трубы, требуется специальное разрешение управления по охране памятников старины. Потому и сохранился Сентэндре в своем исконном виде. В стиле, как это называют в Венгрии, «провинциального барокко». (Слово «провинциальный» не следует понимать иронически: это значит — «барокко маленьких городов».) Узкие, в два-три окна, фасады. Яркие стены: красные, желтые, оранжевые. Белоснежные жалюзи. Островерхие, почти отвесные рыжие черепичные крыши.

В домике с гладко побеленными стенами постоянно прописана выставка работ керамистки Маргит Ковач. Как и во всех музеях Венгрии, в выходные дни вход на выставку бесплатный. Нужно только отметиться у кассы: эта статистика нужна городскому совету.

Переступая порог, попадаешь в мир живой глины. Сквозь хитросплетения оконных решеток солнце высвечивает ряды фигурок — любая свободно поместится на ладони. Вот девушка, устало опустившая на землю ведра, вот упоенные разговором деревенские кумушки, а рядом сложила руки на груди древняя старуха.

Накануне Маргит Ковач показывала мне свою будапештскую мастерскую. Мастерская — тот же музей. На нестерпимый жар — половину мастерской занимает печь для обжига глины — обращаешь внимание только в первую минуту. Что там какие-нибудь тридцать пять градусов, когда на глазах рождается сказка! Руки художницы (а ей за семьдесят!) в считанные минуты превращают бесформенный кусок глины в забавных или печальных героев сказок, в диковинных, неизвестных зоологам зверей.

Гостям Маргит Ковач дарит фигурку девушки-певицы — много лет назад завела эту традицию. Говорят, что, если собрать все эти фигурки вместе, получится многотысячный хор. И среди них нет двух похожих. Мне досталась златокудрая красавица со свитком нот в руках. По вытянутым трубочкой губам можно догадаться, что она старательно выводит ноту «до».

Эту девочку-певицу я бы поместил в герб Сентэндре. У каждого города есть какая-нибудь одна главная «профессия». Бывают города-металлурги и города-ткачи, города-шахтеры и города-студенты. Сентэндре — прежде всего город-художник. Еще в начале нашего века здесь поселился Карой Ференци — один из крупнейших венгерских художников. Его примеру последовали многие собратья по искусству. Привлекали их красота города с его разноцветными домами, стариной, садами и виноградниками на холмах, и, конечно, близость столицы с выставками, театральными премьерами, всем тем, в общем, что называется культурной жизнью. Всех художников «сентэндрейской школы» (есть такое понятие в венгерской живописи) перечислить было бы трудно. Но почти каждый из них оставил в подарок городу Сентэндре свои произведения. Так Сентэндре получил свою вторую «специальность» — город-музей. Кстати, в Сентэндре находится музейное управление столичной области Пешт. И львиная доля музеев области — здесь же, в городе. Картинные галереи, этнографический музей крестьянского быта, музеи в древних церквах...

А еще Сентэндре — город-театр.

...Тяжелые шелковые занавеси перекрыли улицы и кёзы, ведущие на центральную площадь. Площадь замкнулась, словно зал. Прямо на каменной мостовой расставлены скамьи. На сцену — естественное возвышение мостовой — падал свет уличных фонарей, площадь накрывало июльское небо, а на площади была Испания семнадцатого века. Сентэндрейский «Театрум» давал «Рыцаря из Ламанчи» — инсценировку романа Сервантеса. У сентэндрейского «Театрума» нет ни здания, ни труппы. Играют в нем артисты из будапештских театров, сборный коллектив. «Театрум». Чтобы понять, насколько торжественно звучит это слово для венгров, следует помнить, что «театр» по-венгерски «синхаз». В слове же «театрум» слышится нечто античное.

С самого начала было решено ставить на сцене сентэндрейского «Театрума» только классику, чтобы не нарушать гармонию между действием пьесы и окружением. Коренных сентэндрейцев среди зрителей не было: каждый горожанин имеет право присутствовать на генеральной репетиции, и в дни спектаклей они не составляют конкуренцию туристам.

...Худая кляча несла долговязого рыцаря по желтой равнине, Дон-Кихот въезжал в ламанчский городок, и этим городком был Сентэндре. Средневековые дома, семнадцатый век на площади и даже заходящее солнце было ламанчским — огромным и жгучим. Прямо на сцену выходили двери овощного магазина, и окна домов, окружающих площадь, отливали телевизионной голубизной: футболисты будапештского «Ференцвароша» сражались на зарубежном стадионе...

НА ПОРОГЕ «ГОЛУБОГО КОСМОСА»

Сегодня в нашей кают-компании известный исследователь океана Жак-Ив Кусто и участник плаваний на папирусных лодках «Ра» и «Ра-2» доктор Юрий Сенкевич. И вполне естественно, что темой беседы были Океан и Человек.

Сенкевич. Думаю, предисловий к теме не нужно. Океан, который по своей необъятности и загадочности можно назвать космосом нашей планеты, так или иначе — то явно, то незримо — всегда присутствует во всех проблемах, волнующих современное человечество...

Кусто. Но, думаю, есть одна, глобальная, к которой сходятся нити всех остальных, — проблема охраны Океана.

Сенкевич. Можно лишь уточнить — охраны как общечеловеческой задачи, обеспечивающей гармоническое развитие того, что называется земной цивилизацией.

Кусто. Каждое Древнее общество, если так можно сказать, видело лишь свой кусок пирога, обеспечивало только свои аппетиты. Человек всегда ощущал свою зависимость от природной среды и именно с ее законами, как он понимал их, соразмерял свою деятельность. Но только сейчас человечество обрело то космическое зрение, которое позволяет понять необходимость подобного соразмерения в масштабах всей планеты. Ибо потребности возросли настолько, что, хотя бы из чувства самосохранения, удовлетворения своих «личных» потребностей, все го-

сударства мира должны думать и работать в этом направлении сообща. А ведь Океан — это две прети поверхности Земли. И в «формулу» взаимоотношений человека с природой он входит самой крупной составляющей. Продолжая ваш образ Океана, можно сказать — человечество сейчас лишь приступило к познанию «голубого космоса».

В этом году, например, мы планируем экспедицию по Средиземному морю. Дело в том, что этот район для океанолога — закрытая акватория, где обновление воды чрезвычайно медленное; для историка же — один из древнейших центров мировой цивилизации.

Сенкевич. То есть идеальная историческая модель взаимодействия человека с водной средой на протяжении тысячелетий?

Кусто. Именно так. На этом естественном историческом «полигоне» можно проследить, как с развитием цивилизации и ростом населения усложнялись эти взаимодействия и пришли к современному состоянию.

Сенкевич. А человек пришел к пониманию этого состояния...

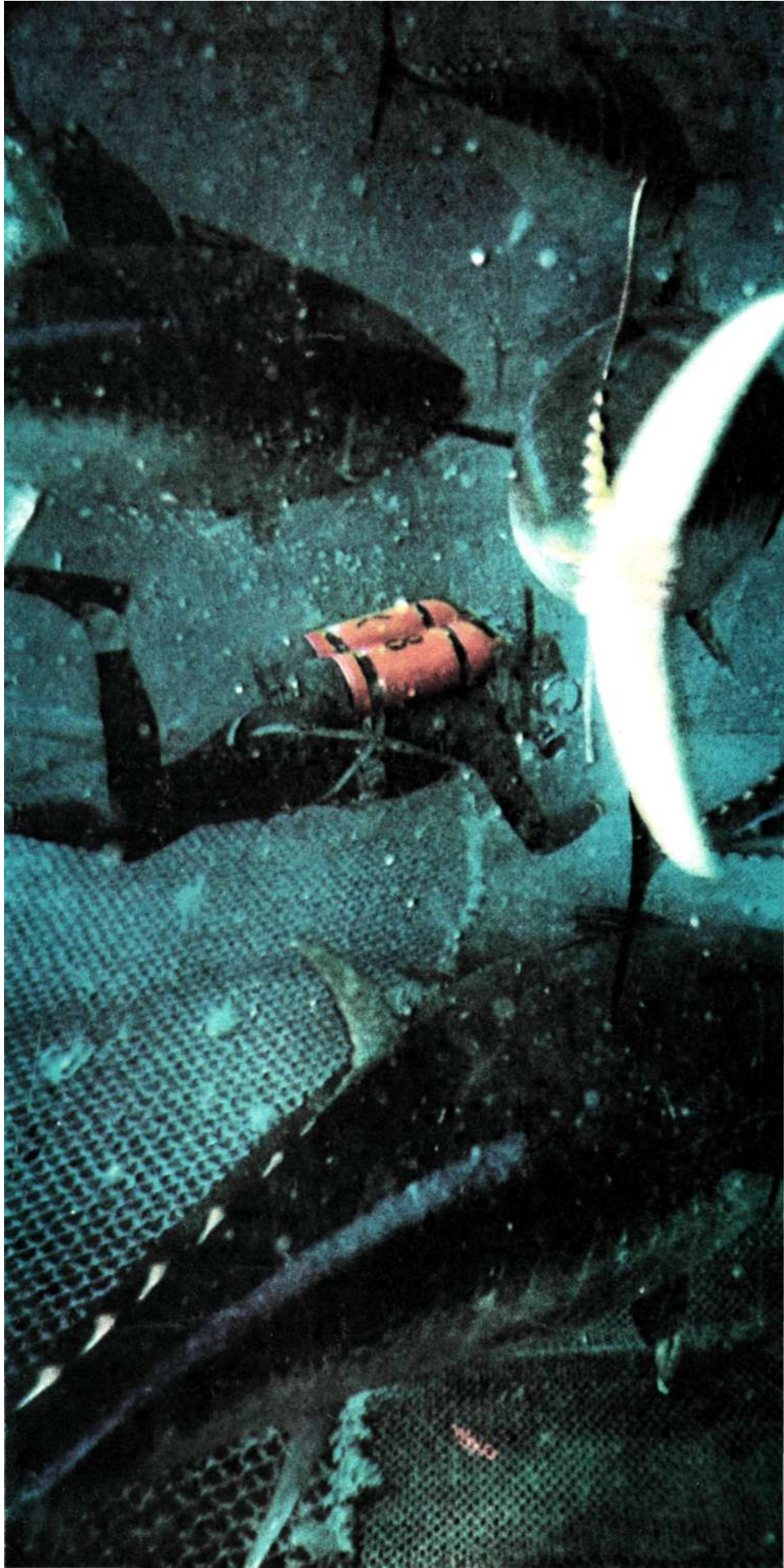
Кусто. Да. Проблема взаимодействия современной цивилизации и таких сравнительно замкнутых водных бассейнов, как Балтийское и Средиземное моря, одна из острейших.

Сейчас вокруг Средиземного моря живет около 300 миллионов людей, оно «поделено» между государствами, большинство из которых стоят на самом современном уровне промышленного развития...

Сенкевич. И, следовательно, обладают самыми «современными» средствами его загрязнения...

Кусто. Совершенно верно. Наша основная задача — исследовать на глубине основные критические по загрязнению районы. Такие, как дельта Нила, акватории Генуи, Барселоны, Афин. Мы хотели бы проводить исследования с помощью ученых всех стран Средиземноморья.

Думаю, что так и будет — Организации Объединенных Наций удалось заинтересовать большую часть этих государств совместной программой по охране Средиземного моря. Не знаю, на



КЛЮТ-КОМПАНИЯ
„Вокруг света"

сколько успешными будут эти усилия, но знаменателен сам факт — он является еще одним свидетельством того, что люди начинают осознавать необходимость заботиться о своей планете совместными усилиями.

Сенкевич. Несколько месяцев назад в Москве прошел съезд советских океанологов. Ученые говорили о том, что настала пора от промысла, традиционной охоты за рыбой и другими дарами моря переходить к ведению морского хозяйства по аналогии с земледельческим. То есть человек в полном смысле этого слова должен стать «пахарем моря». В этом, как мне кажется, суть качественно нового понятия охраны окружающей среды.

Кусто. Продолжим сравнение... Пахарь со своего поля убирает камни, прежде чем возделать его. Разве он не занимается охраной природы, от которой зависит его жизнь? Океан же — «пашня» человечества. Поэтому «камни» с этой «пашни» нужно убирать сообща.

Сенкевич. ...И те «камни», в существовании которых человек не повинен, и те, что он до сих пор разбрасывает сам...

Кусто. Да, только при условии бережного отношения к Океану человек сможет получать желаемый урожай.

Сенкевич. Причем урожай не только такой, к какому он привык за свою историю, но и совершенно иной. На съезде советских океанологов академик Л. М. Бреховских сказал, например, что такое сугубо «земное» занятие, как добыча минералов в открытом океане, станет реальностью уже в ближайшие десятилетия.

Кусто. Это предельно точно и как направление научной мысли, и как прогноз завтрашней реальности.

Посмотрим с этой точки зрения, например, на проблему энергетической обеспеченности планеты. Разве когда-нибудь человечество задумывалось над тем, что Океан является неисчерпаемой «энергостанцией»?

Сенкевич. Просто не было необходимости.

Кусто. Совершенно верно. «Подручных» энергетических ресурсов хватало. Но запасы минерального топлива в принципе не бесконечны. Нефти, например, не может быть больше, чем уже есть в недрах земли. Поэтому сейчас необходимо задуматься о новых источниках энергии. Многие ученые считают, что энергия будущего — солнечная. А известно, что поверхность Океана собирает и концентрирует эту энергию в таких количествах, что ею можно было бы обеспечить весь мир на многие и многие годы.

И еще, хотя это многим может показаться фантастическим: на мой взгляд, в ближайшем будущем человечество сможет так же «выращивать» энергию, как, скажем, овощи или искуственный жемчуг. Я говорю о морских биоэнергетических «фермах». И тогда, вполне вероятно, Океан сможет обеспечить всю необходимую в мире энергию — мы будем выращивать в нем даже топливо на тысячелетия вперед.

Совершенно иной взгляд рождается на наших глазах и в отношении пищевых ресурсов Океана. Речь идет не о рыбе, а о вполне «земном» мясе. В море нет таких источников белка, как на земле, поэтому кажется целесообразным создавать плантации быстрорастущих водорослей и делать это не вдоль побережья, а в открытом Океане.

Есть такие водоросли, например трубчатые, которые обладают способностью за день вырастать на метр. Можно собирать колоссальные урожаи такой океанской травы и использовать ее в пищу для домашних животных на земле.

Конечно, это очень схематичная картина... Однако вновь возвращаюсь к сравнению с пашней — эту жатву мы сможем собирать только в том случае, если Океан будет чист, если отходами промышленности мы не испортим плодородие голубой нивы, не нанесем необратимый вред биологической цепи, ее жизнедеятельности.

Сенкевич. Кстати, на съезде советских океанологов эта проблема была одной из главных. Ученые одесского отделения Института биологии южных морей АН УССР выяснили, например, к каким вредным последствиям приводит насыщенность пресных вод, впадающих в море, растворенными продуктами распада минеральных удобрений. В огромных количествах эти продукты выносятся в Черное море Дунаем, «собирающим» их с полей многих стран Европы. Именно поэтому в Черном море, в зоне влияния его вод — а эта зона некогда славилась рыбным изобилием — происходит массовое развитие потребляющих кислород микроскопических водорослей, что, в свою очередь, приводит к гибели донных моллюсков, ракообразных и рыб.

Это новое явление.

Кусто. И, как мы видим, рукотворное. Приведенный пример еще раз показывает, что за океанской пашней надо следить сообща. Как и сообща возделывать.

Океан начинается с неприметных речушек. А загрязнение его, говоря фигурально, начинается с поля какого-нибудь фермера, никогда и не видевшего этот Океан. Еще недавно ресурсы природы казались столь же необъятными, как Океан — неисчерпаемым. И человек строил свои отношения с окружающей средой, в том числе и с Океаном, чисто потребительски.

Однако ранее человек не знал истинного положения дел. Мы же, наше поколение, оправдаться перед будущим своим незнанием уже не можем, ибо стратегические, глобальные последствия нашего воздействия на природу, если мы не изменим сам принцип этого воздействия, нам ясны.

Сенкевич. Но просто осознать возможные конечные последствия — лишь начало, некий указатель общего направления работы человеческой мысли. Предстоит практическая, каждодневная научная работа по изучению процессов, происходящих в Океане, взаимодействия этих процессов с практической деятельностью Человека.

Кусто. В следующем году мы планируем изучать ночную жизнь глубинных обитателей моря при помощи новой аппаратуры — без света.

Сенкевич. Чтобы ничем не вмешиваться в естественную сферу обитания?

Кусто. Да, конечно. Мы собираемся работать в различных местах Мирового Океана. Возможно, будет разработана совместная программа с другими странами. В 1979 году мы собираемся заняться изучением Северного полюса, вернее, подледной воды этого района. Мы будем опускаться под лед в наших «ныряющих тарелках» и работать там. Впервые мы сможем увидеть, что же происходит под этим льдом. Возможно, в Арктике нас ожидают такие же интересные открытия, как и в Антарктике в 1973 году.

Сенкевич. А что это были за открытия?

Кусто. Мы обнаружили невероятное количество фактов, или совсем неизвестных науке, или мало известных. Обилие фауны там совершенно невероятное, но число видов животных очень ограничено. И из-за этого морская фауна здесь очень хрупкая, ее легко разрушить. Значит, человек должен обращаться с ней очень бережно.

Сенкевич. И в заключение. Тематика ваших исследований чрезвычайно разнообразна: от практического изучения акул и китов до проблемы загрязнения Мирового Океана. Столь же обширен географический диапазон ваших экспедиций — от высокогорного озера Титикака до вод Арктики и Антарктики. Можно ли каким-либо одним словом выразить основную суть, средоточие ваших устремлений?

Кусто. Мне кажется, можно. И конечно же, не только моих, но всего современного взгляда на Океан. Это слово — уважение.

Сенкевич. К Океану?

Кусто. И к своему разуму. Мы вступаем в эпоху, когда разум и природа будут уже не противоборствовать, а, если персонифицировать, что ли, эти два понятия, строить свои отношения на взаимном уважении достоинств друг друга. Но первое, главное и определяющее слово — за разумом. Ведь природа не знает чувства жалости к ошибкам человека...

Записал С. НИКОЛАЕВ

НОВОСТИ ЭКОЛОГИИ

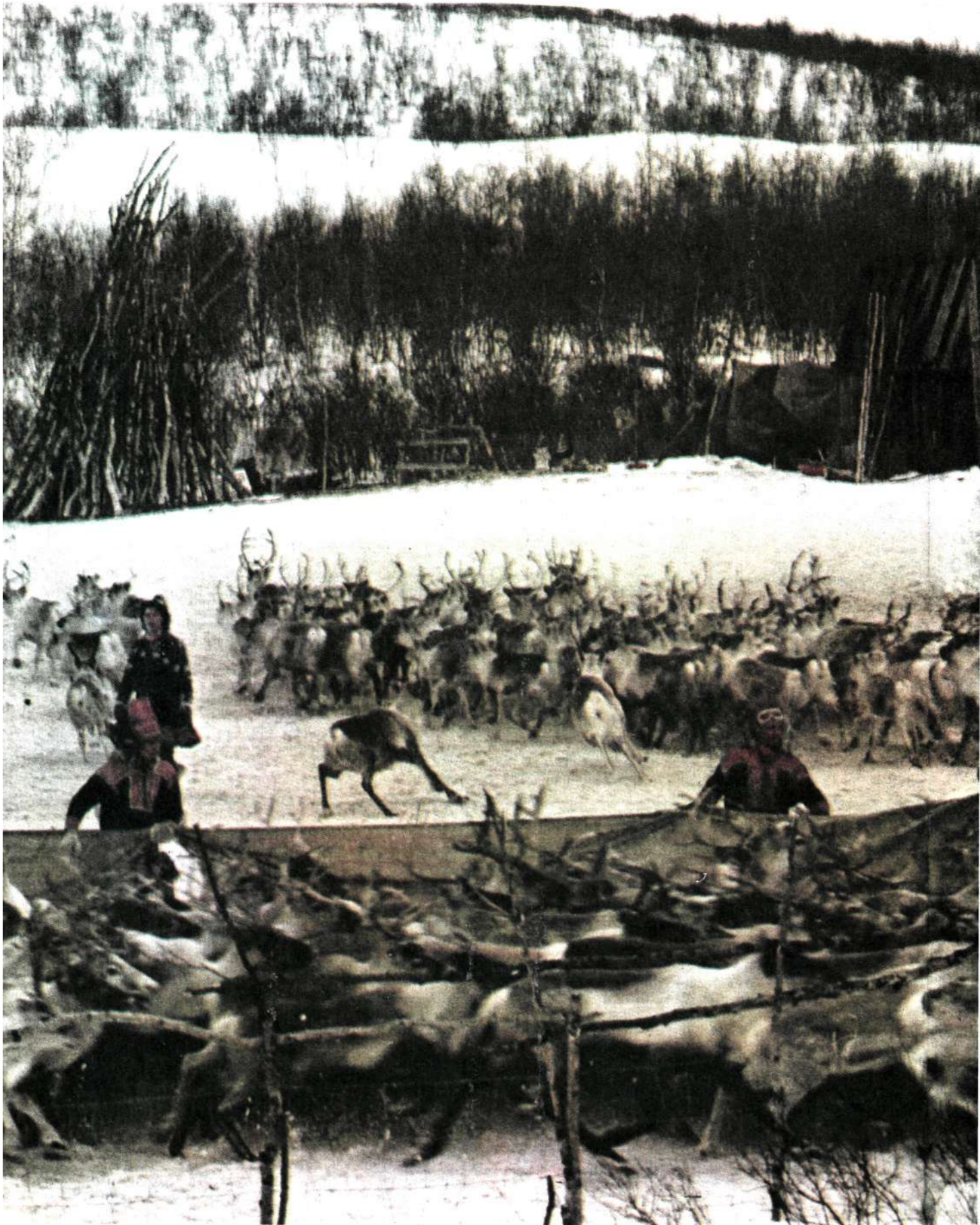
ГОРОД - ИСТОЧНИК ДОЖДЕЙ

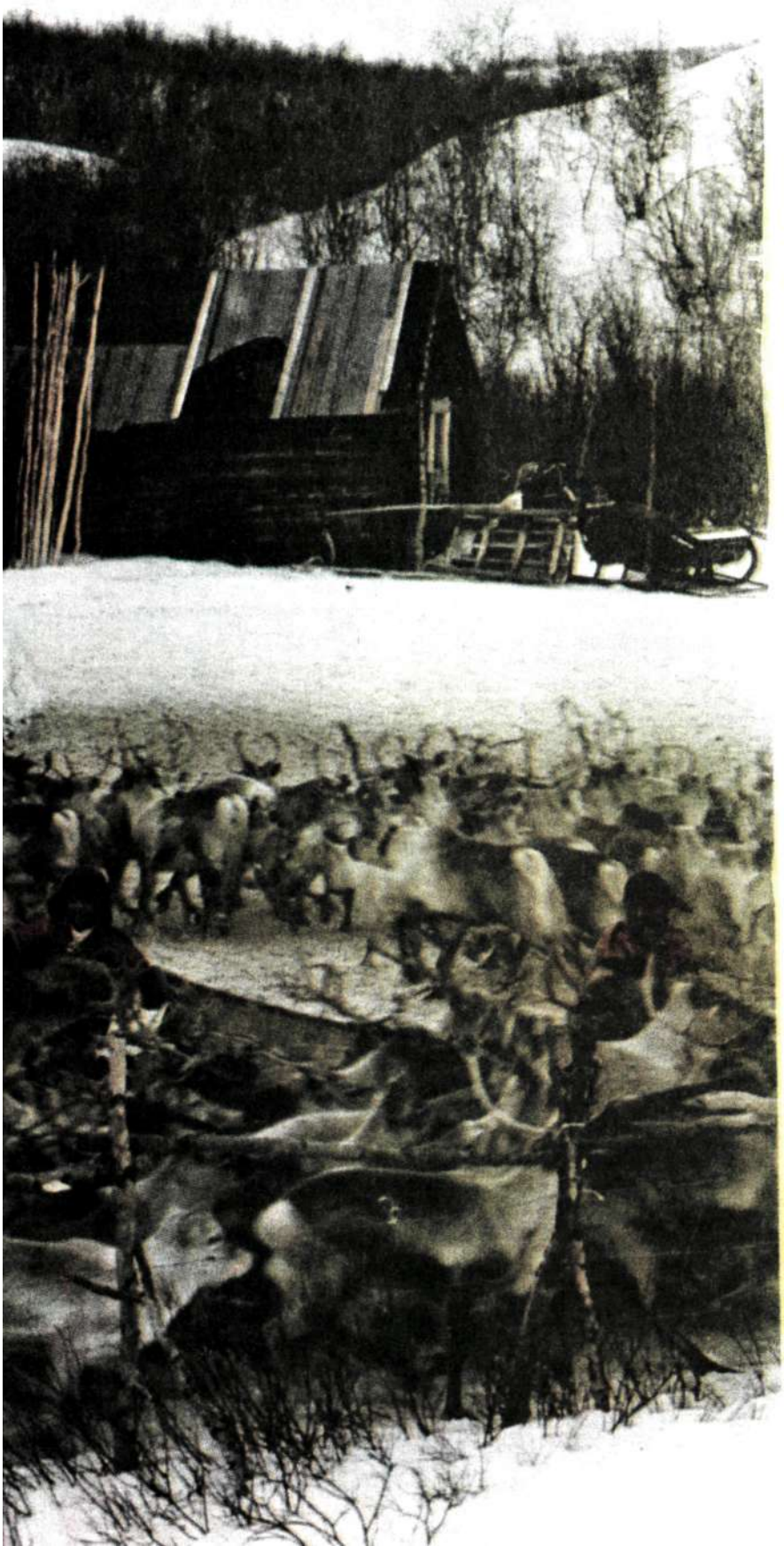
Четыре года американские ученые изучали, как большой современный город влияет на ход метеорологических процессов. Объектом исследований был город Сент-Луис (штат Миссури). Выяснилось, что над городом облачность возникает на одну десятую чаще, чем над окрестными сельскими районами. Летом в Сент-Луисе гораздо больше бывает дождей и гроз (грозы, случается, гремят там вдвое чаще, чем по соседству). Это погодообразующее влияние ощущается и к востоку от города, по направлению господствующих ветров, на общей площади около четырех тысяч квадратных километров.

Увеличение осадков (иногда почти на треть) благоприятно влияет на кукурузные поля и посевы соевых бобов к востоку от Сент-Луиса и дает трех-пятипроцентную прибавку урожая. Даже с учетом ущерба от участившихся гроз и града выгода, которую сельское хозяйство получает от своего соседства с крупным городом, составляет примерно 1,6 миллиона долларов в год.

Имеются, однако, и отрицательные последствия. Увеличение осадков в полтора-два раза участило случаи затопления и наводнения. Резко возросло загрязнение поверхностных и грунтовых вод городскими отходами.

Исследователи отмечают, что возникший метеорологический эффект нельзя устранить никакой перепланировкой города, так как он вызван самим фактом его существования.





ВАЛЕРИЙ РЫЖКОВ

ДВА ВЕЧЕРА С ЮХАНОМ

Начало сентября. Ослепительно светит солнце бабьего лета. Десятиместный «фэн джет фэлкон», кажется, застыл в неподвижном воздухе высоко-высоко над Ботническим заливом. Справа сквозь дымку проглядывает Финляндия. Слева — гораздо ближе — шхеры и голубые осколки бесчисленных озер Швеции.

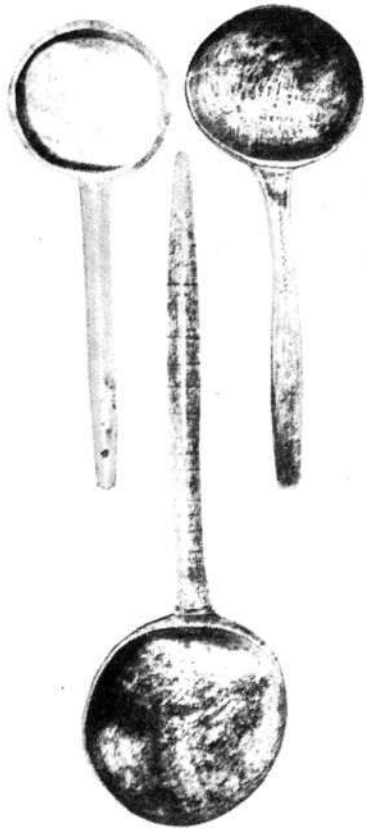
Второй час летим из Стокгольма на самый север страны. Местность внизу начала собираться в глубокие складки. Под нами Лапландия[1] — «страна лаппов»...

...После короткого пробега самолетик застыл возле маленького стеклянного аэропорта северного города Кируны. Вокруг. летного поля полыхали багрянцем березы, они чуть дрожали в прозрачном утреннем тепле, поднимавшемся от нагретого бетона. И только порыв холодного ветра отрезвил нас, напомнил: Арктика не так уж далеко, мы за Полярным кругом.

Наверное, ни один туристский проспект в Швеции не выходит без изображения лопарей в их живописнейших национальных нарядах — сине-голубых длинных рубахах с ярко-красным орнаментом. Алые ленты различной ширины нашиты на плечи, грудь, алыми полосами украшены полы одежды, обшлага, шапки. На пронзительно красном фоне лент выступают белые и синие кружки, ромбики, квадратики, цветы...

Вокруг Кируны и вдоль доро-

[1] Лапландия — исторически сложившаяся область, охватывающая север Норвегии, Швеции, Финляндии и западную часть Кольского полуострова в СССР. Этот сильно вытянутый регион (свыше 1300 километров в длину и до 300 километров в ширину) населен народностью саами, или лопарями. «Саами» — самоназвание, а слова «лопь», «лопари», «лаппы» пошли в средние века от финнов.



Такие украшения, предметы обихода и ныне выходят из рук лопарских мастеров...

ги, которая вела на восток страны, высились терриконы отработанной породы. Лен Норботтен — край железорудных разработок. Руда здесь высокого качества, день и ночь грохочут составы, направляющиеся в норвежский порт Нарвик, откуда везут рудный концентрат в промышленные центры Европы.

Я разглядывал терриконы и не забывал посматривать по сторонам, надеясь вот-вот увидеть красно-сине-голубую одежду «настоящих» лопарей.

В быстро сгущающихся сумерках машина зигзагами поднималась на гору Дундрет. Она остановилась на площадке, образовавшейся после того, как бульдозеры срезали самую верхушку горы. Снизу на вершину наступали кустики морошки, явно желая отвоевать временно потерянную территорию. На площадке были разбросаны несколько десятков тонкостенных домиков — нечто вроде базы отдыха для жителей Кируны. В центре стоял внушительный сруб из высохших на корню финских елей в три обхвата. Этот бастион прочно врос в землю, выставив на все четыре стороны «мортиры» толстенных бревен. Нам предстояло прожить здесь несколько дней. Я втянул голову в плечи, ежась от порывистого ветра, и с сомнением посмотрел на раскрашенные легкие домики вокруг. Но домики были оборудованы электроподогревом и стояли крепко.

Ужинать нас пригласили в тот самый кряжистый дом, в котором, как оказалось, были и сауна, и бассейн, и кафе-ресторан.

На стенах висели огромные медвежьи шкуры и деревянные рельефные панно. На столах горели свечи, пламя которых отражалось в стекле и фарфоре. Где-то вверху тускло блестели электрические лампочки, свет их с трудом достигал деревянного пола, и массивные столы вырастали из полутени желтыми островками.

Перед каждым на деревянной тарелке лежала длинная и гладкая, без мяса, кость, рядом — деревянная палочка. Но что с ними делать? Один из нас попробовал кость на зуб — она с честью выдержала испытание. Шведы тоже: ни один из них и бровью не повел. Пришлось выслушать объяснение, что мозг, находящийся внутри кости, считается у лопарей лакомством, а деревянной палочкой нужно вытолкнуть его на тарелку. Если мозг покажется слишком жирным, на него крошат сваренную и растертую со специями оленью печенку. Тут же лежал тонко раскатанный саамский хлеб. Мы почувствовали себя несколько увереннее, когда очередь дошла до оленьих отбивных: нежное, вкусное мясо.

После ужина я погрузился в кресло возле большого камина, где потрескивали большие поленья.

— Извините, на каком языке вы говорили? — Рядом со мной в таком же кресле сидел человек лет пятидесяти, худощавый, с трубкой в зубах, в сером отглаженном костюме. Некоторое растягивание гласных выдавало в нем уроженца Северной Скандинавии. Темные глаза на широком, изрезанном морщинами лице смотрели дружелюбно и со спокойным любопытством. Наверное, финн, проживший здесь всю свою жизнь.

— На русском, — ответил я.

— Ну, что же, мы почти соседи, даже более того. У вас ведь тоже живет мой народ.

— Вы саами? — догадался я.

— Да-а, — в ответе прозвучала характерная интонация, которая на севере Швеции соответствует неопределенным выражениям, вроде: «в общем-то, да» или «а как же, не без этого».

Выяснилось, что мой собеседник — его звали Юхан — приехал из небольшого селения севернее Кируны.

— Приехал по делу, а заодно решил встретиться с товарищем, которого не видел очень давно. Но похоже на то, — добавил он, улыбнувшись, — что товарищ продолжает, как лапландцы в старину, делить год не на дни, недели и месяцы, а на «темное время», «светлое время» и «время между». Он уже запаздывает на два дня. Жить на базе отдыха удобно, но экзотика обходится недешево. Впрочем, раз в год можно себе позволить отдохнуть неделю и таким образом.

Наступила пауза. Я не знал, как подступиться к главной теме. То, что Юхан называл экзотикой, интересовало меня в самой малой степени. А вот красные с синим узоры манили, как недосягаемый символ загадочной жизни северных людей.

— Да-а... — снова раздался голос Юхана. — Саами в наших краях всегда были слабы и разрозненны, чтобы противостоять тому, что во времена Харальда Прекрасноволосого и Биркарлов называлось кабалой, а сейчас именуется «плодами цивилизации». Был у меня дед по отцу, который пытался по-своему бунтовать, но и у него в конце концов мало что получилось.

— Не хватило сил?

Юхан чуть улыбнулся.

— Сил-то хватало, да-а... Впрочем, если рассказывать, то по порядку. Как у вас со временем?

Я поспешно заверил Юхана, что времени у меня более чем достаточно.

— Ну, тогда слушайте...

Это было похоже на путешествие в другой мир. Мир, где встретились суровая природа и яркие краски саамов, символизирующие жизнь.

Дед Юхана Аслак был крепким парнем. Он твердо стоял на ногах, когда двухлетний олень-самец рвался изо всех сил, пытаясь освободить свои рога от накинутого аркана. Остальные члены ситы[1], кочевавшей от Каресуандо к океану и обратно, уважительно посматривали на молодого силача. Счастлива будет та девушка, думали они, которая станет женой Аслака. Да такая девушка уже была на примете — избранницу звали Стина. Множество подарков — серебряные брошки и шелковые шарфы — свидетельствовало о ее немалой популярности среди парней. Веселая, подвижная, Стина умела мастерски шить одежду и была искусна в вышивке. Вышивала она тот самый ярко-красный орнамент, который так дорог сердцу каждого саама. Взгляд северного кочевника теплеет, когда он видит, как на белой холодной бескрайности разгораются яркие угли красной узорчатой материи.

Аслак последнее время копил деньги и недавно подарил Стине большую и красивую брошь. Казалось, что девушка улыбается ему чаще, чем другим, но забрать Стину у родителей было не так-то просто. Аслак слышал, что уже дважды женихов со сватами с позором изгоняли из коты[2]. Значит, к сватовству нужно подготовиться как следует. Шутка ли — на Стину, как и на каждого члена ситы, приходится определенное количество оленей. После свадьбы они перейдут в стадо мужа. А кроме оленей, семья теряла искусную работницу.

Однажды к коте Стины направились наиболее уважаемые родственники Аслака и он сам. Родители Стины, сидевшие у очага, молча предложили сесть поближе к огню. Они, видимо, догадывались о цели визита. Гости извлекли на свет угощение. Начались переговоры. От имени Аслака говорил самый знатный и пользующийся всеобщим авторитетом родственник. По его словам, Аслак был искусным, не знающим усталости охотником и настоящим хозяином своих оленей. Вместо одного оленя, подаренного ему при рождении, у Аслака их сейчас несметное множество. Родители Стины мало-помалу включились в эту нехитрую игру. Они сильно сомневались, так ли уж бесчисленны олени Аслака, зато Стина в их описании представала жемчужиной севера. Впрочем, было уже ясно, что исход словесной «битвы» предрешен.

Во время церемонии Аслак и Стина не имели права говорить. Преисполненные сознанием важности происходящего момента, они только обменивались быстрыми взглядами. Наконец, материальная сторона дела была обговорена. Аслак должен подарить семье Стины немалое количество материи, посуды и различных припасов. Сами молодые обязаны прожить после свадьбы не менее одного года в семье Стины.

Свадьба вышла на славу. Гостей было столько, что, когда кто-то начал их считать, ему не хватило пальцев ни на своих руках, ни на руках всех сидящих рядом. Священник, приехавший в эти края, с юга, не мог говорить на языке Аслака и Стины. Переводчик-саам мало чем мог помочь, но и так было ясно, что святой отец хочет, чтобы жених и невеста жили долго и вели себя смирно.

Голову Аслака венчала высокая шапка, богато украшенная ярко-красными полосами со множеством узоров. На груди крест-накрест сходился белоснежный шелковый шарф, схваченный огромной бронзовой брошью. Концы шарфа прятались под широким кожаным

...а эти наскальные изображения — судя по всему, фигуры танцующих мужчины и женщины — оставили древние саами, жившие на территории Лапландии четыре тысячи лет назад.

[1] Сита — несколько семей саамов которые объединяют своих оленей в одно стадо и кочуют вместе с ним.

[2] Кота — жилище лапландцев.

Может быть, и не каждый день носят саами традиционные наряды, но уж на свадьбе без них обойтись никак нельзя.

Гонки на оленях — излюбленный спорт юношей.

поясом, усеянным ослепительно начищенными медными бляхами. Полы синей рубахи так же алели от бегущих по ним узоров. Ноги обтягивали узкие штаны из оленьей кожи, а щиколотки были обмотаны кусками ярко-красной материи с пушистыми завязками.

Наряд Стины был почти такой же, разве что головной убор чуть пониже, да белого шарфа нет, зато на груди множество серебряных украшений. В трех платьях, надетых одно на другое, Стина казалась статной зрелой женщиной с сохранившейся тонкой талией.

Жених с невестой сидели на почетных местах. Одна волна гостей сменяла другую. На столах горами лежали лакомые куски оленины. Местный торговец Лестандер-старший, давным-давно пришедший сюда с юга, лично прислал два ведра водки. Потом, правда, нужно будет отдать за них немало мяса и шкур, но торговец не торопил с оплатой. Все чаще в воздухе звенел торжественный йоик[1] — бард рассказывал о ловкости и храбрости мужчин Каресуандо, о красоте женщин, до которых далеко и жительницам норвежского Каутокейно, и пришельцам с юга. «Войя-войя-войя», — подхватывали гости, когда замолкал певец.

Это была веселая свадьба. Долго еще вспоминали ее побывавшие на празднике саамы.

...Камин разгорелся в полную силу, от жара у меня начали слезиться глаза, и я протер их рукой. Рассказчик истолковал этот жест по-своему.

— Да-а,—протянул Юхан.— Я гляжу, вы здорово устали. Хватит мне утомлять вас своими рассказами.

Я запротестовал, кляня себя за оплошность, но Юхан был неумолим.

— Послушайте, — сказал он, — а что вы делаете завтра после обеда?

— Вроде бы ничего. Свободен.

— Вот и прекрасно. Приглашаю вас на ловлю форели. Большого улова не обещаю: рыба уже начинает засыпать в холодной воде, — но в любом случае вы не пожалеете. Тем более приятно будет посидеть здесь вечером после холодного речного ветра.

На следующий день я еле дождался обеда, затем оделся потеплее и, на мой взгляд, был готов для рыбалки.

Юхан с сомнением оглядел меня и молча указал на груду одежды, лежащей на полу. Через минуту я стоял в монументальных резиновых сапогах, широченном непромокаемом плаще и прорезиненной шляпе с большими полями. Ни дать ни взять суровый эландский рыбак начала века, вот только про-

[1] Йоик — саамская песня-импровизация, песня душевного настроя, которую исполняет автор.

Зимнюю одежду и сейчас зачастую шьют по старинке — с помощью оленьих жил, но зато что касается обычных платьев и рубах, то здесь швейная машинка совершенно незаменима.

соленной рыжей бороды не хватает.

Юхан завел мотор, и мимо потянулись берега реки Турнеэльв. Воздух чистый и холодный, словно ключевая вода. В лучах сентябрьского солнца каждая береза на берегу — словно застывший взрыв багряного фейерверка на фоне студеной зелени елей и сосен. Останавливаемся на перекате. Быстрое течение начинает сносить лодку, забрасываем спиннинги.

Юхан был прав: рыба засыпает. Минут пятнадцать спиннинги напрасно рассекают воздух. Наконец леска Юхана натягивается. На дно лодки шлепается красноперка сантиметров в двадцать. Юхан ловко усмиряет ее. Клюет и у меня. Свою добычу я покоряю, порезавшись о плавники и едва не перевернув лодку. Юхан оживился, помолодел — от его бесстрастности не осталось и следа.

Заряд белой дроби с посеревшего неба забарабанил по полям рыбацкой шляпы. Нас уже снесло к тому месту, откуда мы пустились в путь. Выходим на берег. Из термоса льется в пластмассовые стаканчики горячий кофе. Мы уверяем друг друга, что самая большая рыбина, конечно же, сорвалась с крючка, и если бы приехать сюда дня на два-три раньше, то...

После ужина я опять у камина. Минуты тянутся бесконечно долго. Наконец появляется Юхан. Снова тот же костюм, в зубах неизменная трубка. Раскуривая ее, Юхан посматривает на меня, как бы проверяя, сохранился ли интерес к его рассказу.

И снова льется песня-сказка, песня-быль о временах минувших, о людях иных.

Жизнь лапландцев протекает возле оленей. Едва образуется наст в горах после первой весенней оттепели, как сита откочевывает вместе с общим стадом к побережью. Все короткое северное лето олени щиплют там сочную траву, нагуливая вес. Саами в это время готовятся к зиме: ловят рыбу, вялят ее, чинят поизносившуюся одежду. После осеннего перехода в горы, где мхи и ягоды помогут оленям скоротать долгую зиму, начинается раздел общего стада по семьям. Тем самым подводится итог года. В зависимости от результатов, то есть от увеличения численности оленей, каждая семья принимает решение, сколько оленей пойдут под нож. Бывает и так, что надежный наст образуется в горах только в мае. Движимые инстинктом донести своих еще не родившихся оленят до побережья, самки идут круглые сутки. Вместе со стадом идут и саами. Стадо растягивается в виде длинного остроконечного треугольника, выбирают дорогу вожаки с колокольчиками на шее. Собаки с остервенением загоняют в ледяную воду многочисленных - озер и рек ленивых или выбившихся из сил животных: путь только один — вперед, отстать не должен никто.

Аслак очень хотел, чтобы его стадо когда-нибудь стало по-настоящему большим — таким, чтобы, куда ни кинь взгляд, всюду колыхались рога оленей. И поэтому при всяком удобном случае старался делать подношения сейту[1]. В глубине души Аслак надеялся еще и на то, что сейт когда-нибудь пришлет к его стаду «ничейных» оленей с неизвестным доселе тавром. Аслак с удовольствием присмотрит за ними. А осенью, если хозяин не объявится, он забьет их, оставив свое стадо в неприкосновенности. Но сейт не спешил с подарками, хотя предания только и говорят о щедрости богов.

После осеннего раздела стада Аслаку приходилось решать сложную задачу — как сохранить своих оленей и в то же время обеспечить семью всем необходимым на зиму. Избавиться от сомнений обычно помогал Лестандер-старший. Аслаку льстило внимание такого богатого человека. У торговца всегда было много водки, и Аслаку уже не страшны были ни суровая зима с ее снежны-

[1] Сейт — дух, обитающий в скале или груде камней.

ми бурями, ни переходы в несколько сот километров. После каждого приезда Лестандера Аслак уже толком и не помнил, сколько и чего он продал торговцу, и, хотя денег на первых порах хватало, в конце зимы все равно приходилось резать животных. Уже не так легко, как раньше, взбирался Аслак по горным кручам. Но у него росли два сына — надежные помощники. Давно уже валяется без дела выдолбленная из толстого дерева колыбель с остатками сухой осоки на дне и пологом из оленьей кожи сверху.

Орвар — лучший друг Аслака. Часто их коты стоят рядом. Много лет назад поклялись они друг другу, что один из сыновей Аслана женится на Утси, единственной дочери вдового Орвара. Она росла красивой и проворной. Но в последнее время дела Орвара шли неважно. Стадо его от лета к лету сокращалось, а сам он не на шутку пристрастился к водке.

Одна из зим была необыкновенно тяжелой. Снега выпало много, и олени с трудом разгребали его копытами, чтобы добраться до корма. Многих животных пришлось прирезать. Орвар лишился последнего оленя. А какой же лапландец без оленей? Да и дочь его вряд ли кто возьмет замуж. Так же рассуждали и сыновья Ас лака. Вскоре оба женились на девушках с приданым, объединив своих оленей с оленями невест. Стадо Аслака резко уменьшилось, и ему уже хватало пальцев обеих рук, чтобы пересчитать животных. К тому же Стина стала сильно кашлять. На щеках у нее появился яркий румянец. За несколько месяцев чахотка сгубила ее. Аслак похудел, сгорбился. Движимый инерцией жизни, он все так же совершал ежегодные переходы, все так же разводил огонь в коте и по-прежнему наблюдал, как маленькие оленята становятся рослыми оленями с ветвистыми рогами.

Эту долгую зимнюю ночь Аслак запомнил на всю жизнь. К нему заглянул Орвар. Друзья долго пили, вспоминая свою удалую молодость и печалясь грядущей старостью. За тонкой стенкой коты разыгралась снежная буря, но им было тепло и весело. Проснулся Аслак от холода и звенящей тишины. Голова раскалывалась от дрянной водки. Негнущимися руками он развел огонь. Вдруг вспомнился вой бури. Или это был вой волков? Острое чувство тревоги пронзило его. В коту вбежала заплаканная Утси. Из ее сбивчивого рассказа стало ясно, что Орвар не вернулся домой. Снаружи Аслака ждала голубовато-белая пустыня, в которой растворились и его олени, и Орвар. Много суток искал Аслак в неверном свете северного сияния стадо и друга. А нашел только Орвара. По изорванной одежде и множеству ссадин было видно, что многовековой опыт поколений гнал лапландца вперед: остановишься — смерть. Но пурга и выпитая водка оказались сильнее этого непреложного закона саами. Орвар все-таки остановился и безвольно лег в снег.

Еще больше сгорбился Аслак. Он взял к себе в коту дочь Орвара — Утси, уже совсем взрослую. Не пропадать же ей одной в пустом холодном жилище! Сыновья не забывали отца — приносили время от времени мясо и кое-какие припасы. Аслак начал помаленьку оживать, стал даже подумывать о новом стаде. В один из таких зимних дней, когда он сидел у огня и предавался воспоминаниям, а Утси штопала одежду, за стеной коты послышался звон бубенцов.

В коту ввалился Лестандер-младший. Уже несколько лет он заменял в торговых делах отца. Лестандер шумно гоготал, хлопал Аслака по плечу, наконец широким жестом вытащил большую посудину с водкой и бросил ее на шкуры. Как и у отца, у него с собой всегда было много спиртного. «И чего это торговец зачастил ко мне в последнее время? — подумал Аслак. — Оленей у меня сейчас нет, торговать нечем. И соседи стали как-то странно улыбаться, завидев нас. Неужели здесь замешана Утси?»

Лестандер заботливо совал Аслаку в руки досудину с водкой, следя за тем, чтобы жидкость не проливалась зря. И снова Аслаку стало тепло и весело. Разноцветные угли из очага хороводом закружились по коте. Он хотел было запеть йоик, но покачнулся и повалился на бок, скорчившись на шкуре в беспробудном сне. Пробудился он рывком — волна боли заставила его выкатиться из коты и зарыться в снег. Скоро до него донесся истерический смех Утси и уверенный бас Лестандера. В лунном свете Аслак увидел, как, откинув медвежью полсть в своих санях, Лестандер притянул к себе почти не сопротивлявшуюся Утси. Его они не видели. Аслак в ужасе отпрянул, заполз за коту. Сани умчались. Аслак выпрямился и пошел прочь, увязая в снегу.

Вскоре впереди появилась темная громада сейта. Как живые, дрожали, двигались над ним холодные полотнища северного сияния. Сейт сильный, он поможет разобраться, почему Аслак лишился оленей, почему стал бедным и слабым, почему тот, чужой, отнимает у него Утси.

Аслак медленно вспоминает свою долгую жизнь. Олень всегда давал лопарям все, почти ничего не требуя взамен. Он перевозит саами и его скарб, дает ему молоко, масло и мясо. Холод не страшен саами, если у него одежда из теплой оленьей шкуры, сшитая с помощью оленьих жил. Из оленьих рогов делается множество необходимых в хозяйстве вещей. Сейчас, когда пастбищ становится все меньше, сокращаются и оленьи стада, а значит, жизнь саами станет еще тяжелее. Вспоминает Аслак и сотни шкур, оленьих туш и рогов, отданных торговцам в обмен на короткое забытье и головную боль. Изувеченные склоны гор, в чьих ранах копаются пришельцы с юга. Напряженно-ласковые взгляды чужаков, когда им попадается на глаза белая бусинка из речной раковины или крупинки желтого металла. Долго стоит Аслак, глядя на вершину безответного сейта. Затем поворачивается и бредет к коте.

Лестандер уже там — сидит на почетном, самом дальнем от входа месте, пьет водку. Тень скользнула по его лицу, когда он увидел Аслака. Гость пододвигает хозяину посудину, но Аслак только делает вид, что пьет. Наконец раздался пьяный храп гостя. Аслак собрал ремешки из сыромятной кожи и крепко-накрепко привязал Лестандера к толстым чурбанам, служащим опорой коте. Рука Аслака привычно скользнула к поясу, где всегда висел острый лопарский нож. Почему-то задрожали руки. Нащупав бутыль с водкой, Аслак сделал большой глоток.

Лестандер застонал во сне и попытался перевернуться, но веревки крепко сдавили его.

Торговец открыл глаза. Старый саам сидел над ним на корточках. В его руке блестел острый нож. Переполнившись ужасом, Лестандер завыл. Аслак заткнул пленнику рот меховой рукавицей.

Но, странное дело, в отблесках открытого очага на молодом лице Лестандера сверкнули крупные слезы. Казалось, он просил прощения. В необыкновенно ясной голове Аслана раздавался гул. Схватив посудину с водкой, Аслак, не отрываясь, пил, пока она не опустела... Гул прекратился. И сразу услышал он грозный, торжественный голос сейта. Аслак кинулся вон из коты, бросился бежать по голубой поверхности, вздымая снежную пыль. Но голос сверху догоняет его. Саам силится открыть глаза, а в воздухе звучит:

Ты должен спать там, где
спят твои стада, —
В долинах, которые даны
нам от века.
Только здесь ты понимаешь,
для чего живут все живые,
Только здесь до тебя
доносится глас умерших.
Ты слышишь, как лают твои
собаки?..

— Слышу, — пытается ответить Аслак, но снег уже не тает возле его голой руки...

Я .посмотрел на рассказчика. Трубка Юхана погасла. В глазах, казалось, светился отблеск того давнего очага.

— Его нашли через несколько дней. Как видите, мы тоже, подобно племенам сиу, команчей или, к примеру, ирокезов, могли ступить на тропу войны.

В голосе Юхана слышалась ирония.

— И так же, как американские индейцы, мы оказались беззащитными перед наступлением цивилизации, — продолжил он совсем серьезно. — Ее жернова перемалывают нас. Кстати, мало кто из саами в шведской Лапландии носит сейчас национальную одежду. Разве что иногда, в торжественные дни. И то в виде исключения...

Декабрь. Москва. Передо мной газета из тех далеких мест. На снимке — раздел оленей ситы между семьями саами. На заднем плане колышется море ветвистых рогов. В морозном воздухе — клубы пара над оленьими мордами. Молодой олень отчаянно рвется, стараясь освободиться от накинутого ему на рога лассо. Спиной ко мне стоит молодой лопарь, изо всех сил удерживая оленя. На темной одежде саама видны едва заметные полосы. Снимок черно-белый, но я уверен, что этсктот самый ярко-красный орнамент на сине-голубом фоне.

И я понял, что, раз побывав в «стране лаппов», невозможно ее забыть. Долго еще меня будет тянуть в эти края — края багряных берез и холодных быстрых рек. Я стал, говоря языком саами, «лаппин хулу» — так лопари называют людей, навеки покоренных Лапландией.

ДИНОЗАВРЫ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Семьдесят миллионов лет назад внезапно и загадочно погибли крупнейшие за всю историю земли сухопутные животные — динозавры, которые до этого благополучно прожили не одну геологическую эпоху.

Неразгаданное влечет к себе пытливый ум, и гипотез, которые пытаются объяснить катастрофическое вымирание динозавров, немало. Например, неподалеку от солнечной системы произошла вспышка сверхновой, и на Землю обрушился мощный поток радиации. Существует гипотеза, которая связывает исчезновение динозавров с повсеместной перестройкой биологических сообществ, биоценозов, вызванной сменой растительности. Немало и других точек зрения.

Однако до сих пор без внимания остается одна, существенная, на наш взгляд, причина, которая, возможно, и пресекла жизнь динозавров.

Обратим внимание на два широкоизвестных факта: нередки массовые захоронения динозавров на небольших участках; значительное число окаменевших динозавров было найдено в застывших конвульсивных позах, характерных для внезапной смерти. Создается впечатление, что на одной площади одновременно погибало целое стадо гигантских животных. Возможная причина этого, на наш взгляд, — поражение электричеством.

Гибель крупных животных — лошадей, коров, овец — при поражении электрическими разрядами из атмосферы описывалась многократно. Динозавры неизмеримо крупней современных животных, а электрическое сопротивление огромных существ вряд ли могло быть большим. Через тело животного при бурной электроактивности атмосферы, или литосферы, неизбежно протекал сильный ток, который и становился причиной его смерти.

То, что было эпизодической случайностью, могло стать правилом в период резкого повышения тектонической активности планеты и механоэлектрических преобразований в земной коре.

Землетрясения, вулканические извержения активизируют электрические процессы в атмосфере и земной коре.

Так, бурная вспышка тектонической активности могла семьдесят миллионов лет назад резко усилить напряженность геоэлектрических и атмосферно-электрических полей. Опасней всего это было как раз для гигантов планеты — динозавров. Их стада паслись, шли на водопой и гибли сразу, поражаемые электрическим ударом или молнией. А без травоядных динозавров, понятно, не могли уцелеть и хищные, которые, впрочем, сами тоже были хорошей «мишенью» для электрических разрядов. Мелкие же существа — и пресмыкающиеся, и тогдашние . млекопитающие, понятно, уцелели.

Справедливо будет и обратное заключение, что места гибели и захоронения крупных животных — это и места эпицентров электрических очагов, очагов тектонических процессов.

Все это, конечно, лишь предположение. Нет данных, которые бы точно говорили, что именно семьдесят миллионов лет назад земля переживала особо бурный тектонический период вообще и горообразования в частности. Остается неясным и вопрос о глобальном механизме возбуждения в эпоху вымирания динозавров столь мощных геоэлектрических полей, которые повсеместно могли бы стать причиной гибели всех или почти всех динозавров. Но происхождение «кладбищ динозавров», конвульсивную позу этих существ наша гипотеза, очевидно, объяснить может. Кстати сказать, широко известны массовые захоронения также слонов и мамонтов. И этих животных чрезмерный рост и размеры скорей всего сделали слишком уязвимыми к колебанию потенциала литосферного и атмосферного электричества...

Л. ВОРОБЬЕВ, доктор физико-математических наук
г. Томск

КРАСКИ, ПОБЕДИВШИЕ ВРЕМЯ

— Этим фрескам четыреста тридцать лет...

Я знал, что средневековые мастера и в России, и в Западной Европе иногда помещали фрески снаружи церквей, но главным образом на фасадах. А то, что предстало передо мной здесь, в румынском селе Арборе, на земле средневекового княжества Молдова, не укладывалось ни в какие привычные для меня схемы: все стены церкви начала XVI века были снаружи сплошь покрыты великолепными росписями. Что это? Прихоть заказчика? Причуда живописца, уверенного в том, что его краски смогут столетиями противостоять любой непогоде?

Мой спутник, румынский журналист, переждав первый приступ моего восторженного недоумения, сказал:

— Это еще не все. Это только Арборе.

Потом были еще старинные монастыри. И везде древние стены, словно укрытые многоцветным, праздничным ковром. Не экзотическое исключение из общей культурной традиции, вызванное к жизни творческим импульсом какого-либо мастера, но явление, объяснить которое может только история.

Первые каменные монастыри здесь стали сооружаться во второй половине XV века при господаре Стефане **III,** прозванном Великим. Это была эпоха непрестанной борьбы против надвигавшегося владычества оттоманской Порты, и поэтому монастыри служили не только оплотами религии, но и военными крепостями. Но, как это не раз случалось в смутные и тревожные времена средневековья, под защиту монастырских **стен** приходили мастера и художники, и постепенно крепости-монастыри становились своеобразными хранителями многих ремесел и народного искусства.

И именно потому, что вся жизнь княжества была подчинена борьбе за независимость, появились эти росписи. Во времена средневековья скульптуры, фрески, сам принцип декоративного оформления и архитектурного решения культовых построек были своеобразной Библией для неграмотных. Человек средневековья свободно «читал» усложненный, мистически многозначительный «текст», зашифрованный в фигурах святых и пророков, в композиции того или иного сюжета. Именно поэтому в Молдове много фресок, выпадающих из жесткого церковного канона, но столь отчетливо отражающих антитурецкую направленность общественной жизни княжества.

«Осада Константинополя» — часто встречающийся здесь канонический сюжет. Но, пренебрегая религиозными традициями, предписывающими изображать осаду Константинополя персами в 626 году, мастера Молдовы откликнулись на свежее еще в памяти всего христианского мира падение твердыни православия под натиском турок в 1453 году. Противотурецкий заряд несла в себе также распространенная здесь сцена «Страшного суда», где турки изображены как иноверцы и грешники, с трепетом ожидающие своей участи.

Таким образом, в перенесении фресок изнутри на наружные стены главную роль сыграла задача усиления политического воспитания и сплочения прихожан, что в те времена имело жизненно важное для княжества значение.

Но не только в этом истоки замечательного и оригинального явления. В народном искусстве этой земли издавна существовал обычай расписывать стены жилых домов. А техника фресковой живописи здесь достигла к началу XVI века такого совершенства, что живописцы отважились на монументальную культовую роспись наружных стен, не сомневаясь в долговечности своих творений.

Технология фрески, то есть росписи минеральными красками по

сырой еще штукатурке, в результате чего образуется тончайшая защитная пленка, оберегающая краски от внешнего воздействия, вобрала в себя опыт многих веков. Она была известна еще в эгейском искусстве, то есть во втором тысячелетии до нашей эры. Фресками расписывались раннехристианские катакомбы, а позднее церкви Византии. Отсюда фресковая живопись проникла в Киевскую Русь и другие русские княжества. Произведения Андрея Рублева, Феофана Грека и Дионисия ознаменовали вершину в развитии стенописи в Древней Руси. Шедевры фресковой живописи создавали корифеи итальянского Возрождения: Джотто, Рафаэль, Микеланджело и Леонардо да Винчи.

В Молдове искусство фрески появилось сравнительно поздно — во второй половине XV века. Не исключено, что пришло оно сюда из русских княжеств, с которыми Стефан III поддерживал тесные дружеские отношения и был связан родственными узами[1]. Возможно, в этот период здесь даже работали живописцы из Киева, Москвы или Новгорода. Такое мнение высказывает, в частности, румынский искусствовед П. Комарнеску. К первой половине XVI века в Молдове, видимо, уже сложилась своя национальная школа фресковой живописи. В это время и создавались наружные росписи, обусловившие художественный блеск и славу княжества.

...В последний день своего путешествия я любовался фресками церкви в селе Воронец. Построенная Стефаном Великим в 1488 году, расписанная снаружи полвека спустя, и по своей архитектуре, и по живописи она кажется наиболее совершенной на севере Молдовы. Из-за преобладания синего цвета в ее наружных росписях она кажется голубой. В Румынии даже существует понятие «воронецкая синева».

Словно многовековую мечту своего народа о свободной и счастливой жизни донес до нас талантливый живописец этот цвет небесной лазури. «Среди великих художественных открытий нашего века, — пишет искусствовед М. Кузьмина, — одно из первых мест занимают настенные росписи, которые вот уже четыреста лет украшают с несравненным блеском фасады воеводских построек (церквей) на севере Молдовы. Долгое время, игнорированная критиками искусства, эта живопись, которая в целом составляет один из самых органических вкладов в сокровищницу мировой культуры, является выражением эпохи счастливого расцвета искусства, эпохи тревожной и трагической в то же время, жестоких битв за сохранение независимости».

В. САМОШКИН

[1] Он был женат на Евдокии, дочери русского князя. Елена, дочь Стефана Великого от этого брака, была замужем за Иваном Молодым, сыном великого московского князя Ивана III. *(Примеч. автора.)*

ВЕРНЕТСЯ ЛИ СЪЕДЕННЫЙ ОСТРОВ?

Как и большинство старинных названий, слово «Науру» имеет несколько толкований. Одно из них — «Приятный остров». Таким он, очевидно, предстал перед древними микронезийскими мореплавателями, когда после многих дней странствий по океану они увидели белый коралловый песок берега и высокие пальмы. Тогда же — кто знает, сколько столетий назад? — люди поселились на этой маленькой приветливой земле.

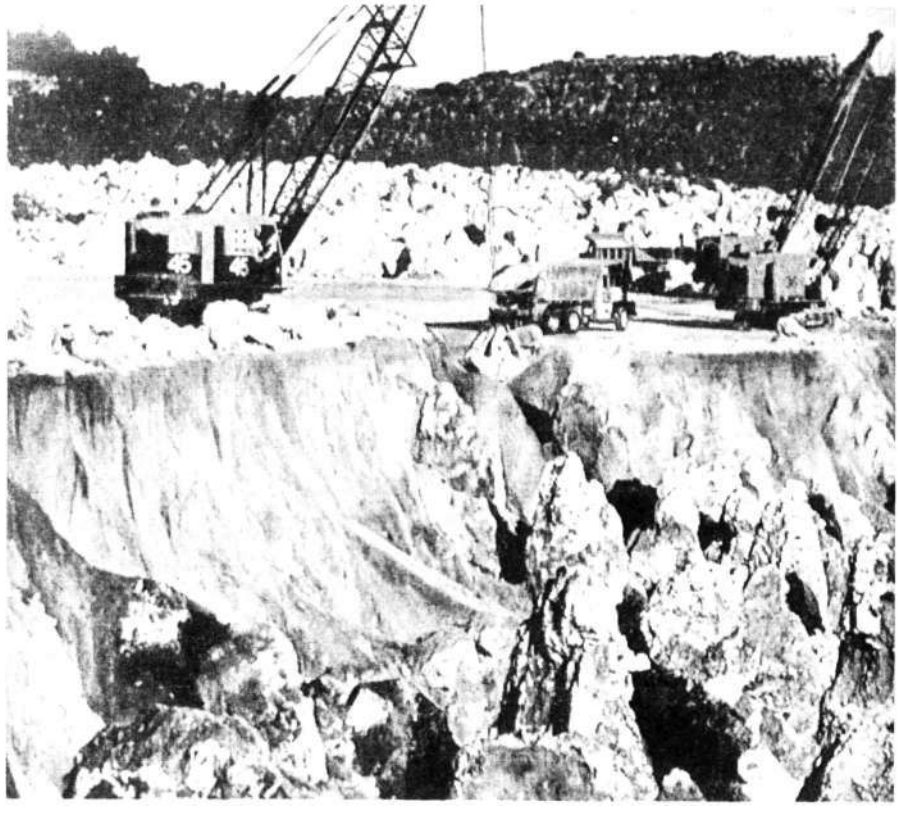
Еще раньше приглянулся Науру птицам. Они водились на острове в таком множестве, что после них остались сорок миллионов тонн окаменевшего помета. А содержащийся в помете фосфат — лучшее удобрение. Этим удобрением и прославился маленький — в двадцать один квадратный километр — микронезийский остров Науру, невысоко поднимающийся над поверхностью океана в сорока двух километрах от экватора.

...Птицы теперь не летают на Науру: их пугает грохот машин. День и ночь ковши экскаваторов черпают чистый фосфат, а сухогрузы увозят его за море.

Птицам легко менять место жительства. Людям гораздо труднее. Их, коренных науруанцев, четыре тысячи. На добыче фосфата они не работают. Для этого сюда завезены тысячи три рабочих, завербованных на Азиатском материке, островах Гилберта и острове Тувалу. Кроме них, на острове работают несколько десятков австралийских инженеров, техников, врачей. Австралийские пилоты водят четыре самолета местной авиакомпании «Эйр Науру», австралийские капитаны стоят на мостиках кораблей «Науру Си Лайнз». А далеко от острова, в Сиднее и Мельбурне, австралийские маклеры играют на бирже за науруанских владельцев акций. И высится в центре Мельбурна нятидесятидвухэтажный небоскреб «Науру Хаус». Если бы все население острова поселилось в нем, осталось бы еще очень много свободного места.

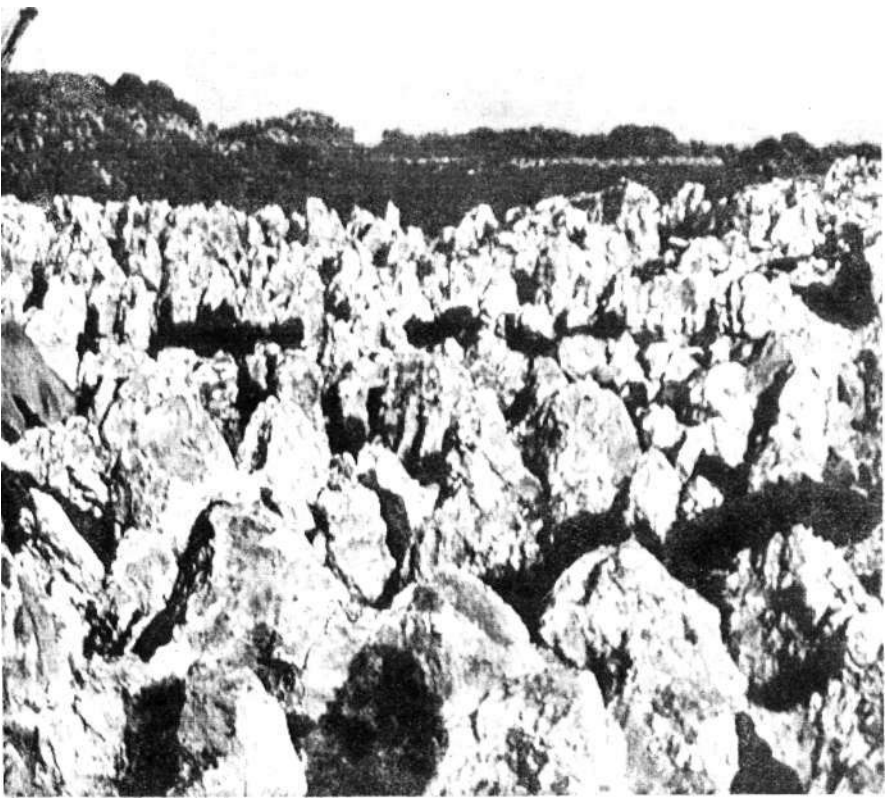
Комендант здания в свое время прилетал на остров и лично вручил каждому из глав науруанских семей по ключу от небоскреба. Ключи были массивные и чисто символические, ибо домовладельцы предпочитают жить на родном берегу, в легких и довольно примитивных хижинах. Бурная история острова научила их бояться чужих мест.

Четыре тысячи науруанцев не собираются покидать остров. Что же касается пришлых — будь то полуголый меланезиец-чернорабочий или австралиец — главный инженер, они обязаны покинуть Науру на следующий же день по истечении договора. И если бы кто-нибудь из них женился на островитянке, он все равно не получил бы прав даже на самый маленький клочок острова. Конечно, он мог бы остаться на Науру — но только до тех пор, пока может работать. Потом ему вместе с женой и детьми преподнесут бесплатный билет на рейс до Сиднея.



О расхищении природных богатств Океании см. заметку «Как съели Банаба» в № 1 «Вокруг света» за 1975 год.

Еще лет сто тому назад науруанцы славились как храбрые воины, опасные для моряков (европейские суда, особенно китобойные, частенько появлялись на Науру с конца XVIII века, когда английский капитан Фирн нанес остров на карту). Через некоторое время островитяне привыкли к чужеземцам, и на овощи и кокосовые орехи стали выменивать у них ружья. Ружья быстро вошли в моду, и, по свидетельству тех времен, «повсюду на Науру можно было видеть нагих мужчин и даже подростков с ружьем на плече; а иной раз сзади шла жена с другим ружьем и запасом патронов». Человек, в руках которого оказалась такая игрушка, как заряженное ружье, обязательно должен выстрелить, и в 1888 году на острове вспыхнула междоусобная война, причину которой установить уже никогда не удастся. В войне погибло двенадцать семей — огромные потери Для Науру. Под предлогом необходимости навести порядок на острове высадились немцы. Они конфисковали 765 ружей, 109 пистолетов, а остров объявили германской территорией. Для Германии это был скорее вопрос престижа, ибо толку в острове не было никакого: тот факт, что Науру покрыт высококачественным фосфатом, установил австралийский химик Эллис значительно позднее. После первой мировой войны остров перешел под мандат Англии. Первые тонны удобрения поплыли через море.



Науруанцы в то время не получали за увозимую землю почти ничего. И когда вождь Тимоти Детудам пытался основать свою компанию по добыче фосфата, он был арестован «за хулиганство».

Англичан сменили японцы, захватившие Науру во время второй мировой войны. Пришли самые черные времена в науруанской истории: тысячу двести островитян вывезли на соседний островок. Больных и старых побросали в море. Еще семьсот человек умерли от голода. Но оставшиеся в живых вернулись на остров Науру с намерением впредь никогда и ни при каких обстоятельствах не покидать родную землю.

В 1968 году остров получил независимость. За последние четыре года цены на фосфат выросли в три раза, и островитяне получают ежегодно почти триста миллионов долларов дохода.

Такова вкратце история очень богатого острова Науру.

С моря остров Науру выглядит как плоская шляпа; «поля» ее — полоска песчаного пляжа, а «лента» — узенькая пальмовая роща. На пляже живут науруанцы. По пляжу проложено и девятнадцатикилометровое шоссе, по нему гоняют до одурения машины местные автолюбители: взад-вперед, взад-вперед. У самого берега проводит прохладные утренние и вечерние часы местное общество — женщины в легких платьях, мускулистые мужчины в шелковых набедренных повязках. Медицинское обследование установило: «мускулы» состоят в основном из жира...

Что же касается тульи «шляпы», то она меняет свой вид изо дня в день: сквозь многометровые наслоения фосфата проступают коралловые скалы. Голые, бесплодные. Не пройдет и двадцати лет, как фосфат будет вывезен весь, и островитяне останутся при деньгах, но без земли. Только скалы будут торчать из моря, как обглоданные кости.

Что же будет тогда с островом Науру и его жителями? Конечно, они могли бы покинуть

съеденный остров и переселиться в Австралию. В конце концов, в «Науру Хаус» места для всех хватит. Но судьба изгнанников — пусть даже добровольных — науруанцев не устраивает.

Остаться на острове? Но чем заниматься? Многие молодые люди получили образование: среди них филологи, юристы, один антрополог. При всем уважении к этим наукам приходится признать, что нация, ., состоящая исключительно из гуманитариев, вряд ли могла бы просуществовать.

Президент острова Бернард Довийого попытался решить проблему.

...Вот уже три года, как трюмы судов, идущих на Науру, заполнены землей. Первосортным черноземом* купленным на деньги, полученные от продажи фосфата. Землю эту, аккуратно запакованную в пластиковые мешки, складывают про запас. Потом ее уложат на коралловое основание. Фосфат для удобрения приходится покупать в Австралии. Проще, наверное, было бы оставлять его на месте, но договор на вывоз нарушать нельзя.

Приглашенные агрономы составляют план сельскохозяйственного будущего Науру. Тем временем трое молодых науруанцев отправились на Новую Зеландиро обучаться фермерским наукам. Энтузиастов провожали всем островом, как героев. Появились даже проекты — если окажется возможным овцеводство — закупки целых лугов и пастбищ. Есть и другая точка зрения — возвратиться к образу жизни предков: разводить кокосовую пальму, ловить рыбу. Еще несколько энтузиастов отправились на Самоа: поучиться тому, что когда-то умели предки, там.

Ковши экскаваторов все глубже и глубже вгрызаются в фосфатную землю Науру. Все больше обнажается коралловый скелет острова. Фосфатная компания доедает Науру.

А на узком жилом пляже продолжаются дискуссии: завозить ли из-за моря батраков на грядущие поля? Или научиться самим пахать землю? Закупать трактора сразу или подождать развития техники и приобрести самые последние достижения ее?

И хотя многие из проектов выглядят фантастически, все сходятся на одном: ни в коем случае не покидать Науру.

Съеденный остров намерен вернуться к жизни...

Л. ОЛЬГИН

Стан Ермака на пути в Сибирь (рисунок из летописи).

О. БАДЕР,
доктор исторических наук

ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА

Упругий, упорный ветер пузырем раздувает гимнастерку и рвет с головы пилотку — спутницу недавних фронтовых дней. Но здесь, на вершине Медведь-Камня, свистит только ветер, не надо пригибать голову, можно спокойно смотреть вдаль и думать, впитывать впечатления нового, еще незнакомого края. И даже... строить планы на будущее.

На вершине, густо заросшей соснами, не так легко найти точку с хорошим обзором. Внизу блестит и уносит свои воды лента Тагила, на востоке лесистые холмы сливаются в синюю манящую даль.

...Почти четыреста лет назад здесь стоял атаман Ермак. Трудные сборы в строгановских городках давно миновали: остался позади путь от Нижне-Чусовских городков вверх по Чусовой, неудачная попытка пройти по Утке, путь по Серебрянке, зимовка в устье Кокуя, тяжкий волок на Баранчу, где пришлось бросить многие лодьи. Немало дружинников устрашилось и ушло назад, вольничать в знакомых краях. Но те, что остались, — верные люди, с ними можно смело испытывать судьбу... Все преодолела несгибаемая воля атамана. И вот сейчас внизу, на берегу Тагила, стучат топоры, и люди копошатся вокруг белеющих стругов. Скоро снова в опасный путь, туда, на восход, в открывающуюся перед ними Сибирь.!.

...На Медведь-Камень меня привели слухи о расположенном здесь Ермаковом городище. Говорили о нем и в Нижнем Тагиле, и в соседнем селе Лая. Сведения эти оказались очень старыми, я нашел их и в литературе, начиная с книг XVIII века: академика П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» и «История Сибири» Г. Ф. Миллера.

И передо мной, как перед археологом, возникла заманчивая перспектива: найти и раскопать Ермаково городище у Медведь-Камня; найти и раскопать городок в устье Кокуя — место зимовки Ермака; обследовать современные

*

ему укрепленные городки — фактории Строгановых на Чусовой, Сылве и Каме; проследить с лопатой в руках путь Ермака за Уралом, вплоть до Искера и Чувашевой горы. Надежды на открытие новых письменных документов о походе Ермака почти нет. Слово за археологами. Увлекательная задача! Ее невозможно выполнить одному, на эту работу нужны годы труда целой группы людей. Но к ее выполнению можно привлечь не только археологов, но и любителей-краеведов, нужно только зажечь людей, правильно организовать работу и запастись настойчивостью и . терпением. Собрать археологический материал по знаменитому походу Ермака значило осветить с совершенно новой стороны крупное событие русской истории, открывающее многовековую летопись освоения необъятной Сибири.

Вот какие мысли возникли у меня весенним днем 1942 года при первом посещении Медведь-Камня на реке Тагиле.

Многие годы затем задуманное дело шло медленно, но и на месте не стояло.

Доцент Пермского университета В. А. Оборин еще в 50-х годах, до наполнения Пермского водохранилища, несколько лет подряд вел раскопки Орла-городка, или Кергедана, на Каме, основанного промышленниками Строгановыми в 1564 году. Раскопками выявлена картина окраинного укрепленного города Московского государства XVI—XVII веков, в то время главного центра русского Прикамья. Обследованы также Ермаково городище близ Кунгура, Сылвенский городок и Нижние Чусовские городки, откуда Ермак начинал свой поход. О каждой из этих раскопок можно рассказать немало интересного.

В 1963 году тагильский археолог А. И. Россадович обследовала, как она считает, остатки Ермакова городка, расположенного на берегу реки Серебрянки, близ впадения в нее ручья Кокуя. Здесь, по некоторым данным, Ермак провел первую зимовку.

Вполне определенных результатов добились мы и на Ермаковом городище у Медведь-Камня, на реке Тагиле.

Летописи говорят, что, перезимовав на Кокуе, только весной 1580 года, 1 мая, Ермак начал переправлять весь свой груз сухопутьем на реку Баранчу вместе с легкими судами, но судов не осилил и бросил их на волоке. Поэтому, выйдя на Баранчу, дружина построила там легкие плоты и спустилась на них к реке Тагилу. Историк Миллер пишет: «На этой реке строили опять струги, из-за чего пробыли там несколько недель; это место также получило название Ермакова городища, потому что из предосторожности Ермак приказал и это место некоторым образом укрепить».

Об этом поется и в старинной народной песне, сочиненной, как думают, еще современниками Ермака:

...Поплыли по этой
Баранче-реке —
И скоро они выплыли
на Тагил-реку.
У этого Медведя-Камня,
У Магницкой горы „ _
становилися.
А на другой стороне
у них было плотбище:
Делали большие коломенки,
Чтобы можно совсем
убратися.
Жили они тут до дни
Троицина.

Академик П. С. Паллас видел и описал остатки этого укрепления в 1770 году, однако очень бегло, «в светлую изрядную ночь». И за 200 лет о самом городище забыли настолько, что даже местоположение его стало неизвестным.

В результате трехлетних поисков мне все же удалось в 40-х годах обнаружить это Ермаково городище. Оно находилось на правом берегу Тагила, на неожиданно низком месте, и было обнесено окопом, приспособленным для пищального, ружейного, боя. Позднее тагильские археологи Н. П. Кипарисова и А. И. Россадович обнаружили здесь фундаменты изб, построенных, видимо, уже в XVII веке, глиняную посуду XVI и XVII веков, железные наконечники стрел, формочку для литья пуль, железный меч. Установлено, что после ухода дружины укрепление не было заброшено, в нем жили русские и в XVII веке. Через него в 1584 году прошел путь и вспомогательного отряда воеводы Семена Волховского, посланного Иваном Грозным на помощь Ермаку.

Выявление новых фактов, касающихся похода Ермака через Урал, и первых шагов, сделанных в XVI веке по освоению Сибири, открывает перед историками-археологами широкие перспективы изучения памятников заселения русскими необъятной Сибири.

И вот 12 мая этого года группа под руководством научного сотрудника археологической лаборатории Уральского университета Ю. Б. Серикова начала обследование наиболее трудной, таежной части маршрута Ермака и волока между реками Серебрянка и Баранча.

И... первая неожиданность.

Из письма Ю. Серикова «со товарищи»: «Маршрут оказался предельно сложным. В тайге сплошные буреломные завалы, а пойма вся заросла тальником. Производить хоть какую-нибудь серьезную шурфовку нашими малыми силами оказалось невозможным — это «съело» бы все время, а намеченный маршрут хотелось пройти весь.

Вынуждены сообщить — увы, Ермакова городища на Серебрянке у впадения Кокуя, следы которого обнаружены были А.. Россадович в 1963 году, мы не нашли. Определили лишь место, где, видимо,' выплавляли железо, но к Ермаку эта находка не имеет отношения. Дальнейшие планы — спуститься по Баранче до Медведь-Камня. Этот отрезок считаем очень перспективным...»

Итак, экспедиция началась. Ее цель — пройти весь путь дружины Ермака от Камы до Иртыша— Чусовую, Серебрянку, Баранчу, Тагил, Туру, Тобол, пешком и в лодках, с упором на обследование уже известных памятников и на поиски в пунктах, упоминаемых в летописных источниках как места остановок и сражений дружины; отыскать остатки городка Чимгитура, Тархан-городок, Бабасановы юрты, Карачин-городок, Чандырский и Табаринский городки на Тавде; обследовать дополнительно городище Искер — резиденцию хана Кучума, и попытаться добыть раскопками новый материал, характеризующий оснащение русской дружины, культуру и быт ее современников. За выполнение этой задачи согласились взяться пермские археологи под руководством В. А. Оборина, тагильские археологи под руководством Ю. Б. Серикова и А. И. Россадович, археологи Свердловска. И смысл этой экспедиции мне видится не только в добывании новых конкретных фактов, непосредственно связанных с походом Ермака. «Все это чрезвычайно важно **и** своевременно,— писал мне академик А. П. Окладников. — Именно сейчас, в эпоху небывалого по масштабам освоения Сибири, мы обязаны помнить, что шел русский народ в дикую Сибирь «поднимать пашню государеву» и искать волю. Это один из наиболее мощных этапов нашей истории».

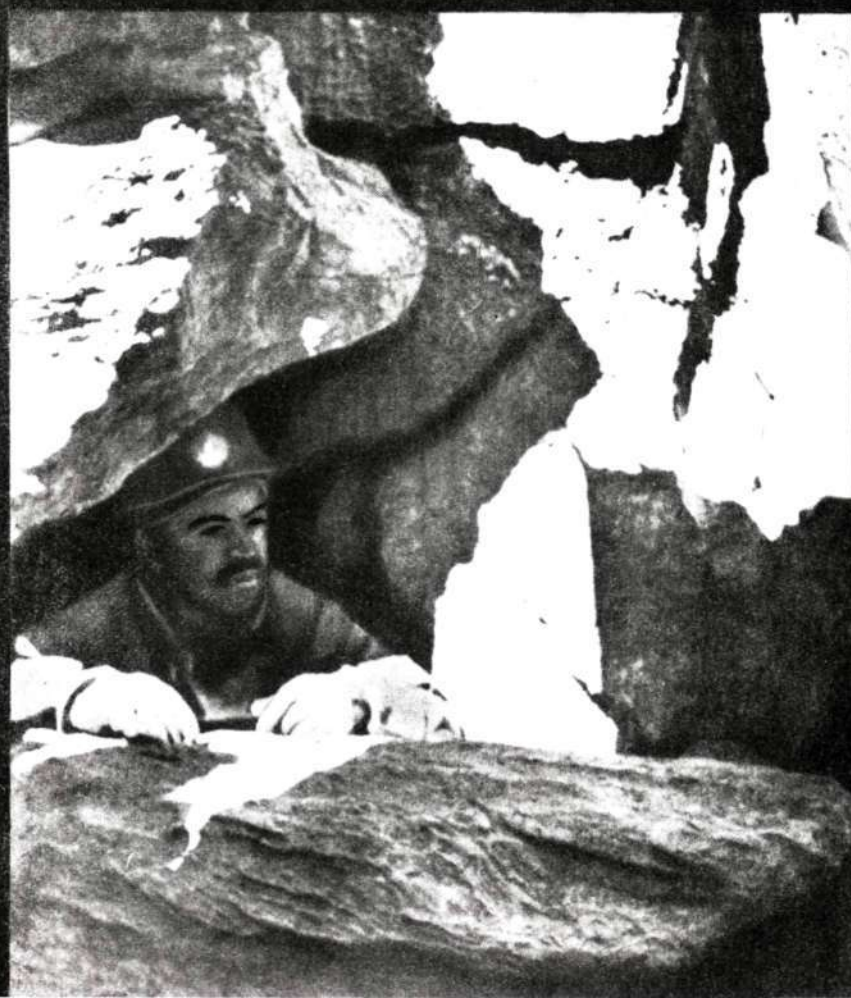
От редакции: Этой публикацией редакция «Вокруг света» открывает серию материалов, посвященных истории освоения русским народом Сибири.

Есть и у пропасти дно!

В прошлом году впервые в истории советской спелеологии преодолен километровый рубеж по спуску в природные пещеры. О прохождении и исследовании пропасти Киевской, которая стала теперь глубочайшей в нашей стране, на Азиатском континенте и четвертой по глубине в мире, рассказывают киевские спелеологи.

А. КЛИМЧУК, А. ЛОМАЕВ
Фото В. РОГОЖНИКОВА

...Мы сидим в палатке под землей, на глубине около 800 метров. Мы — это киевляне Александр Резников, Валерий Рогожников, Тамара Крапивникова, Александр Климчук и спелеологи из Томска — Вячеслав Чуйков и Павел Бозриков. Штурмовая и научная группы. В палатке уютно гудит примус, довольно тепло, и от насквозь мокрых шерстяных свитеров валит пар. Ужасно хочется спать, но надо еще приготовить пищу. Страшная усталость и нервное напряжение после почти сорока часов тяжелейшей работы не дают в полной мере ощутить радость достигнутого: мы перешагнули километровый рубеж — опустились до глубины 1020 метров... Предполагали после отдыха в лагере-800 продолжить штурм пещеры. Но когда стали подниматься в лагерь, один из членов штурмовой группы потерял сознание от переохлаждения. Вода — наш главный враг — отбирает последние остатки сил и тепла...



Вода в шахте везде. Уже на первых метрах пропасти — мокрые стены, лужи. Примерно на глубине 100 метров отдельные ручейки сливаются в постоянный ручей. На колодцах — вертикальных обрывах — он ниспадает обильным «освежающим» душем (температура воды 3—4°). С глубиной поток становится мощней, и в нижних частях пропасти душ превращается в водопады. И горе тому, у кого разодран гидрокостюм об острые выступы стен. На первом же колодце под водопадом вся шерстяная одежда вымокнет под резиной до нитки, а десяток-другой часов пребывания в мокрой одежде при температуре не выше 5°

могут привести человека в тяжелое состояние. Хорошо еще, что в шахте Киевской нам не грозит одна из основных опасностей обводненных пещер — опасность внезапного повышения уровня вод, вызванного ливневыми осадками на поверхности. Над Кырктау в это время года можно месяц не увидеть даже маленькой тучки...

Чтобы спасти товарища, нам нужно поскорее обогреть его и накормить. А до лагеря-800 еще почти сто пятьдесят метров подъема по вертикальным колодцам, наклонным ходам с узкими щелями и потоком, образующим водопады и беспрерывные цепочки озер. С каждым часом все труднее становится поддерживать жизнедеятельность переохлажденного организма...

И вот наконец *мы* в лагере-800. Ощущаем огромное блаженство от тепла и от того, что осточертевшие гидрокостюмы и каски, облепленные грязью, остались за палаткой. Рассказываем нашему пострадавшему, который уже пришел в себя, подробности спасательных работ. Откуда-то сверху доносится затихающее в шуме потока пощелкивание захватов — это врач экспедиции Валерий Роэбицкий и Александр Таширев уходят ночевать «на этаж выше», в лагерь-700. Когда по связи наверх пошло сообщение о ЧП, они спешно примчались из лагеря-400, где находились в это время, чтобы помочь нести пострадавшего.

Тихо шипит примус, Чуйков пытается связаться по телефону с базовым лагерем, остальные, разомлев, засыпают. Но еда уже готова, расталкиваем заснувших. С трудом открывает глаза Тамара и молча выслушивает наши поздравления — она стала первой женщиной в СССР, покорившей такую глубину, и, наверное, надолго единственной.

Проснувшись часов через пятнадцать, *мы* поняли, что на вчерашнее ЧП потеряно слишком много времени и сил и что повторный выход для достижения дна пещеры придется отложить. Дна пропасти мы так и не увидели...

Да имеет ли она вообще дно, эта невиданная пропасть на плато Кырктау? Уже многие годы исследований не приносят конечного результата...

В конце пятидесятых годов профессор Московского университета Н. А. Гвоздецкий опубликовал ряд статей, в которых описал некоторые карстовые районы Средней Азии, в том числе и карстовое плато Кырктау, расположенное в западной части Зеравшанского хребта. Эти статьи привлекли внимание одного из «старейшин» киевской спелеологии, Валерия Рогожникова. Возникла мысль: почему бы на том же плато Кырктау не попытаться поискать вертикальные карстовые полости? Ведь отмечает же профессор Гвоздецкий широкое развитие здесь поверхностных карстовых форм, подчеркивая схожесть Кырктау с Крымской Яйлой; а Крым, как известно, является одним из главнейших спелеологических районов страны. К тому же в горах Средней Азии пласты растворимых» пород, подверженных карсту, очень мощные и глубоко рассечены эрозией. Так что детальная разведка глубинного карста может оказаться небезрезультатной.

В августе 1972 года, после предварительной разведки, киевляне снова прибыли в Самарканд. Экспедиция окончательно убедила в спелеологической перспективности района. Каждый рабочий день в папку начальника съемочных работ ложились планы, разрезы и описания двух-трех новых колодцев и шахт. Появились шахты глубже 100 метров (до этого глубочайшей природной пещерой Средней Азии считалась шахта Комсомольская, глубина 82 метра) и, наконец, Киевская.

Открыли эту пещеру весьма буднично. Шла обычная разведка в западной части плато. Два спелеолога— Климчук и Висневский— осматривали воронки, расположенные в южной части обширной котловины. Сначала «урожай» был мизерным — несколько неглубоких колодцев. Очередная воронка на первый взгляд выглядела «пустой» — открытого входа в полость не было видно. Но между глыб на дне воронки виднелись небольшие щели; надо осмотреть — опыт спелеологических разведок показывает, что нельзя пренебрегать любыми мелочами. Брошенные в щели камни дают ответ: быстрый дробный перестук — наклонный вход; затем несколько, с перерывом в две-три секунды, сильных ударов — это уже вертикальные обрывы-колодцы. Полчаса работы — и щель расширена настолько, что в нее можно проникнуть. Все правильно, идет небольшой наклонный ход, и он действительно оканчивается колодцем. Похоже, шахта не из маленьких...

В экспедиции 1972 года шахта была пройдена до глубины 270 метров. К очередному колодцу пропасти мы уже подходили, зная, что в этом году в него не спустимся — кончилось снаряжение: веревки, лестницы.

Год 1973-й, август. Теперь у нас 'больше снаряжения, создан подземный лагерь, подготовлена телефонная связь, И вот штурмовая пятерка уходит в шахту...

На исходе вторых суток пребывания под землей спелеологи, опустившись на глубину около 520 метров, наткнулись на завал из крупных глыб в одном из узких наклонных ходов. Мы, конечно, понимали, что, даже не будь этого завала, вряд ли удалось бы сейчас продвинуться дальше: снова подходило к концу снаряжение, да и требовался другой тактический план штурма (подземный лагерь был установлен на глубине 270 метров, и штурмовая группа уже слишком отрывалась от него). Тем не менее *мы* ощущали какую-то неудовлетворенность: неужели это конец и дальше пещера непроходима?

Год 1975-й, август. Двое суток работали вспомогательные группы, навешивая снаряжение в верхней половине шахты, проводя связь, доставляя вниз оборудование подземного базового лагеря. 11 августа под землю вышла штурмовая группа, та же, что и в 1973 году, — Валерий Рогожников, Тамара Крапивникова и три Александра — Хапов, Резников и Климчук.

Установив лагерь в большом зале на глубине почти 400 метров, группа осуществила два выхода. Сначала спелеологи детально обследовали завал на 520-м метре и действительно обнаружили обход. Затем провели штурм нового участка. На глубине около 600 метров прошли очередной стометровый колодец (высота тридцатиэтажного дома); однако большой зал на дне колодца оказался на этот раз последним. Дальше путь преградил новый завал, а щель у его основания, куда уходил пещерный поток, была непроходимо узка...

На этот раз мы покидали шахту, имея под ногами глубину уже более 700 метров, но уверенные, что последние метры еще не пройдены...

Наконец-то *мы* опять на плато. Постепенно утихает напряженное состояние, вызванное сумасшедшим ритмом предотъездных дней. В Самарканде произошла наконец встреча с томскими спелеологами. Киевляне и томичи должны осуществить первый этап

Экспедиция уходит в поиск

Всесоюзной спелеологической экспедиции «Кырктау-76». Но сначала надо перевезти все снаряжение и оборудование экспедиции из Самарканда в районный центр Ургут, расположенный у подножия хребта Чакылкалян, и далее, на базу геологов, которая прилепилась на крутом северном обрыве хребта. Машины дальше не идут, еще метров на двести вверх наши грузы тащили мощные тракторы геологов. А дальше... До лагеря экспедиции (высота почти 2400 метров) осталось около двенадцати километров — по плато Кырктау, через два перевала. Каждому участнику пришлось проделать этот путь трижды. Когда/ обливаясь потом, под палящим солнцем, идешь вверх по крутой ишачьей тропе в третий раз, с грузом около сорока килограммов, невольно с уважением думаешь о современной технике (например, вертолете), с помощью которого можно было бы за два-три часа справиться с этим делом, не выматывая на первом же этапе четыре десятка человек.

Но вот, наконец, последний участник последнего перехода показался в «воротах» — проходе между Скал, ведущем в обширную котловину, где расположился лагерь экспедиции. Закончена установка палаток, оборудованы кухня, погреб — в одном из небольших колодцев со снежником. На торжественной линейке на~чальник экспедиции, томский радиофизик Вячеслав Чуйков, поднимает флаг.

Под землю уходит первая группа. Над воронкой натянут большой тент, который, создавая тень, немного облегчает муки облачения в гидрокостюмы на сорокаградусной жаре. Но каждый из уходящих под землю прекрасно знает, что в сырой, холодной шахте не будет ничего приятнее воспоминаний о жарком солнце.

Узкая крутонаклонная щель приводит к первому колодцу. Прикрепившись к веревке, быстро скользишь вниз, отталкиваясь от стенки ногами. Не прошло и минуты — ты уже на десятки метров ниже, на небольшой площадке. Через несколько шагов — снова многометровый вертикальный колодец. Особое чувство испытываешь, когда стоишь у края такой пропасти — колодца, уходящего в неведомую глубину, разглядывая при свете фонарей контуры свода...

Шахта Киевская поражает разнообразием, контрастностью и масштабами: каскадные участки (сочетание колодцев и площадок) чередуются с наклонно-уступчатыми. Это длинные извилистые щелеобразные ходы шириной около метра. Пол у них наклонный с уступами-ступеньками высотой обычно до метра. В таких ходах приходится иногда преодолевать узкие «окошки», проходимые, как говорят спелеологи, «на выдохе». Встречаются и участки, где ход имеет ширину, доступную для человека только на высоте нескольких метров над полом.

Ходы-«шкуродеры» сменяются обширными залами. Они поражают великолепием. Даже обычные капли воды на своде и выступах под лучом фонаря блистают как бриллианты... Цветы из кристаллов кальцита, сталактиты, сталагмиты, натеки да стенах, окрашенные в черный, голубой, красный, розовый цвета — подземные красоты заставляют даже самых измученных спелеологов забыть на время об усталости, сырости и холоде.

С момента ухода в пропасть первой группы под землей ни днем, ни ночью ни на минуту не прекращалась работа. Сменив первую, ушла в пропасть вторая группа, затем третья. Они навешивали веревки в колодцах, проводили телефонную связь, забрасывали снаряжение для подземных лагерей. Когда был подготовлен путь до зала VI конгресса спелеологов (глубина почти 400 метров), в шахту вошел отряд Алексея Коржинского, которому предстояло установить первый подземный лагерь в зале VI конгресса. Базируясь в этом лагере, следующая группа должна проложить путь, до нового «плацдарма» — зала АН УССР. Это точка на глубине 700 метров, где в 1975 году спелеологи остановились перед завалом.

«Лагерь-700 на проводе!» — сообщение дежурных на пункте связи заставляет собраться вокруг палатки с телефонами почти всех находящихся на поверхности людей. Так же нетерпеливо прислушивается к телефону и научная группа, которая сутки назад ушла под землю и сейчас находится в лагере-400. Геологи Валерий Рогожников, Александр Стотланд и Александр Климчук проводят геологическую съемку, отбирают пробы породы и воды, ведут наблюдения за микроклиматом шахты. Ниже, на новом, еще не открытом участке пропасти Рогожникову и Климчуку предстоит топографическая съемка. Только вот будет ли новый участок? Этот вопрос волнует всех особенно остро с тех пор, как группа семисотников спустилась в почти стометровый колодец зала АН УССР. Они должны детально обследовать завал в самом уязвимом месте и, если это возможно, преодолеть его. Лагерь тут пришлось оборудовать в тесной нише. Рядом большой и просторный зал, но обосноваться там нельзя — время от времени сверху с грохотом падают глыбы известняка, оставляя глубокие шрамы в натечной коре на полу зала.

— Абрамов, не томи, что там у вас? — теребят начальника лагеря-700.

— Разбили щель в основании завала, куда уходила вода, за ней — ход. Есть продолжение! Ложимся спать, «утром» разведаем, найдём место для следующего лагеря.

— Штурмовики, можете спускаться, — добавляет Александр Хапов, который первым проник в щель.

Эти телефонные сообщения вызывают восторженные крики как На поверхности, так и в лагере-400, под высоченными, скрытыми во мраке сводами зала VI конгресса спелеологов. Наши надежды оправдались.

Как нам далась километровая глубина, читатель уже знает. Дно пропасти снова оказалось недосягаемым...

После этого были еще не одни сутки изнурительного подъема на поверхность. Поднять надо не только самих себя, но и сотни килограммов затащенного в шахту снаряжения, потяжелевшего от влаги и грязи. Затем спуск с гор, и вот в Самарканде участники экспедиции отмечают окончание почти месячных работ на Кырктау. Здесь же, в Самарканде, мы встретились с руководителем второго этапа Всесоюзной спелеологической экспедиции — симферопольцем Геннадием Пантюхиным. Спелеологи Крыма, Красноярска, Перми, Львова продолжили исследование в надежде достигнуть, наконец, дна этой загадочной пропасти. И вот результат нового многосуточного штурма — пройдя еще несколько колодцев за точкой, достигнутой нами, спелеологи спустились к большому озеру на глубине 1082 метра. Надводного пути дальше нет.

Итак, глубочайшая в Советском Союзе природная пропасть Киевская стала глубочайшей полостью на Азиатском континенте и заняла четвертое место в мире после

трех французских тысячников: Пьер-СенчМартен—1322 метра, Гуффр-Жан-Бернар — 1298 метров, Берже — 1141 метр. Работами киевских спелеологов на плато Кырктау в предыдущие годы открыто и исследовано более 60 вертикальных пещер, среди которых немало глубоких. Некоторые из них очень перспективны для дальнейшего прохождения. Все это ставит плато Кырктау в ряд главнейших спелеологических районов страны и, несомненно, привлечет внимание к такому малоизученному, но перспективному в спелеологическом отношении району, как горы Средней Азии.

Уже сейчас можно говорить и о практическом значении изучения карстовых шахт плато Кырктау. Крупные источники, выходящие по склонам плато в долине Кашкадарьи и на севере, очень важны в хозяйственном отношении. Это придает особую значимость изучению условий формирования подземных вод в карстовых полостях и путей водотоков, что имеет большое значение для прогнозирования запасов подземных вод в районе.

Кроме того, карстовые шахты такой глубины дают возможность проследить и изучить более чем километровый непрерывный разрез массива. Это в значительной степени уточнит имеющиеся данные о геологическом строении района, что, несомненно, представит большой интерес для -поисков полезных ископаемых.

В горах Средней Азии спелеологами будет сделано еще немало открытий...

В этом году исследование шахты Киевской продолжается.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

Э. ДМИТРИЕВ
Фото автора и Т. СТЕПАНЦЕВОЙ

СКАЗКА КАРЛЮКА

В Туркмении, в 60 километрах к северо-западу от города Термеза, находятся еще не очень известные Карлюкские пещеры. Их много. Галереями уходят они в горный массив южной оконечности хребта Куги-Танг.

Склоны гор усеяны воронками и провалами. В узких каньонах когда-то шумели потоки, но изменился климат, исчезла вода, и лишь воронки и подземные галереи говорят о ее былой мощи. Пещеры образовались в различных породах: в известняках, гипсах, соли, обычной поваренной и калийной, которая залегает здесь в виде мощного пласта.

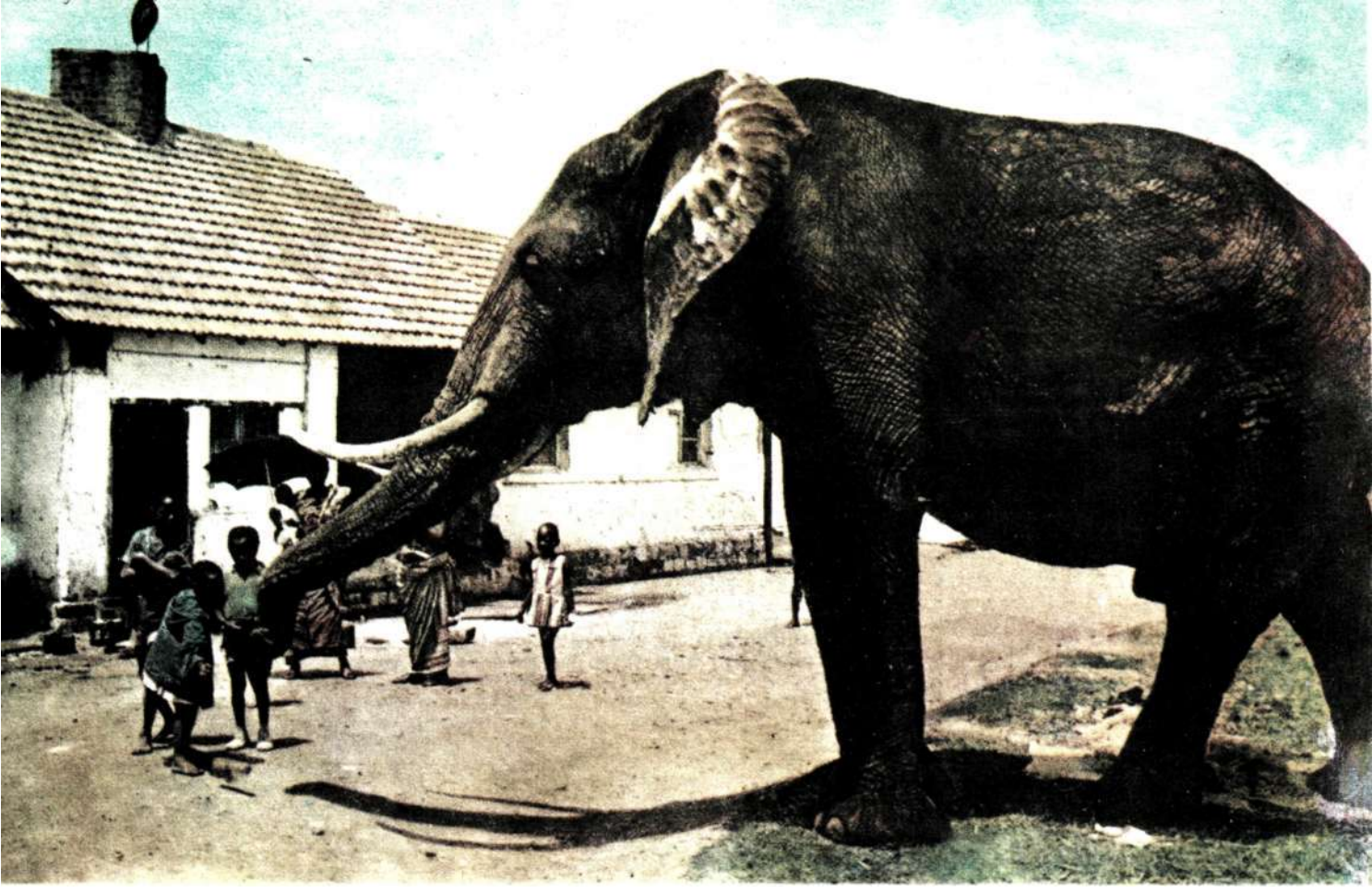
Всего в районе известно десять крупных и множество мелких пещер Наиболее интересные из них — пещеры Кап-Котан, Хошим-Ойик и Новая. В них высокая влажность и довольно постоянная температура — около 20°С.

Пещера Кап-Котан (в переводе с туркменского — «Большой загон») начинается широким входом под нависшим козырьком известняка. Многие века человек загонял сюда свой скот, спасаясь от непогоды, Длинный спуск приводит в главную шестикилометровую галерею. Недалеко от начала гале-

реи вправо идет незаметное ответвление. Пробравшись по нему, можно попасть в Озерный зал. Вход в зал задрапирован каменным разноцветным занавесом, мягкими складками свисающим с потолка. Даже не верится, что это не бархат, а камень, хочется отодвинуть складку драпировки. Стены зала покрыты натеками, подушками, сосульками оникса, он переливается всеми цветами радуги в свете фонаря. Посредине зала — небольшое озеро с оранжевыми берегами. Это выкристаллизовался оранжевый от примесей гидроокислов железа гипс. Галерея ведет дальше в глубь горы, зал сменяется залом. Самые красивые—дальние залы: Музыкальный, Органный, Готический.

Пещера Хошим-Ойик — гипсовая. Только в начале ее на стенах и иолу заметны ониксовые наплывы, но зато какой это оникс! Медового цвета, прозрачный, с белыми и розовыми полосами. А дальше, после узкого прохода, открываются огромные залы с каменным лесом сталагмитов. Они напоминают стволы деревьев без сучьев, со срубленными вершинами. Сталагмитовые столбы полые внутри: вода вымыла из них сердцевину. Стены покрыты тончайшими кружевами и иголочками белоснежного гипса. С потолка свисают иногда огромные гипсовые друзы. Здесь нет галереи, как в пещере Кап-Котан. Здесь — лабиринт ходов, залов, переходов, ответвлений. Вдруг в свете фонарика мелькнул силуэт огромного животного: толстые ноги, массивное туловище, вросшее в потолок. Эта группа сталактитов так и называется — «Слон». А дальше знаменитый «Крест», и все это из белого гипса...

Природе понадобилось много тысячелетий, чтобы возвести эти подземные дворцы. Человек имеет право любоваться ими, но их нужно и беречь. А пока что единственная защита пещер от человека — это их удаленность от крупных населенных пунктов. Однако с каждым годом желающих попасть в Карлюкские пещеры становится все больше. Многие стремятся унести с собой «на память» каменную сосульку, гипсовый цветок, прозрачную друзу, и не всякий понимает, что это богатство легко разрушить, но оно уже никогда не восстановится.



Профессор БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

ТАМ, ГДЕ УЧАТСЯ СЛОНЫ

Майору Картеру было поручено привезти в Африку индийских рабочих слонов, с тем чтобы они там прижились. В 1879 году Картер действительно доставил четырех индийских слонов на корабле в Дар-эс-Салам и направился с ними пешком к озеру Танганьика. Три слона погибли по дороге; четвертый прожил всего несколько дней по прибытии в пункт назначения. Самого Картера смерть настигла на обратном пути к побережью, так что он даже не успел никому передать свой опыт по обращению с рабочими слонами.

Древние африканцы в отличие от азиатов никогда не приручали собственных диких слонов, а использовали привозных. Александр Македонский во время походов в Азию увидел в войсках Дария индийских слонов и привез их с собою в Египет, где они прижились. С помощью этих слонов удалось приручить слонов африканских из близких мест. Таким образом в Египте, а затем и в Карфагене появились тысячи рабочих слонов из Ливии и Нумидии.

Спустя двадцать лет после неудавшегося опыта с перевозкой слонов из Индии бельгийский король дал аналогичное поручение капитану Лаплуме. Возле слияния рек Бомоканди и Уэле капитан приказал вырыть сотни рвов-ловушек по образцу тех, которые роют в Южной Индии. Однако результаты оказались плачевными: в ловушки попалось всего два слона, да и те погибли по дороге.

Тем не менее капитан Лаплуме не сдавался. Он распорядился выстроить огромный загон из жердей по бирманскому образцу и загнал туда слониху со слоненком. Но укротить слониху оказалось совершенно невозможным, и пришлось отпустить ее на волю. А поскольку она снова и снова возвращалась назад, чтобы помочь освободиться своему детенышу, ее пристрелили. Осиротевший слоненок перестал принимать пищу. Попытка с другой такой парой окончилась столь же неудачно.

Тогда Лаплуме был вынужден перейти к более жестокому способу: слониx сразу отстреливали,а детенышей связывали и притаскивали в вольеры. Таким способом только в 1910 году отловили 35 молодых слонов.

В 1914 году разразилась первая мировая война, и капитан Лаплуме в составе конголезского корпуса переправился в Европу. В том же году он был взят в плен при Намюре. Пока Лаплуме сидел в немецком плену, созданная им станция по приручению слонов почти развалилась. Однако король Альберт настаивал на том, чтобы ее сохранить. Он даже был готов взять все необходимые расходы на свой счет.

Лаплуме вернулся в 1918 году и вновь возглавил станцию. По его

просьбе в 1919 году на конголезскую станцию прислали индийских погонщиков, имевших большой опыт приручения слонов.

Первое время индийцы не понимали африканцев, а те, в свою очередь, их. Кроме того, как теперь рассказывают, из-за дикого нрава африканских слонов ни один индиец не решался сесть на них верхом. Тем не менее за свое короткое пребывание они сумели передать работникам станции многое из своих традиций. Именно благодаря индийцам станция работает и ныне столь успешно. Недаром африканские погонщики называют себя индийским словом «корнаки» и еще сейчас, много десятков лет спустя, поют индийские песни. Индийцы научили африканцев плести прочные канаты и — главное — тому, как именно следует приручать слонов, чтобы они полностью и беспрекословно подчинялись человеку. К 1925 году Лаплуме добился успеха. На станции работало два десятка животных, их запрягали в повозки, на них пахали, они переносили тяжести.

Но тут возникли новые трудности. Вокруг Апи, места, где была расположена станция, практически не осталось диких слонов: частью они были истреблены, частью отловлены. Отрядам, направлявшимся на ловлю, приходилось уходить более чем на 100 километров, чтобы найти слонов.

Тогда лейтенант Офферман, работавший с 1925 года у капитана ассистентом, разыскал подходящее место в 500 километрах от станции, в верховьях реки Уэле, и основал там, на берегу реки Дунгу, филиал станции «Гангала-на-Бодио». Семь лет спустя прежнюю станцию ликвидировали и целиком перебазировались на новую.

Теперь наконец все трудности были позади: слонов научились ловить, приручать и дрессировать. И надо же так случиться, что именно в это время, в тридцатые годы, смысл всех долголетних трудов свелся почти к нулю: появились грузовики и тракторы, по сравнению с которыми слоны, безусловно, проигрывали...

Работоспособность слонов сравнительно невелика. Пара слонов еле тянет двухтонную повозку, нагруженную поклажей весом в четыре тонны, — груз, не превышающий веса самих животных. При этом в день они могут пройти не больше двадцати километров со скоростью четыре километра в час. Работать им можно только по пять дней в неделю; вспахивают они за четыре часа две трети гектара на глубину в двенадцать сантиметров, а на спине могут нести от трехсот до четырехсот килограммов. Каждые десять минут слонам следует давать передохнуть, угощая их при этом охапкой листьев. Так, во всяком случае, гласило руководство, выпущенное станцией специально для фермеров, берущих рабочих слонов напрокат для различных сельскохозяйственных работ. Я думаю, однако, что показатели работоспособности слонов были нарочно занижены, потому что фермеры поначалу слишком много от них требовали. А это приводило к большому проценту потерь среди животных, с таким трудом прирученных и обученных.

Комендант рассказывал мне, между прочим, что его собственные рабочие слоны без особых усилий везут по девять тонн поклажи на одной телеге. Но неважно, больше или меньше груза повезет слон, все равно с грузовиками и тракторами ему не тягаться![1]

На станцию по приручению слонов, основанную Офферманом, мы и направлялись!

Следуя дорожному указателю, наш грузовичок свернул с основной магистрали на узкую ухабистую боковую дорожку. Через пять километров слева и справа от дороги перед нами возникли два столба, увенчанные черепами буйвол волов. Мы повернули в зеленую аллею и доехали по ней до пропускного пункта со шлагбаумом. Солдат в форме цвета хаки отдал честь и протянул нам книгу, в которой посетителей просили написать свою фамилию и цель приезда.

На другое утро ровно в семь нас разбудил горн. Все корнаки выстроились во дворе. Толстый фельдфебель, босиком, в лихо заломленной пилотке, проверяет пуговицы, карманы, головные уборы солдат, а затем рапортует офицеру.

В лесу было три группы ловцов. Мы подъехали к той, которая сообщила, что обнаружила стадо диких слонов голов в двадцать.

Корнаки оказались рослыми, мускулистыми, веселыми и храбрыми парнями из племени азанде. Они гордо называют себя «басолдо на-мбонго», что означает «солдаты по слонам».

Когда мы стали приближаться к стаду слонов, корнаки сняли свои рубашки и остались в одних серых шортах; на глазах менялся весь их облик — они превратились в настоящих азанде, воинов, какими были их предки.

Растянувшись цепочкой, мы полукругом, тихо, с подветренной стороны приближались к ничего не подозревающим животным. Слоны стояли в высокой траве, обламывали ветки с кустов и медленно их жевали. Командир поднял руку — все остановились в ожидании, не сводя с него глаз. Резко опустив левую руку, он одновременно выстрелил несколько раз из пистолета в воздух. Сейчас же последовал ружейный залп, корнаки подняли невероятный крик (и мы тоже) и начали бить палками по кустам. Испуганные слоны бросились наутек.

Азанде помчались вслед за слонами с немыслимой быстротой. Известно, что слоны не в состоянии долго бежать: начальной скорости в тридцать километров в час хватает метров на сто, потом они резко сбавляют темп и дальше бегут трусцой. Слонята начали понемногу отставать от взрослых, и преследователи занялись исключительно ими. Самый быстроногий из азанде припустился за одним из отставших слонят. Он ухватил его за хвост и ловким движением набросил канатную петлю на его левую заднюю ногу. Держась за конец каната, солдат повис на нем всей тяжестью. Силы слоненка при этом, разумеется, быстро иссякали. Другой азанде подскочил к пойманному животному спереди и толкнул изо всей силы. Слоненок тотчас же бросился на обидчика, оттопырив уши и подняв для удара хобот. И тут первый ловец стремительно замотал конец каната вокруг дерева. Подоспели еще три-четыре корнака. Изловчившись, они набросили на слоненка вторую петлю, конец которой закрепили вокруг другого дерева.

Когда маленький слон привязан к дереву, это еще не все. Если ему посчастливится разорвать свои путы — тогда он спасен. Корнаки не будут его догонять вторично — к этому моменту они уже слишком вымотаны. И даже если взбешенное, рвущееся во все стороны маленькое существо остается накрепко привязанным к стволу, это еще не означает, что его доставят целым и невредимым в лагерь. Прежде погибала половина таких пленников, теперь только десятая часть. В этом заслуга прирученных, выдрессированных слонов-мониторов.

[1] События последних лет показали, что играть слонам отходную рано. В условиях, когда африканским странам слишком дорого завозить достаточное количество сельскохозяйственных машин, когда резко вздорожало топливо, использование традиционных животных оказалось более надежным. *(Прим. ред.)*

Два взрослых слона, на спинах которых сидят корнаки, становятся справа и слева от бушующего «дикаря». Тот понемногу успокаивается и начинает осторожно ощупывать сородичей своим маленьким хоботом. Конец петли, накинутой ему на шею, прикрепляется теперь к ремню, опоясывающему одного из мониторов. Веревка, опутывающая заднюю ногу малыша, прикрепляется ко второму взрослому слону. После этого все трое трогаются в путь — слоненок посередине. Процессия идет не спеша, с остановками для отдыха и еды, пока не доберется до лагеря. Если новичок начинает вести себя строптиво, большие слоны сдавливают его с обеих сторон, да так, что у того дух захватывает и сразу пропадает всякая охота капризничать.

Ни один из недавно отловленных слонов не провел на станции еще и двух месяцев — все сплошные «новобранцы». Живут они по двое, по трое в загонах из вкопанных в землю столбов. Построены эти загоны в прохладной тени высоких деревьев. Рано утром, в шесть часов, слоненок вместе со своим монитором, к которому он привязан длинной веревкой, отправляется на пастбище; в одиннадцать все идут купаться к реке Дунгу. Слонята еще боятся зайти поглубже в воду и топчутся возле берега, но старшие заходят на середину реки, погружаясь по самую макушку. На этот «островок» и перебираются сидящие на их спинах корнаки, но купаться не решаются — в Дунгу много крокодилов. Несколько лет назад на этом самом месте один корнак соскользнул со спины своего слона в воду и в ту же минуту был разорван крокодилами на части. Случается, что слон, если крокодил подплывает слишком близко, поддевает его бивнем и подбрасывает высоко в воздух.

После купания слонятам приносят в ведрах молоко с отваренным рисом и кукурузой. Совсем маленьких слонят удалось выращивать без матерей лишь с тех пор, как появилось порошковое молоко. Съев свой молочный завтрак, слонята обычно спят до четырех часов в загоне, а затем снова идут купаться. Вечером они получают еще молока и кучу свежих веток на ночь.

Только спустя полгода начинается их настоящее обучение. Занятия проводятся один час в день по индийскому образцу.

Делается это так. Молодого слона стреноживают и привязывают между двумя столбами, стоящими на расстоянии шести метров один от другого. Потом дергают веревку, привязанную к задним ногам, назад, а переднюю — вперед, так что слон падает на брюхо; при этом непрестанно выкрикивается команда «лежать». Слону не остается ничего другого, как повиноваться. Как только он соглашается добровольно лечь по команде, веревки ослабляют, а кроме того, еще дают в качестве награды что-нибудь особенно лакомое. После короткой передышки все повторяется сначала. Вскоре все маленькие слоны ложатся на землю по команде, тут же протягивая хобот за вознаграждением.

Затем начинается второй этап обучения — корнак пытается сесть на спину своего ученика, что поначалу встречается отчаянным сопротивлением. Затем слоненка обучают поднимать хоботом с земли различные предметы и подавать их корнаку, сидящему на его спине. Это очень важно для дальнейшей работы, потому что далеко не всегда корнак может слезть со спины слона, если уронит или захочет поднять что-то с земли.

Африканские корнаки сидят на спинах рабочих слонов не так, как индийцы. И на мой взгляд, значительно неудобнее. В Индии обычно сидят на шее слона, свесив ноги по обеим сторонам за ушами. Африканцы же усаживаются, подобрав колени, на самой верхушке спины слона и держатся за веревку, опоясывающую его мощное туловище. Поскольку спина слона не самое удобно^ место для сидения, корнаки подкладывают круглую, похожую на

тарелку подушечку, сплетенную из волокон растений. Если корнаку нужно, чтобы слон шел прямо, он обеими ногами упирается ему ,в затылок, если хочет повернуть вправо, нажимает на шею левой ногой; нажатие короткой сучковатой палкой на холку означает «стоп». Разумеется, все эти действия сопровождаются словесными командами.

Так молодой слон приучается слушаться своего наездника. Однако на всякий случай во время прогулок его еще привязывают к монитору.

Спустя восемь месяцев обучение кончено, и слон в основном приручен. Тогда на него надевают специальную сбрую, настолько тяжелую, что одному человеку ее не поднять. Как только слон привыкает ее носить на себе, к ней прикрепляют с обеих' сторон цепи; к цепям крепится бревно, и слон волочит его за собой повсюду. Бревно через некоторое время заменяют легкой повозкой, которую постепенно нагружают все более тяжелыми грузами. Приручают слонов перетаскивать тяжести и хоботом.

У станции две тысячи гектаров пастбищ — этого достаточно слонов на пятьдесят. Пастбище поделено на квадраты, где стадо прирученных слонов пасется, переходя ежедневно на новый участок, чтобы дать отрастит траве. Пока слоны кормятся травой и ветками в одном месте, корнаки на другом заготавливают свежий корм для наступающей ночи.

Прирученным слонам разрешается свободно разгуливать вокруг станции. Их стреноживают лишь в тех случаях, когда вблизи появляется стадо диких слонов. Но все же иногда прирученные слоны сбегают.

Один такой слон под номером 3 вернулся через полтора года обратно. Причем абсолютно добровольно. И по первому же требованию своего бывшего хозяина лег на землю и вообще слушался, как прежде, до побега. Другой беглец под номерам 111 жил в течение многих лет поблизости от станции и однажды заявился, ведя за собой целое стадо диких слонов. Номер 214, взрослый самец, тоже неоднократно пропадал, но неизменно возвращался назад. Последний раз Он привел с собой двух диких слонов. Убежавшие самцы возвращаются назад чаще, чем самки, потому что их не очень-то охотно принимают в чужое стадо, и они там редко приживаются.

Ночь на экваторе длится ровно полсуток. Я сплю значительно меньше и потому решил понаблюдать, как спят слоны. До сих пор мне ни разу не посчастливилось это увидеть: у нас, во Франкфуртском зоопарке, стоит только повернуть ключ в замке слоновника, как животные мгновенно вскакивают на ноги. У них удивительно чуткий сон.

Профессору Х. Хедигеру из Цюриха удалось в цирке «Книи» проследить ночью за индийскими дрессированными слонами, менее чуткими и подозрительными: они уже привыкли ко всякого рода шумам и пробегающим мимо людям. Наблюдения показали, что слоны в среднем спят не больше* двух с половиной часов, причем ложатся чаще всего после полуночи. Как только они бесшумно опустятся на землю, то сразу же засыпают, о чем можно догадаться по их глубокому дыханию. У некоторых старых слонов суставы становятся настолько негнущимися, что они не в состоянии лечь или боятся это сделать из страха больше не подняться. Эти животные дремлют стоя, стараясь зацепиться за что-нибудь хоботом. Дикие слоны в подобных случаях опираются еще и на воткнутые в землю бивни. Такой сон длится, как правило, не более пятнадцати минут. Сон слона короток, но, по-видимому, глубок.

В три часа ночи я поднялся и с карманным фонарем пошел по спящему лагерю. Небо заволбкло тучами, ночь была темная, хоть глаз выколи. Со стороны деревни раздавался барабанный бой: продолжался какой-то праздник. Когда я вчера утром встал и вышел в сад, то заметил глубокие следы: между нашим домиком и виллой коменданта ночью прошествовал бегемот. А на прошлой неделе в лагерь зашли четыре диких слона, они долго стояли около привязанных на цепь ручных и даже пытались сломать загоны, в которых содержали слонят.

Обо всем этом^ я вспомнил, пробираясь ночью по лагерю, и мне было, честно говоря, несколько жутковато. Тихо прокрался между двумя рядами привязанных на цепь рабочих слонов, стоящих головами друг к другу. Ранее мне ни разу не удавалось застичь слонов спящими на земле, теперь же двенадцать из шестнадцати спали. Ноги у всех были протянуты в одну и ту же сторону. Очень осторожно я направил на одного из животных свой фотоаппарат и щелкнул вспышкой. Слон тотчас же поднялся — едва уловимый щелчок его сразу разбудил.

Удивительно, что слонам нисколько не мешают во сне толчки и шумы, исходящие от их сородичей; малейший же посторонний шорох, непривычный для слуха, заставляет этих великанов вскакивать и настораживаться. Поразительно, с какой быстротой такая махина поднимается на ноги. Я невольно отшатнулся.

В один прекрасный день я заметил, что большинство рабочих слонов на станции, которых на ночь стреноживали цепями на другом берегу реки Эпулу, боязливо отступали, как только я или мой сын Михаэль к ним приближались. В то же время африканцам-корнакам разрешалось тро-- гать их сколько угодно, брать за хобот, проверять цепи на ногах. По отношению к ним слоны неизменно вели себя доверчиво. В чем дело?

Мне и прежде не раз приходилось задумываться над этим и ставить опыты. Лошади, например, не узнают своего хозяина «в лицо» —, их. легко обмануть простым переодеванием. Для собак же запах пальто или костюма зачастую оказывался важнее, чем человек, который засунут в эти вещи.

Поэтому и на сей раз мы с сыном решили провести эксперимент, и я попросил принести короткие холщовые штаны, синюю куртку и пилотку, которые носят корнаки. Все эти вещи были чисто выстираны, причем их кипятили, так что вряд ли они могли сохранить запах тела африканских погонщиков.

Одежда эта оказалась Михаэлю совсем не по росту: мой сын был значительно выше всех работающих на станции африканцев. Когда Михаэль в таком виде приблизился к слонам, те уже не проявляли к «белолицему корнаку» прежней недоверчивости. К тому же, чтобы придать ему еще более привычный для слонов вид, я принес из лагерного костра головешку/ и Михаэль вымазал себе золой лицо, руки и ноги. Таким образом удалось полностью обмануть слонов этим маскарадом. Михаэль теперь мог беспрепятственно к ним подходить, а одному слону он даже приказал лечь на землю и вместо корнака забрался к нему на спину. Слон послушно выполнял все его команды; единственное, чего от него нельзя было добиться, — это отделиться от стада и уйти в сторону...

Перевела с немецкого
Е. ГЕЕВСКАЯ

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

БЕЛЫЙ ЮГ

Роман

Я поднялся с вещами на палубу. Ветер посвежел, и на холодно-серых волнах заплясали белые барашки. Хоу ждал меня у трапа.

— Все трудные дети эвакуируются, — прохрипел он.

— Все же Бланд прав, — сказал я. — Впереди еще целых два месяца плавания.

— Я вижу, вы человек рассудительный,— криво улыбнулся Хоу.— Но вам ведь не так уж часто приходилось иметь дело с миром Бландов?

— Как это понимать?

— В вашем мире четко определено, что справедливо, а что нет. Однако есть и другой мир, где устраняют того, кто мешает. Теперь вы находитесь ©. этом мире — мире Бланда.

— Успокойтесь, — посоветовал я. — В отношении смерти Нордаля здесь (уже больше ничего не сделаешь. Подождите, пока мы вернемся в Кейптаун...

— Глупец, — перебил он. — Неужели вы не понимаете, что теперь Джуди богатая женщина. В ее руках ключ к руководству компанией. Стоит только Эрику Бланду уз«ать... — Хоу помедлил и добавил: — Если человек готов пойти на убийство, чтобы получить желаемое, то и теперь перед этим он не остановится.

Я стал спускаться по трапу и вдруг увидел, что в одной из шлюпок рядом с Ларвиком сидит Джуди.

— Почему она перебирается на китобоец Ларвика? ^— спросил я. — Ее отправил Бланд?

— Нет. Бланд ничего не знает. Это я ей посоветовал. Там она будет в большей безопасности, чем на «Южном Кресте».

— Черт побери! Что может случиться?..

—- Это Антарктика, а не дачный пригород, — только и сказал Хоу.

Спустя несколько минут мы оттолкнули шлюпку от борта, и она запрыгала по волнам. Перед собой

Продолжение. Начало в № 5—8.

я видел «Валь-4», потрепанное суденышко с игривым наклоном мачт к вздернутому носу. Однако пушка с направленным вниз острием гарпуна грозно напоминала, что основным занятием его было убийство, Мы вскарабкались на борт, где нас встретил Олаф Петерсен, крупный человек, повадками и фигурой напоминающий медведя.

— Рад приветствовать вас на своем судне, — проскрежетал он на тяжеловесном английском,. — Вы еще не знакомы с моей дочерью. Герда, это капитан Крейг.

Если бы я не знал, что передо мной Герда, то никогда бы не подумал» что эта фигура в толстом свитере, синих саржевых брюках и в меховой фуражке — девушка. Пожимая Герде руку, я ощутил шершавость ее ладони. У девушки было загорелое полнощекое лицо с крохотным носиком.

— У вас в военно-морском флоте были женщины-офицеры? — улыбнулась она.

— Только на берегу, — усмехнулся я.

— Ну конечно! Женщине место на берегу. — Ее смех был теплый, дружелюбный.

Петерсен хлопнул своей лапищей меня по плечу, да так, что я едва не потерял равновесие.

— Вам к Герде нужно привыкнуть, — прогудел он. — Она всегда всех вышучивает. Даже меня — своего отца.

— Пойдемте, — предложила Герда, — покажу вашу каюту. Уолтер, и ты пойдешь с нами. Что это там, в ящике, — виски?

Хоу ухмыльнулся. Впервые с тех пор, как я с ним познакомился, он выглядел спокойным.

—- Нет, — ответил он, — здесь мои бумаги и инструменты. Спиртное вот тут, в рюкзаке.

— Значит, одежды ты почти не взял, и теперь придется совершать налет на вещевую кладовку. — Герда коротко оглядела меня и до-" бавила: — Да и у вас, шкипер, такой вид, будто вы... — она заколебалась, глаза заискрились смехом, — будто вы брали свою одежду напрокат у всего экипажа «Южного Креста»,

— Герда! —- Тон Петерсена был полувеселым, полусерьезным. — Ты не будешь у нового капитана на хорошем счету, если станешь его высмеивать. Что может подумать капитан Крейг? Что я плохо воспитал свою дочь и что на моем судне нет никакой дисциплины.

Герда засмеялась:

— Не обращайте на него внимания. Он ведь медведь медведем, а теперь, когда его назначили управляющим плавбазой, воображает себя важной птицей.

Петерсен в шутливом отчаянии пожал плечами.

— Буду чрезвычайно рад воспользоваться вашей вещевой кладовой, — сказал я.

— Прекрасно. Тогда пойдемте, я представлю вам команду. Мы наслышаны, что вы дьявольски придирчивы к чистоте. — Она снова усмехнулась. — Что ж, нашему судну, скажу вам, нужна небольшая чистка, а то этот грязнуля превратил его в свинарник.

Китобоец был гораздо меньше «Тауэра-3». Капитанская каюта располагалась прямо под мостиком и являлась частью рубки.

— Уж извините, — заметила Герда, — но у нас нет таких удобств, как на плавбазе. Придется вам поделиться своей каютой с Уолтером Хоу. Вы не против?

— Хорошо, — сказал я. — Но при условии, что он поделится со мной своим виски.

— Не беспокойтесь, — засмеялась она. — Я позабочусь об этом. Да и у меня иногда бывает жажда. —- В ее глазах блеснул огонек.

— Уолтер, ты разделишь каюту с капитаном, -— обратилась она к Хоу. — А он разделит с тобой твое виски. Идет?

— Быстро же ему придется пить, — поднял брови Хоу, — если он хочет получить ту же долю от моего спиртного, что и я от его каюты.

Все дружно засмеялись.

— Здесь должна быть радиорубка, — продолжала Герда, подводя меня к соседней каюте, — но, так как я дочь Олафа Петерсена, он сделал небольшую перестановку. Это моя каюта, а радио — ближе к корме, в каюте второго помощника.

Затем она повела меня по судну, по пути представляя членов экипажа.

К тому времени, как я закончил осмотр, капитан Петерсен уже приготовился к отбытию.

— Думаю, «Валь-4» вам понравится, — он стиснул мою руку так, будто хотел выдавить косточки пальцев из кожи. — Надеюсь, Герда будет вести себя прилично. Поверьте мне, капитан, дочь на борту — это хуже, чем жена. Девчонка она славная, да вот страшна, как жи-и-и-рная маленькая свинка, — он захохотал и спустился на нижнюю палубу.

Герда скорчила гримасу и показала язык отцу. Смеясь, он перебрался через борт в шлюпку, присланную за ним с плавбазы, и, в последний раз махнув рукой, уселся на корме.

— Боюсь, вы подумаете, что оказались на каком-то непутевом судне, — неожиданно серьезно сказала Герда. — Мы просто так забавляемся.

— Мне такая забава по душе, — ответил я.

Девушка наморщила нос в привычной полусерьезной, полушутливой гримасе.

— «Вы славный, — продолжала она. — Мы с отцом неплохие китобои. В последний раз уступили по улову только Пееру Ларвику. А сейчас идем впереди всех, хотя улов и невелик. Пока у нас только двадцать два кита.

— Надеюсь, нам удастся удержать первенство, — сказал я.

Она, как и ее отец, похлопала меня по плечу.

Пока мы стояли с ней на палубе и разговаривали, подошла шлюпка с «Тауэра-3». Это прибыл переведенный к нам по моей просьбе механик Макфи.

• В 8.35 с плавбазы несколько раз провыла сирена. Я приказал дать «средний вперед», и мы, развернувшись, встали у кормы «Южного Креста». Другие суда также заняли свои места, и вся флотилия, вытянувшись в длинную цепочку, взяла курс на юг, во льды.

В этот вечер небо очистилось от облаков около одиннадцати. Солнце находилось почти точно на юге. Перед нами бесконечной розовеющей на солнце равниной простирался паковый лед.

К полуночи, когда солнце уже касалось южной линии горизонта, мы вошли в зону льда, следуя по широкому разводью и продвигаясь на юг со скоростью десяти узлов. Слева по борту виднелся небольшой айсберг с плоской вершиной. Видимость была хорошей. Иногда нам попадались киты. Все они устремлялись к югу. Встречалось множество касаток, охотившихся среди льдин на тюленей.

На четвертый день плавания во льдах небо к югу сильно потемнело и нахмурилось. Сначала я подумал, что надвигается шторм. Но Герда отрицательно покачала головой.

Это было открытое море. Всегда кажется, что темнеет, когда выхо' дишь изо льда. Девушка была права. Наше разводье постепенно расширялось. Ледяные поля стали разреженней, и рано утром 23 января мы вышли на чистую воду.

Почти сразу идущие впереди нас «Валь-1» и «Валь-3» разошлись в разные стороны. Герда приказала дозорному занять наблюдательный пост, и вскоре раздался его крик: «Blaast! Blaast!»

Мы обнаружили кита в бинокль почти сразу. Я отдал приказ «право руля» и «самый полный вперед». Мы ринулись в погоню за моей первой добычей.

Должен признаться, что, когда после крика дозорного мы свернули в сторону и помчались на полной скорости, мне представлялось, что работа китобойца состоит всего лишь в том, чтобы застрелить кита. Я не учитывал связанной с этим погони. Когда кит погрузился в воду, Герда предложила наполовину сбавить скорость. Мы все ждали, когда снова появится фонтан воды, который выдыхает кит.

Герда осторожно взяла меня за рукав.

— Вы ведь раньше этим не занимались, поэтому, может быть, возьметесь за руль, а я бы указывала курс... — Она помедлила в нерешительности. — Очень трудно подойти к киту, чтобы сразу его загарпунить. Мы должны загонять его под воду до тех пор, пока он не выдохнется. Понимаете?

Я взялся за руль, и почти сразу Герда отдала приказ «полный вперед». Кит появился перед нами на расстоянии около двух кабельтовых. Мы его настигли очень скоро, но увидели лишь изгиб серой лоснящейся спины, когда он снова уходил под воду.

Пять раз мы загоняли кита под воду и с каждым разом подходили к нему все ближе. Наконец у него уже не оставалось времени для полного выдоха, и все мое волнение исчезло в азарте погони.

— Ну, теперь он у нас в руках, — прокричала мне Герда, когда кит появился так близко, что можно было слышать его дыхание. Герда сбежала вниз по трапу к гарпунной пушке. Оттуда она знаками показывала мне, что нужно делать.

Вспышка, резкий хлопок выстрела, и я увидел летящий гарпун, стопятидесятифунтовый копьевидный снаряд, за которым змейкой вился прикрепленный к нему тонкий линь. Раздался приглушенный звук — это в теле кита разорвалась граната. В следующий момент линь напрягся, разматывая тяжелый трос, с шумом скользящий в носовом блоке. На мостик примчалась Герда.

— Эх, не удался мой выстрел, — объявила она. — Гарпунщик я не то, что Олаф. Не смогла сразу убить кита. Ну, теперь «тихий ход».

Кит ушел в глубину, трос все еще грохотал, неустанно приближаясь к опасной метке. Я смотрел: один, два сростка пробежали через блок. Когда прокручивался третий, впереди, в полумиле от себя, мы увидели спину кита.

Герда так и вцепилась в ветровой щиток. Ее первый кит, ее собственный, добытый без участия отца, — он так много для нее значил. Через блок прошел последний сросток. Герда приказала дать полную скорость, и, дернув звонок машинного телеграфа, я увидел, что движение троса остановилось.

— Победа! — крикнула девушка. — Победа!

Макфи включил лебедочный тормоз. Неожиданно натяжение троса ослабло. Герда дала команду «стоп», и под лязг лебедки Макфи стал убирать трос. Мы дрейфовали, а трос убирался свободно, без натяжения.

Рисунки Б. ДОЛЯ

Вдруг он снова натянулся. Макфи потравил его на лебедках. Так продолжалось максимум с минуту, а может, и тридцать секунд, мне же они показались вечностью. Затем все прекратилось: кит был побежден.

— В следующий раз я выстрелю лучше, — сказала Герда и повела меня на ют посмотреть, как нагнетают воздух в китовую тушу, чтобы она не затонула. В рану от гарпуна вставили пробку, глубоко в тушу воткнули длинный стальной стержень с флажком, обозначающим, что это добыча нашего китобойца.

Я так подробно рассказал о первой охоте на кита, чтобы показать, какой сосредоточенности требовала эта работа. Китов было много, и, забив одного, мы почти тотчас же увидели другого, и крик «Blaast! Blaast!» почти не прекращался. Когда несколько добытых китов были помечены флажками, мы сообщили об этом по радио на один из буксиров.

Мы возвращались к «Южному Кресту», чтобы получить провизию и новый запас гарпунов. Думать о Нордале и Джуди у меня не хватало времени и сил. Даже принятое по рации объявление о том, будто возглавляемая мною следственная комиссия установила, что Нордаль покончил жизнь самоубийством, почти не произвело на меня никакого впечатления.

За последующие две недели мы загнали и убили сорок шесть китов. Все шло хорошо, но однажды произошел случай, который снова напомнил мне о Нордале. У нас выдался удачный день, и, забив четвертого кита, мы передали по радио просьбу прислать буксирное судно и забрать наш улов. Случилось так, что этим судном оказался «Тауэр-3». Эрик Бланд с капитанского мостика окликнул меня через мегафон, спрашивая разрешения явиться ко мне на судно для разговора.

Прежде чем я успел ответить, на мостик примчался Хоу. Он задыхался, лицо его подергивалось от волнения. Он схватил меня за руку и старался отстранить мегафон от моего рта.

— Не пускайте его на борт, не пускайте, — как сумасшедший повторял он.

— Почему?

— Вы спрашиваете меня — почему? — Голос его дрожал. —

Если этот ублюдок вступит на наше судно, я убью его!

Я сразу понял, что это не пустая угроза. Последние несколько дней мы виделись редко: Хоу почти не выходил из каюты.

— Ладно, — сказал я и крикнул в мегафон: — Эй, на судне! Я — буду — у — вас.

Бланд встретил меня у трапа, и я удивился происшедшей в нем перемене. Его лицо сильно осунулось, нервно подергивался уголок рта. Он провел меня прямо в каюту и дрожащей рукой наполнил стаканы.

— Скааль!

Не говоря ни слова, я поднял стакан и выпил.

— Итак, —- начал Бланд, — вы, наверное, хотите знать, для чего мне понадобилось вас увидеть?

— Это было бы нелишне, — сказал я. — Ведь ваша обязанность — забрать наш улов, а наша — снова искать китов.

Он повертел в руке стакан, наблюдая, как желтоватая жидкость стекает по внутренним стенкам.

— Ведь вы думаете, что это я убил Нордаля, так? Ведь думаете? — В его голосе звучала жестокость.

— Я ничего не думаю. Следственная комиссия только собирала показания. Остальное — дело полиции.

— А что, если мы поссорились? — заорал он. — Если дело дошло до кулаков, и он свалился за борт! Ведь это ж не делает из меня убийцы?

Я не знал, что отвечать, и молчал.

Бланд вглядывался мне в лицо, его кулаки при этом сжимались и разжимались.

— Есть еще Джуди, — неожиданно спокойно сказал он.

— При чем здесь Джуди?

— Она дочь Нордаля и моя жена. — Он помедлил. — Вы ведь ее любите?

Я смотрел на него огорошенный. Вопрос своей неожиданностью вытеснил все остальное из моей головы.

— Ведь вам бы не хотелось, чтобы Джуди тащили через весь этот кошмар — мужа обвиняют в убийстве ее отца! Представьте себе, что это появится в воскресных газетах. К тому же, готов поклясться, что здесь, на борту «Тауэра-3», она была вашей любовницей.

Я бросился на него — так велика была моя ярость. Но он схватил меня за руку и швырнул назад в кресло.

— Не надо. Из-за этого драться не стоит. Сидите и слушайте. Я влип и не хочу, чтобы вы или кто-то еще накинул мне на шею веревку. Только четверым известны показания следственной комиссии. Эти показания в руках моего отца. Он, между прочим, скоро умрет. Но я могу управлять им и Эйде. Джуди не имеет права давать показания против меня, Она моя жена. Остаетесь только вы.

— Есть еще Хоу, — напомнил я.

— Ах да. Незаконнорожденный доктор, — злобно усмехнулся Бланд. — Я и за ним смогу присмотреть. Если вы будете держать язык за зубами, то это дело можно замять. Вы это сделаете?

— Я отвечу: нет.

— Ну тогда ладно. Мы с вами заключим сделку. Держите язык за зубами — и я дам развод Джуди,

— Вы, должно быть, не в своем уме, если думаете, что я пойду на такую подлость, — вспылил я.

Он пожал плечами.

— Тогда напомню вам снова, что Джуди моя жена. Если вам захочется довести это дело до конца, я превращу ее жизнь в ад. Так представлю ее перед всеми, что она проклянет тот день, когда появилась на свет божий. И скажу, что поскандалил с Нордалем из-за нее. О, не беспокойтесь. Такого сорта грязь хорошо прилипает. А когда меня оправдают, я все еще буду ее мужем. И позабочусь, чтобы она жила со мной. У нее не будет оснований для развода, а если она попытается развестись, буду против и укажу на вас как на человека, состоящего с ней в связи.

— Вы не в своем уме. — Я поднялся на ноги.

Одним прыжком он очутился между мной и дверью:

— Ну так что же? Будете держать язык за зубами, или... Слушайте, Крейг, — продолжал он, — у вас нет другого пути. Нордаль мертв. Он не воскреснет, даже если меня повесят. (Вы должны сделать выбор между Джуди и местью за человека, которого вы даже не знали. Ну, будьте же разумны.

— Я хочу вернуться на свое судно, — сказал я. — Скажите спасибо, что вы сильнее меня.

— Хорошо, — почти дружески сказал Бланд. — Обдумайте все как следует. И не забывайте: я могу так сломить Джуди, что через два года вы ее и не узнаете.

— Смотрите, чтобы вас кто-нибудь не прикончил еще до того, как мы вернемся в Кейптаун, — заметил я и быстро вышел.

Я забрался в шлюпку, и в молчании мы поплыли назад. Когда я оглянулся, Эрик Бланд наблюдал за мной со злобной улыбочкой на губах. Хоу стоял на палубе, ожидая меня.

— Ну, что он сказал? — спросил он.

Я молча прошел мимо него в каюту и долго шагал по ней, пытаясь привести в порядок свои мысли. Только одно стало ясным для меня — Бланд прав: я люблю Джуди и ни за что на свете не

дам ей пройти через ад, который ей может быть уготован.

Раздался легкий стук в дверь, и вошла Герда.

— Мы заметили еще одного кита. Мне кажется, вам нужно быть на мостике.

За то, что она не задавала никаких вопросов, я готов был ее обнять. С Хоу все обстояло иначе. Когда вечером я спустился в каюту, он, разложив перед собой бумаги, сидел за столом и ждал меня. У меня было одно желание: поскорее лечь и заснуть. Но только я снял ботинки, как он сказал:

— Крейг, рассказали бы мне, о чем с вами говорил Эрик Бланд.

— Это не ваше дело. — Я лег на койку.

— Все, что связано с Бернтом Нордалем, — мое дело, — ответил он категорически. — Что Бланд говорил об исчезновении Нордаля? Ведь об этом он с вами и хотел поговорить?

— Ради бога, занимайтесь своей чертовой книгой или ложитесь спать. Я устал.

— Я буду задавать вам вопросы, пока не выясню, что случилось, — упрямо ответил он.

— Разговор был частным. Он касается только меня и Бланда. — Я закрыл глаза.

— Но он касался исчезновения Нордаля, ведь так? — Хоу чуть помедлил и продолжал: — Вы понимаете, что я имею право знать. Вас, возможно, это удивит, но я родственно связан с Бернтом Нордалем.

— Мне известно об этом, — отвечал я.

— Вы знаете? Откуда? Кто вам сказал?

— Полковник Бланд.

— Так! И, зная, что я сын Нордаля, вы все еще отказываетесь сказать мне, о чем говорил Эрик Бланд?

— Да. — Мне пришла в голову мысль о том, что, если Хоу все узнает, я больше не буду свободным в своих поступках и не смогу заключить с Бландом сделку, если в этом возникнет надобность.

— Возможно, это поможет вашему решению. — Хоу встал надо мной с пистолетом в руках. Я Моментально сел на койке.

— Не бойтесь, Крейг, я вам не угрожаю, — засмеялся он. — Для меня жизнь не много значит, — речь его текла спокойно, но именно это и заставило насторожиться. — Мне, видите ли, терять почти нечего, а это, — он поднял пистолет, — это, может быть, и выход. Я знаю, почему вас хотел увидеть Эрик. Бланды думают, что смогут замять всю эту историю, если подкупят вас. Эрик что, предлагал вам Джуди в обмен на молчание?

— Как вы догадались? — с удивлением воскликнул я.

— Потому что знаю, что за подлец Эрик Бланд. — В слово «подлец» было вложено столько ярости, сколько раньше я в Хоу не замечал.

Внезапно он засмеялся.

— Если бы он знал всю историю до конца, ничто не заставило бы его расстаться с Джуди. Да ведь сейчас Джуди — это Южно-Антарктическая китобойная компания. Теперь ею владеет она — не Бланд. В Кейптауне я не только должен был продать вклады Нордаля в «Уордс». На выручку я должен был выкупить акции Южно-Антарктической компании у трех акционеров покрупнее. Перед нашим отплытием из Кейптауна у Нордаля было пятьдесят семь процентов акций этой компании. Они об этом не знают — пока. — Доктор удовлетворенно хихикнул. — Вам ведь Джуди нравится? — внезапно спросил он.

Хоу выразился не так категорически, как Бланд, но я понял, что он хочет этим сказать.

— Да. Мне она очень нравится. Он медленно кивнул.

— Если бы Эрик Бланд был мертв, вы бы женились на ней? Я внимательно посмотрел на него, стараясь прочесть мысли.

— Этого не может быть, — мой голос, прозвучал хрипло.

— Кто знает? — Хоу поигрывал пистолетом. — Ну так как же?

— На это я не могу ответить.

— Ладно, — сказал Хоу. — Мне просто хотелось знать ситуацию. Слава богу, что я убедил Джуди перебраться на «Валь-5». — На какое-то мгновение он задержал на мне взгляд, затем повернулся, сунув пистолет в карман. — Для Бернта Нордаля Южно-Антарктическая компания была целью всей жизни. Вы бы понравились ему, Крейг. Спокойной ночи.

Следующие несколько дней Хоу, не отрываясь, работал над своей книгой. Он стал непосредственней, жизнерадостней, чем когда-либо за все время нашего знакомства. Временами он приходил на мостик, чтобы подышать свежим воздухом, перебрасывался с Гердой шутками и наблюдал за- всем с восторженным мальчишеским интересом. Дни шли однообразно, но вдруг киты снова исчезли. 6 февраля «Валь-5» сообщил о стаде финвалов в 150 милях к северо-востоку, и нам было приказано плыть в этом направлении. Утром следующего дня мы забили двух китов и радировали, вызывая буксир. На вызов ответил «Тауэр-3». Облака опустились очень низко и висели грозными рваными клочьями. Барометр быстро падал, и видимость сократилась до расстояния чуть больше мили. Мы медленно продвигались на северо-восток. Все чаще слышался крик дозорного: «Лед!» Иногда это был айсберг. Однажды мы едва избежали столкновения с «гроулером» — обломком айсберга, представлявшим собой огромную ледяную платформу, почти целиком скрытую под водой.

— Надо найти укрытие, — прокричала Герда, обращаясь ко мне. — Очень скверная погода.

Я согласился.

Мы напряженно вглядывались в мрак дождевого шквала и ждали. Вдруг из штормового хаоса возникла громадная ледяная стена. Рулевой повернул штурвал еще прежде, чем мой приказ достиг его ушей.

— Здесь мы и укроемся, — решила Герда.

Айсберг был огромен. Мы, наверное, прошли около двух миль, прежде чем обогнули его. Однако в ширину он был невелик, и через несколько минут, повернув на северо-запад, мы очутились в сравнительно спокойной воде. Было странно находиться под защитой айсберга и ощущать это неестественное спокойствие в самый разгул шторма. Я провалился в глубокий сон и никак не мог понять, почему Герда трясет меня изо всех сил.

— Прошу вас, Дункан, вставайте. Сигнал бедствия. С одним из китобойцев беда. — Ее лицо было бледным и встревоженным. — Кажется, мы к нему ближе всех.

Я моментально соскочил с койки.

— Что это за китобоец?

— «Валь-5».

— О боже! — Я натянул ботинки. — Они сообщили свои координаты?

— Йа.

— Что с ними произошло?

— Повредили руль.

Я надел дождевик и бросился на кормовую часть палубы к рации. В каюте второго помощника я застал Раадаля.

— С «Южного Креста» передают приказ, чтобы все суда к востоку и к северу от плавбазы оставались у своих радиоточек, — сказал помощник на своем плохом английском.

Дверь распахнулась, вошли Герда и Хоу.

— Я и его вытащила, — сказала она, расстилая карту на койке Раадаля. — Вот где они находят-

ся. Мы от них не дальше чем в сорока милях.

— Вы сообщили на «Южный Крест» наши координаты?

— Йа. У них есть координаты всех судов, находящихся в данном районе.

Вдруг радио начало потрескивать, и послышался голос:

— Алло! Алло! Говорит Сид Корсет. Радист «Валь-5» Сид Корсет.

Хоу, напрягшись, подался вперед. Герда тоже вытянулась и застыла с непроницаемым видом.

— Что там такое? — спросил я. — Что случилось?

Нетерпеливым движением Хоу показал, чтобы я молчал. По радио неудержимым потоком лилась норвежская речь. Все, включая Раадаля, напряженно слушали. Наконец раздались три быстрых свистка, и наступило молчание.

— Что он говорил? — спросил я.

— Они наскочили на льдину. Капитан Ларвик ранен. Они боятся, что судно долго не продержится.

Хлопнув дверью, я выскочил из каюты и помчался на мостик, оставив Герду и Хоу глядеть друг на друга.

— Средний вперед, — приказал я рулевому. — Курс северо-во-

— Лед! — это кричал наблюдатель.

Я скомандовал «право руля»,

Тускло сверкнув в полумраке, мимо скользнула плоская поверхность льдины.

Ко мне подошел Хоу.

— Пока что с ними все в порядке, — сказал он. — Я разговаривал с первым помощником. Их продырявило льдиной, но он считает, что с насосами они еще продержатся. Эйде утвердил ваше решение идти к «Валь-5». Мы — ближайшее судно. «Тауэру-3» приказано оставаться на прежнем месте. Но он не подчинился приказу.

— Вы полагаете, что у них тоже какие-то неполадки?

Он пожал плечами.

— Лед! Лед!

Снова перемена курса. Снова льдина.

Вдалеке небольшой горой возвышался айсберг. Позади нас виднелся другой, поменьше. Я не решался уходить с мостика. В каюте у Раадаля постоянно находились Герда и Хоу, которые держали меня в курсе всех радиосообщений. «Валь-5» доносил, что треснул гребной вал и руль почти вырвало из гнезда. Они пытаются освободиться от него и поставить временный. Они также сообщали о широком разводье, проходящем в полумиле от них.

Вскоре мы увидели его. Но от него нас отделял тесно сомкнувшийся пак. Я завернул судно за край ледового поля, и мы оказались в узком проходе. Это был тупик, а впереди метрах в двухстах виднелась темная полоса разводья. О том, чтобы дать задний ход, не могло быть и речи: путь назад был прегражден льдинами.

— Идите на таран, — посоветовал Хоу. — Толщина льда невелика.

Я кивнул.

Когда все приготовления были окончены, я отдал машинисту приказ «самый полный вперед». От взбившего воду винта судно пронзила дрожь. Я крепче прижался к штурвалу. Китобоец набирал скорость.

Полоса льда стремительно неслась к нам навстречу. Я дернул ручку телеграфа вниз. Шум машины резко оборвался, наступила мертвая тишина, и мостик замер у меня под ногами. Это был мучительный период ожидания, ожидания в полной тишине, если не считать слабого гула двигателей, работающих на холостом ходу, и шума расталкиваемой носом китобойца воды.

Затем последовал удар. Судно, казалось, остановилось. Меня с силой швырнуло на штурвал. Впереди раздался звук, похожий на треск ружейного выстрела, который тут же потонул в скрежете льда, трущегося о сталь.

И вот нас уже медленно несло вперед, и перед нами разверзлась большая трещина. За какие-то считанные минуты мы протиснулись через узкий барьер льда и очутились в чистом разводье. Двумя гудками сирены я оповестил команду о нашем успехе. Герде, взбежавшей ко мне на мостик, я сказал:

— Прошли.

— Вижу, — ответила она. — Хорошая работа.

Я послал ее проверить трюм и убедиться, что в судне нет никаких повреждений. Мы с Хоу молча вглядывались в лежащее впереди черно-белое пространство.

— Интересно, что у Бланда на уме? — неожиданно промолвил он.

— Вы о чем?

— «Тауэр-3» так и не подчинился приказу оставаться на месте.

— Возможно, до него не дошло, — предположил я. — Может, радио не работало.

— Возможно. — Хоу немного помолчал и спросил: — Крейг, вы отдаете себе отчет в том, что мы с вами — единственные люди, располагающие фактами для его обвинения?

— К чему вы клоните? — насторожился я.

— Не знаю. В том-то и проклятье, что не знаю. Но я что-то предчувствую. Мы вот углубляемся в паковый лед, а ведь в пределах сотни миль здесь нет ни одного исправного судна, кроме «Тауэра-3».

— Вы не в своем уме, — сказал я. Мне показалось, что им овладевает страх.

— Не считайте меня сумасшедшим, — медленно промолвил Хоу. — Если бы Бланду удалось убрать нас с дороги одним махом, он был бы в безопасности...

.Герда держала меня в курсе всех сообщений с «Валь-5». В трех километрах к юго-западу от потерпевшего судна находился большой айсберг с плоской вершиной. Он должен служить нам вехой. Вскоре после девяти мы достигли того места, где, по моим предположениям, должен был находиться «Валь-5». Но его здесь не было. А тут «екстати, как всегда, разыгралась метель.

Герда принесла весть, что мы потеряли связь с потерпевшим аварию китобойцем.

— Это было внезапно — в середине передачи, — волновалась она. — Радист передал: «Лед стал очень плотным. Нас...» — и это все. Мне кажется, я слышала чей-то крик. Боюсь... — Она не до-

кончила и смотрела на меня округлившимися испуганными глазами.

— Нужно что-то делать, — прокричал Хоу. — Запускайте машину. Мы должны их искать.

— Пока видимость не улучшится, все бесполезно. Я отвечаю за жизнь своих людей, — сказал ему я.

Он было хотел возразить, но передумал и стал нервно расхаживать взад и вперед по мостику.

Вскоре после десяти появились признаки улучшения погоды. Снегопад ослаб, и видимость постепенно увеличилась. Герда вышла на корму и потянула носом воздух. Затем поспешила на мостик.

— Уже лучше, йа? — Голос ее был гортанным и хриплым.

Я молча кивнул.

— Какие-нибудь новости?

— Никаких. Они не отвечают.

Минутой позже снежная пелена поднялась, как занавес, и мы увидели темную воду разводья в окружении льда. Вода чернела, словно канал посреди белой пустыни.

Я приказал дать «средний вперед» и «право руля». Когда китобоец разворачивался, солнечный свет исчез, и все вокруг стало холодно-серым — суровая картина с рваными клочьями облаков, гонимыми ветром.

— Быть еще дождю, а может быть, и снегу, — сказала Герда, глядя на темнеющее небо.

И вдруг я увидел черную заплату на разорванной поверхности льда. В бинокль угадывались верхние строения китобойца. Его мачта и труба так резко накренились, что казалось, судно лежит на боку. Я дал несколько гудков сирены, затем отозвал наблюдателя и вскарабкался на его место.

Отсюда было видно довольно хорошо. Нас разделяло расстояние не больше мили. «Валь-5» оказался в тисках двух больших льдин, которые наслаивались под напором льда, упирающегося в айсберг. Мне были видны крошечные фигурки, движущиеся по льду, и, насколько я мог разобрать, они были заняты разгрузкой. Я спустился на мостик и отметил направление по компасу.

Хоу схватил меня за плечо.

— Какое-то судно идет нам навстречу по разводью. — Он указал на нос нашего китобойца, но в темноте нельзя ничего было разобрать.

— Ничего не вижу, — сказал я. — Да и этого быть не может.

— Могу поклясться, что видел очертания судна.

— Игра света, и только.

— Наверное. Я подумал, что это «Валь-5».

Минут десять мы углублялись в беспорядочное нагромождение битого льда, сигналя сиреной. Но ничего похожего на ответ не было. Лед становился все толще, плотнее.

Вдруг Хоу схватил меня за плечо и что-то прокричал, показывая рукой на левый борт: там смутно вырисовывался какой-то плывущий предмет. Я потер глаза, думая, не игра ли это воображения. Но через мгновение предмет появился снова. Судно! Я разглядел зыбкие очертания трубы и носовой части.

— Это «Валь-5»? — прокричал мне Хоу.

Я отрицательно покачал головой. Судно было крупнее китобойца и шло прямо на нас. Что-то в нем напомнило военный корабль.

Продолжая сигналить сиреной и поставив наблюдателей на носу и корме китобойца, я начал маневрировать, еще дальше углубляясь в разводье. Но едва я отдал приказ «малый вперед», как раздался вопль Герды: «Полный вперед». Звякнул машинный телеграф, и в это мгновение раздернулась пелена тумана, вспоротая острым, как нож, носом судна, идущего прямо на нас.

Сирена ревела, не переставая, на полную мощность. Но устремлявшееся на нас судно, по-видимому, набирало скорость. Я услышал гул его машины, видел, как у его носа в холодно-зеленой волне взбивалась белая пена. Хоу что-то прокричал и спрыгнул на мостик гарпунера. И только когда он почти добежал до гарпунной пушки, до меня дошло, что он сказал: «Бланд». Я тут же узнал эти обводы корпуса военного корабля, этот острый нос. Это был корвет. Теперь уже можно было различить его название — белым по черному фону: «Тауэр-3».

— Все наверх! — закричал я и дал сигнал застопорить машину.

Взглянув на нос, я увидел, как Хоу разворачивает гарпунную пушку навстречу приближающемуся судну.

На мостике корвета в одиночестве стоял человек в блестящем дождевике и черной зюйдвестке. Его сгорбленная над штурвалом фигура напоминала всадника, пускающего лошадь вскачь. Это был Эрик Бланд.

Дальше все произошло одновременно. С носа раздался оглушительный грохот: это выстрелил Хоу. Гарпун описал широкую дугу и, скользнув над плечом Бланда, исчез где-то за мостиком. И в тот же миг на мостик влетел человек, оттолкнул Бланда и круто повернул штурвал. Нос пошел в сторону. Судно накренилось. Сквозь шум ветра громко и отчетливо прозвенел машинный телеграф. Но было слишком поздно. «Тауэр-3» как бы повис над нами.

Помню, как под ударом, словно лист жести, прогнулся наш фальшборт, помню визг терзаемого металла.

Корвет врезался в наше судно чуть позади машинного отделения, раздавив на левом борту шлюпку и пропахав плиты палубного настила. Сильный удар, затем ужасный скрежет разрываемого металла. Люди плашмя попадали на палубу. Меня так резко кинуло в сторону на деревянную стенку мостика, что начисто перехватило дыхание.

Потом вдруг все стихло. Только выл ветер и гремела ледовая канонада. Я глотнул воздуха, и от боли в боку у меня перехватило дыхание. Все вокруг меня постепенно возвращалось к жизни. Отброшенная в угол мостика, поднималась Герда, пошатываясь, вставали Люди на кормовой части палубы. Там в скрученной стальной обшивке огромным клином торчал нос корвета.

На мостике «Тауэра-3» кто-то двигался: судя по всему, тот человек, который пытался овладеть штурвалом. Ветер доносил до меня гневный голос Бланда. Когда тот, другой, уходил с мостика, Бланд обернулся, зубы его были злобно оскалены. Я закричал ему, чтобы он не давал заднего хода. Он услышал, потому что поднял руку, прощаясь, и до меня донесся звонок машинного телеграфа.

Тут я все понял. Гулко заработал двигатель корвета. «Тауэр-3» попятился, и вместе с ним медленно поворачивалась и корма «ашего китобойца. Затем с диким скрежетом нос корвета освободился из тисков нашей кормы. С оружейной площадки пронзительно кричал Хоу, чтобы они остановились. Из воды появился гарпунный линь, медленно освобождаясь от петли в слабине, и стал так же медленно натягиваться. И как только он натянулся, откуда-то из глубины корвета донесся тупой приглушенный звук взрыва. Я увидел, как корвет остановился, и Бланд с потемневшим от ярости лицом повернулся на этот звук.

Даже из беглого осмотра судна стало ясно, что на плаву нам долго не продержаться. Двери кормовой переборки были повреждены, и в машинное отделение заливалась вода. Жилые и служебные помещения на корме приняли на себя основную тяжесть удара. Раадаль был мертв. Один матрос был пришпилен к своей койке зазубренным куском металла. Двое было ранено: одному сломало руку, другому — ребра. Радио погибло. В корпусе была огромная пробоина с рваными краями — футов восемь в ширину и столько же в высоту — от палубы до киля.

Я взбежал на мостик и через мегафон окликнул «Тауэр-3». Судно дрейфовало ярдах в двадцати от нас, нос его был слегка помят, а из люков машинного отделения выходил пар вперемежку с дымом. На бак выбежал человек.

— Можете подойти к борту и снять нас? — крикнул я.

— Ней, ней, — покачал он головой. — У нас повреждена машина, и в машинном отделении пожар.

— Вы должны нас снять, — крикнул я. — Мы поможем вам потушить пожгр.

Человек заколебался. И в этот момент из средней части судна наружу вырвался огромный язык пламени. Раздался мощный рев пара, и все судно окутало белым облаком. Затем пар почернел и повалил густыми клубами. Внутри судна вспыхнуло горючее.

— Нам нужно начинать выгружаться, — раздался голос Герды.

К счастью, шлюпка справа по борту оказалась целой.

— Спустить шлюпку и приступить к погрузке, — приказал я.

С первой шлюпкой я послал Герду, чтобы она подыскала подходящую площадку. Я остался на судне подготовить к отправке как можно больше необходимых припасов. Времени у нас оставалось немного. Кормовая часть палубы уже была почти вровень с водой. Судно уйдет под воду — и уже не вернешься за тем, что было забыто. Шлюпка курсировала несколько раз, с судна было снято все возможное. Перед последним рейсом на судне оставалось семь человек. Я перешел на левый борт и взглянул на «Тауэр-3». Перед моими глазами предстало поразительное зрелище. Корвет был окутан облаком черного дыма, кроме носовой части, но за мостиком царил настоящий ад, и языки пламени доставали вершины труб. Люди стаскивали имущество на ледовое поле позади судна. На фоне белого льда в серой пелене дождя и мокрого снега они казались крошечными и беззащитными.

— Я взяла аварийный радиоприемник, — сказала Герда. — Отец говорил, что по нему хорошо слышно, хотя и нельзя передавать.

— Интересно, удалось ли «Тауэру-3» послать сообщение? — сказал я.

— Узнаем, когда встретимся на льду. — Она пожала плечами. — Думаю, успеют, их радио под мостиком, а там еще нет огня.

Наш китобоец угрожающе колыхнулся. Я взглянул на корму — ее уже захлестывало водой.

— Скорее бросайте все в шлюпку, — скомандовал я. — И сами туда, быстро! Времени у нас нет.

Шлюпка скользнула вдоль по борту. Китобоец начал тонуть. Герда перевалилась через поручни, я — за ней, бросив радио на чьито колени.

— Гребите что есть мочи! — крикнул я.

Весла прогнулись от усилия гребцов. Немного отплыв, мы увидели, как «Валь-4» задрожал, его качающаяся дымовая труба освободилась от креплений и с грохотом рухнула вниз. Маленькое судно стало медленно уходить кормою под воду, и по мере его погружения «ос задирался все выше и выше, и на нем беспомощно раскачивалась гарпунная пушка. В ледяной воде закружились черные воронки, но скоро все успокоилось, будто никакого судна никогда не было и в помине. Я взглянул на Герду и увидел, что она плачет. Китобоец был ее домом. Я хотел утешить ее, но увидел, что Хоу сжимает ей плечо, в глазах его такая боль, будто он ощущает такую же горечь потери.

Шлюпка коснулась льда, с хрустом сминая его тонкую кромку. Мы выкарабкались на льдину. И сразу провалились по щиколотку в мягкую шугу полурастаявшего льда. «Что с нашими запасами?» — подумал я. Все вещи были свалены в кучу. Льдина мягко покачивалась, когда под нею пробегала зыбь, и своими краями терлась о края других льдин. Немного севернее нас лед был потолще. Увязая в шуге полурастаявшего льда, я потащился туда извернувшись, распорядился, чтобы все вещи перенесли на новую площадку. Затем расстелили брезент, сложили нд него все продукты, остальное разместили сверху. Я приказал коку приготовить что-нибудь, а все остальные принялись ставить палатки. Нас было четырнадцать человек, причем двое раненых. Едва поставили первую палатку, как мы с Гердой занялись сначала сломанной рукой Якобсена, а затем ребрами Грига. Едва мы только кончили перевязывать Грига, тут же Макфи крикнул, что к нам приближается шлюпка с «Тауэра-3». В ней было четыре гребца, а на корме сидел здоровенный бородач с приплюснутым носом и близко посаженными глазами.

— Кто это? — спросил я у Герды.

— Это Ваксдаль, — ответила она. — Он стал первым помощником на «Тауэре-3». Сам из Сан-

нефьорда. Неплохой китобой, но, я слышала, у него неважный характер.

И впрямь по виду этот человек не располагал к себе.

— Интересно, что за историю сочинил Бланд, — произнес Хоу.

Впервые за все время один из нас заговорил о причине нашего бедственного положения.

— Вы капитан Крейг? — подбежав ко мне, спросил Ваксдаль, задыхаясь от ярости.

— Да. Что вам угодно?

— Это по вашему приказу был выпущен гарпун?

— Нет, — ответил я.

— Гарпун взорвался у нас в машинном отделении. Вот из-за чего возник пожар, вот из-за чего мы попали в эту проклятую кутерьму! — Его глазки остановились на Хоу. — Это ты выстрелил гарпуном? — Пригнув голову, Ваксдаль двинулся на Хоу.

— Подождите, — вмешался я.

Но Герда опередила меня и встала перед китобоем.

— А что мы, по-твоему, должны были делать, дубина ты этакая? — Глаза ее пылали гневом. — Тебе бы хотелось, чтобы мы тихо сидели и ждали, когда нас прикончат? Иди-ка ты обратно к своему Эрику Бланду и спроси его, почему он нас протаранил.

Ваксдаль остановился.

— Это случайность, — сказал он и протянул руку, чтобы отстранить Герду.

— Не смей поднимать на меня руку, Ваксдаль, — сказала она с вызовом. — И слушай-ка, что я тебе скажу. Это не было случайностью. Бланд хотел нас протаранить. На нашем судне есть люди, которых ему надо уничтожить, если он не хочет быть повешенным за убийство Бернта Нордаля. Почему, по-твоему, он привел сюда «Тауэр-3», когда ему было приказано оставаться на своем месте?

— Кто сказал, что мы должны оставаться на старом месте? — спросил Ваксдаль. — И что это за разговоры насчет убийства? Нордаль покончил самоубийством.

— Это было убийство, — отпарировала Герда. — И капитан Эйде приказал вам оставаться на месте. Вы что, не слышали радио? Спросите своего радиста.

— Он пострадал от огня, когда передавали сигнал бедствия.

— Ну, так кто-нибудь должен был слушать радио?

— Оно какое-то время было не в порядке.

— Так. Теперь подумай. Был ли Бланд около радио, когда оно вышло из строя?

— Да, но... — Ваксдаль выглядел удивленным.

— А когда радио заработало снова? — прервала его девушка. — Спорю, что не раньше, чем Бланд спустился в радиорубку. — Внезапно она шагнула к Ваксдалю. — Бланд был один на капитанском мостике, когда нас таранили?

— Когда случилась авария...

— Он был один — скажи мне только это?

— Один.

— Тогда возвращайся и спроси его, почему он в этот момент отослал рулевого. И смотри не нарывайся на скандал со своими людьми. Они ведь из Тёнсберга. И если ты не наведешь справок, то наведут они.

Ваксдаль повернулся.

— Одну минуту, — сказал я. — Рацию вы успели выгрузить?

Он отрицательно покачал головой.

— Все уничтожил пожар. Но мы послали SOS.

— С нашими координатами?

— Йа.

— И он был принят?

— Йа.

— Еще один вопрос, — сказал я, когда он снова поворачивался. — Бланд все еще на «Тауэре-3»?

— Ней. Судно в огне. Все люди на льду. Капитан Бланд очень расстроен. Он чувствует себя ответственным за эту случайность.

— Случайность! — завопил Хоу. — Это была не случайность. Он же таранил нас. Отвези меня к Бланду. Я говорил, что убью его,— и, видит бог, я это сделаю.

— Мне кажется, вы уже сделали достаточно, — сказал Ваксдаль.

— Достаточно? Неужели ты не понимаешь, что сделал Бланд? Он погубил нас всех. Нам никогда не выбраться живыми из этого льда. Ни Ларвику, ни всем остальным с «Валь-5». Он убил нас всех так же верно, как если бы скосил из пулемета.

— Вы, наверно, сумасшедший,— сказал Ваксдаль.

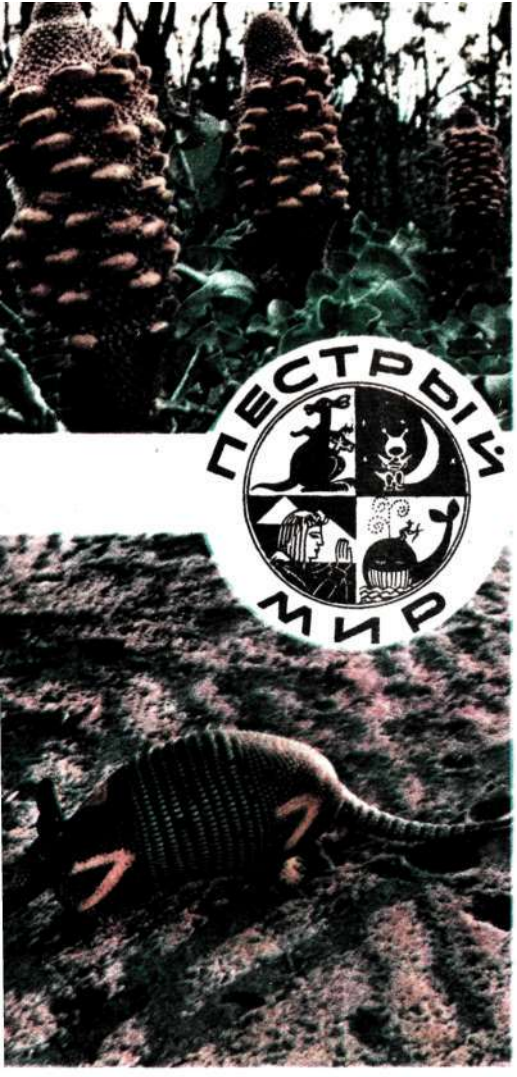
— Я не сумасшедший, — закричал Хоу. — Отвези меня к Бланду. Отвези меня к нему!

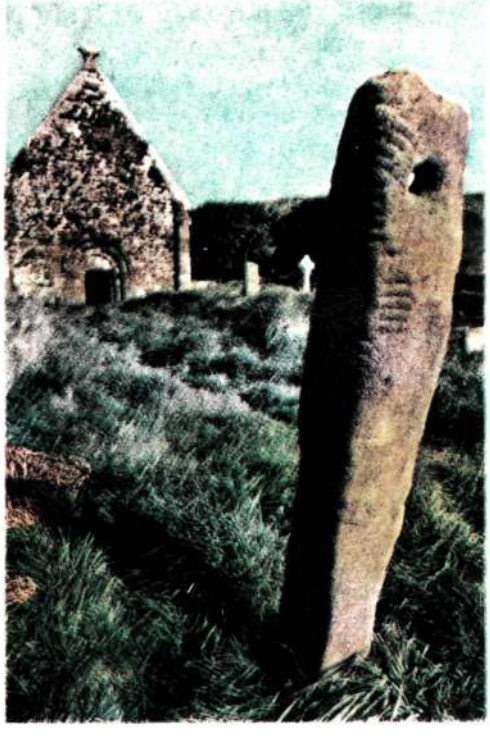
Ваксдаль отшвырнул его.

— Мы еще во всем разберемся! — уходя, бросил он через плечо.

Продолжение следует

Сокращенный перевод
с английского
В. КАЛИНКИНА





БАНКСИИ-ОГНЕПОКЛОННИЦЫ

Растения, принадлежащие к роду «банксия», растут в юго-западной Австралии. Хоть и объединены они в одну «семью», но различия между ними колоссальные: одни растения всего лишь неприметные кустарники, прижившиеся в пустынях, другие — мощные деревья до пятнадцати метров высотой. А вот цветы у тех и других удивительные: яркие, благоухающие, необычных форм и размеров. Когда «банксия гигантская» отцветает, , на огромных плодоносных «шишках» остаются своеобразные «бородавки» — коробочки, наполненные семенами. Казалось бы, все проще простого: стоит коробочке раскрыться, как ветер тут же подхватит семена и унесет их, чтобы на новом месте растение пустило корни. Не тут-то было! Для того чтобы «бородавка» лопнула, нужна высокая температура — так уж распорядилась природа. Иные коробочки ждут своего часа годами, и лишь огонь пронесшегося верхового лесного пожара высвобождает семена из заточения.

БРОНЕНОСЕЦ НОМЕР СЕМЬ

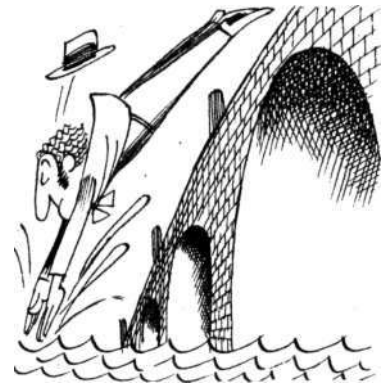
Броненосцы во Флориде (США) в общем-то не водятся. И тем не менее они там есть. Откуда? Когда-то несколько животных бежали из зоопарка и из бродячего цирка, местные условия им пришлись по душе, и броненосцы — уроженцы Мексики — принялись здесь активно размножаться. Все бы хорошо, да есть у этих бронированных существ дурная привычка: они роют ходы под лужайками, под полями и пастбищами, а скот, гуляющий по угодьям, в эти ходы проваливается и частенько ломает ноги. Что делать? Уничтожать мексиканских «гостей» жалко — все-таки экзотика. Скорее, надо создать для них благоприятные условия обитания. Для начала решено перенумеровать всех броненосцев и проследить пути их передвижений. Вот и появились: броненосец № 1, броненосец № 2 и так далее, в том числе и броненосец № 7, изображенный на нашей фотографии.

«ДОГОВОРНЫЙ КАМЕНЬ»,

или «камень Огама» стоит около маленькой ирландской деревушки Килмалкедар с незапамятных времен. По крайней мере, когда в XII веке жители Килмалкедара возводили церквушку, менгир — так называют одиноко стоящие монолиты искусственного происхождения — уже был на месте. Камень этот особенный. И называют его «договорным» не зря. Если древним ирландцам необходимо было о чем-нибудь условиться, «высокие договаривающиеся стороны» подходили к камню и с двух сторон просовывали в отверстие пальцы. После этого соглашение считалось нерушимым и скрепленным «вручную» навеки. В наше время договоры заключают иначе. Но... Нет-нет да и ныне можно видеть, как в сумерках у камня Огама появляются две фигуры и, озираясь, просовывают в заветное отверстие пальцы...

ЗАЩИТУ ОДИНОКИХ

Вечером 5 марта 1977 года многие жители Лондона стали свидетелями жуткого происшествия: молодой человек решительно перелез через перила моста на Темзе и шагнул в пустоту. «Ну все, — решили потрясенные прохожие, — еще один молодой неудачник покончил счеты с жизнью!» Впрочем, «неудачник» вскоре как ни в Чем не бывало выбрался на берег и преспокойно направился к следующему мосту, где на глазах у еще более изумленных прохожих проделал ту же операцию.

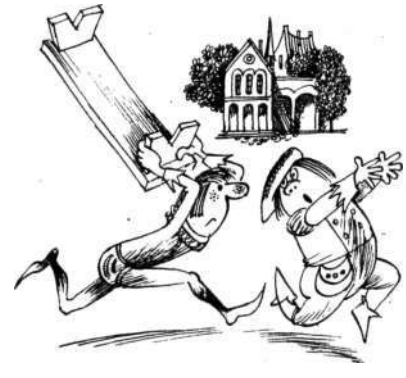


В этот вечер девятнадцатилетний Стив Хейнс, служащий лондонского радио, спрыгнул в Темзу с двадцати восьми мостов. Как пояснил репортерам мокрый до нитки, но ничуть не потерявший бодрости Хейнс, устраивая это «водное представление», он преследовал всего лишь одну цель: привлечь внимание общественности к одиноким матерям и отцам. Почему он выбрал столь непростой способ «привлечения» и в какой мере он сам относится к одиноким отцам — дать ответы на эти вопросы Хейнс не пожелал.

ДОРОЖИ СКАМЕЙКОЙ!

В средневековой Венеции банков как таковых не существовало. Все банковские (как сейчас их назвали бы) операции велись на рынках. За каждым ростовщиком или менялой здесь была закреплена деревянная скамья, сидя на которой тот и обслуживал клиентов.

Положим, кто-либо из финансистов не справлялся со своими обязанностями: задерживал выплату денег кредиторам или жульничал с ссудным процентом, — что происходило тогда? Законы были строгие: несостоятельного банкира изгоняли с рынка, а его скамью разбивали на мелкие кусочки. Какой же из этого вывод? Вывод этимологический. Скамья по-итальянски — «банка», а в латинском языке глагол «ломать» имеет корень «рупт». Получилось: «банкрупт», или — в русской модификации — «банкрот». Иначе: нечестный человек, под которым сломали скамью. И поделом...



ТИШЕ ЕДЕШЬ — ЦЕЛЕЕ БУДЕШЬ

фермеры четырех американских штатов — Индианы, Иллинойса. Огайо и Пенсильвании — решили, что автомотовелогонки изжили себя (во всяком случае, острота зрелища, по их мнению, притупилась), пора вводить новый вид спорта — гонки на... тракторах. Условия здесь такие: двигатель какой угодно мощности, хоть авиационный, а трасса должна быть максимально пересеченной. Чем больше рытвин, колдобин, буераков и прочих ухабов — тем лучше. Конечно, в таких соревнованиях скорость не самое главное. Секрет успеха в мастерстве вождения: и пешему человеку мудрено пройти от старта до финиша не споткнувшись, а тут тяжелый трактор. Того и гляди колеса растеряешь, не говоря уже о грузе. Груз-то не маленький — в двенадцать тонн. А какие же гонки на тракторах без прицепа?

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

КАМЕНЬ НА ШЕЮ

Следует или не следует надевать галстук? Этот вопрос каждый из нас решает в личном порядке. А вот американский сенатор Джон Мэнгефел, несущий ответственность за подопечную территорию — остров Яп (Каролинские острова), считает, что галстук не только не следует надевать, но носить его вообще абсолютно безнравственно. По крайней мере, в Микронезии. Именно такова суть законопроекта, внесенного Мэнгефелом в сенат.

Законопроект гласит:

«Тот кусок красивой ткани, который люди повязывают вокруг шеи, никаким полезным целям не служит, оскорбляет мораль общества и нравственность людей и вот уже на протяжении почти четырехсот лет является издевательством над здравым смыслом, поэтому:

впредь запретить людям носить галстуки в любом их виде: широкие и узкие, короткие и длинные, «бабочки» и на резинке;

каждого, нарушившего сей закон и надевшего галстук, следует публично признать умалишенным и приговорить в пожизненному ношению привязанной на шее японской каменной монеты».

Надо заметить, что «деньги» острова Яп уникальны. Это огромные, до двух метров диаметром, каменные круги с отверстием посредине, напоминающие мельничные жернова. Самые большие из них весят несколько тонн.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

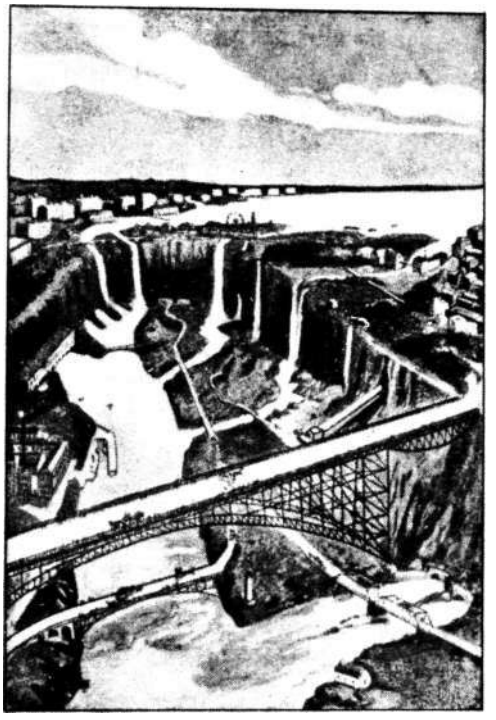
„Вокруг света", 1907 год

ЯДОВИТЫЕ СТРЕЛЫ

Смерть капитана Тьерра в Камеруне от ядовитой стрелы снова обратила всеобщее внимание на тот ужасный яд, которым пользуются некоторые дикари при отравлении своих стрел. Этот яд отчасти животного, отчасти растительного происхождения. Матери* ал дают ядовитые змеи, насекомые, сок одного растения семейств молочайных, растения. производящие стрихнин, и т. п. Бывают случаи смешения нескольких ядов. Один немецкий научно-популярный журнал дает описания, каким образом дикари приготовляют яд и обмакивают в него острие стрелы, и как они пользуются своим смертоносным оружием. Стрелы выделываются из полого стержня тростника, камыша или молодой пальмы; прутик берется 14 дюймов длиной и в 1 дюйм в поперечном разрезе. Острие стрелы делается из рыбьего зуба и затем вставляется в промежуток между двумя растительными волокнами. Индейцы с такой ловкостью пользуются этим инструментом, что безошибочно попадают в любой предмет на расстоянии до 100 метров. Действие яда смертельно; он парализует нервную систему и отнимает у животного всякую возможность бежать. Южноамериканские индейцы отравляют свои стрелы ядовитым соком одной лианы, вырабатывающей стрихнин, причем смешивают его с некоторыми другими соединениями. Этот яд носит название кураре. Индейцы смазывают им оконечности стрел и затем тихонько подкрадываются к своему беззаботному врагу. Ни малейший шорох не выдает их неслышной, скользящей походки, самый зоркий взгляд не различит в густой зелени деревьев охотника, который ежеминутно может послать вслед своей жертве крылатого вестника смерти. Малейшая царапина — и животное через несколько минут умирает в страшных судорогах.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА НИАГАРСКОГО ВОДОПАДА

Американский еженедельник Лесли обращает внимание своих читателей на тот вопиющий факт, что Ниагарскому водопаду грозит в недалеком будущем полнейшее уничтожение. Из 224 000 кубич. футов воды, низвергающихся со скал в пропасть, уже пять фабрично-промышленных компаний пользуются водяной силой красавца водопада: две на американской стороне и три на канадской. Они имеют право на пользование 48 000 куб. футов воды. Это значит, что компании берут себе около 25% сил всего потока. Если будут даваться дальнейшие разрешения на пользование водяной силой водопада для промышленных целей и количество эксплуатируемых сил дойдет до 88 000 куб. футов воды в секунду, то расход ее дойдет до 40% полного объема. Так как американский водопад лежит на более высоком уровне, чем водопады «Лошадиной подковы», то еженедельник вычислил, что даже при 19% убыли воды американский водопад уже в значительной



мере лишится своего настоящего величия, красоты и поэзии; при 40 же проц. убыли исчезнет положительно вся вода между Козьими островами и американским берегом; вместо величественного и очаровательного зрелища, которое представляет собой водопад в современном своем виде, получится приблизительно такая картина, которая изображена на нашем рисунке.

ЛОДКИ С БЕРЕГОВ ТИГРА

Прибрежное население Тигра употребляет своеобразные круглые лодки — «куффы». Они настолько древнего происхождения, что их описывал еще Геродот. Эти странные суда. совершенно круглой формы, единственные в своем роде; они имеют вид плетеной корзины, обмазанной горной смолой, оригинальное их производство оживляет все прибрежные города.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

НАДИР САФИЕВ — В поисках ветра . . . . . 2-я стр. обл.
ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ — Репортаж в диалогах 8
М. КРЮКОВ — Яо, перевалившие через горы 16
В. ОРЛОВ — Золото черных пеоков 20
ВИКТОР МИШИН — К востоку и к западу от Амары 25
Ф. ШТИЛЬМАРК — Защити самого себя 32
ОЛЕГ ЛАРИН — Дед Мартын и береста 34
С. ДМИТРИЕВ — Город мастеров 39
С. НИКОЛАЕВ — На пороге «голубого космоса» 42
Новости экологии 45
ВАЛЕРИЙ РЫЖКОВ — Два вечера с Юханом 46
А. ВОРОБЬЕВ — Динозавры и электричество 53*
В. САМОШКИН — Краски, победившие время 54
Л. ОЛЬГИН — Вернется (ли съеденный остров? 56
О. БАДЕР — По следам Ермака 58
А. КЛИМЧУК, А. ЛОМАЕВ — Есть и у тротасти дно! 60
Э. ДМИТРИЕВ — Сказка Карлюка 63
БЕРНГАРД ГРЖИМЕК — Там, где учатся слоны 64
ХЭММОНД ИННЕС — Белый юг 69
Пестрый мир 78
Листая старые страницы 79
Б. ТИШИНСКИЙ — Долгожители из Вилькабамбы 80

На первой странице обложки: Учебное парусное судно «Крузенштерн».
После первого года обучения курсанты мореходных училищ — будущие штурманы рыболовного флота проходят морскую практику на четырехмачтовом барке: работают на мачтах, реях, ставят и поднимают паруса; обретают морскую выучку. (См. очерк Надира Сафиева «В поисках ветра».)

Фото Г. Костецкого

В номере использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «гМериан» (ФРГ), «Нэшнл джиогрэфик» (США).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ
Члены редакционной коллегии
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ПЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются **Технический редактор А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

© «Вокруг света», 1977 г.

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отдель «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; прозы — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 1 [illegible] 1977 г. Подп. в печать 10.VIII — 3-93 г. Аттестат. Формат 88×108 1/16. Печ. л. — 5 (усл. 8,4). Тираж 2 500 000 экз. Цена 70 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОЛГОЖИТЕЛИ ИЗ ВИЛЬКАБАМБЫ

Женщина вынимает из печи хлеб — в этой сцене нет ничего необычного. Кроме одного: сеньоре Эрминальде сто два года.

Снимок сделан в высокогорной долине Вилькабамба, где в окружении частокола Анд лежит небольшое селение, привлекающее в последнее время пристальное внимание врачей-геронтологов. Дело в том, что Эрминальда Леон здесь не исключение. Вилькабамба — один из районов земного шара, где достоверным образом установлено высокое число долгожителей. Один находится на Кавказе в Советском Союзе, второй — долина Хунза в горной цепи Каракорум в Северном Пакистане. И третий — Вилькабамба.

Впервые жителей селения врач обследовал в конце 50-х годов. Они были немало удивлены, зачем это пришельцу понадобилось выслушивать их легкие, мерить давление и стучать молоточком по суставам.

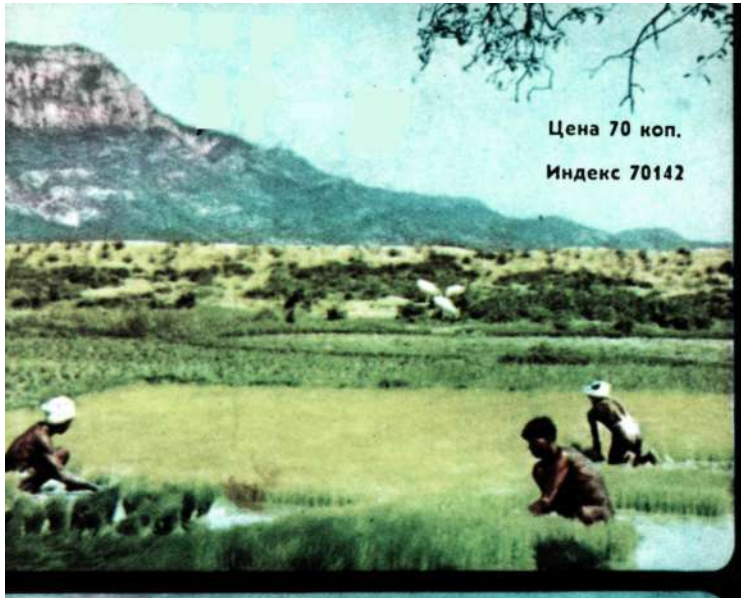
Но удивление врача было еще большим. Энергичные старцы в ответ на вопрос об их возрасте называли цифры, превосходившие вековой рубеж. Это тем более поразительно, что средняя продолжительность жизни в Эквадоре около 50 лет. Может, патриархи Вилькабамбы ошибаются в счете? Оказалось, нет, даты их рождения занесены в церковноприходские книги более чем столетней давности.

Так на демографической карте мира появился третий «оазис долголетия». В чем причина этого феномена?

Вилькабамба — изолированный район, не знавший бед «индустриального общества», с первозданной естественной средой. Климат долины не подвержен резким перепадам, среднегодовая температура +15°. Питание горцев состоит почти исключительно из овощей, зерен пшеницы и кукурузы. Рельеф местности понуждает их к ежедневной ходьбе, при которой работают все группы мышц.

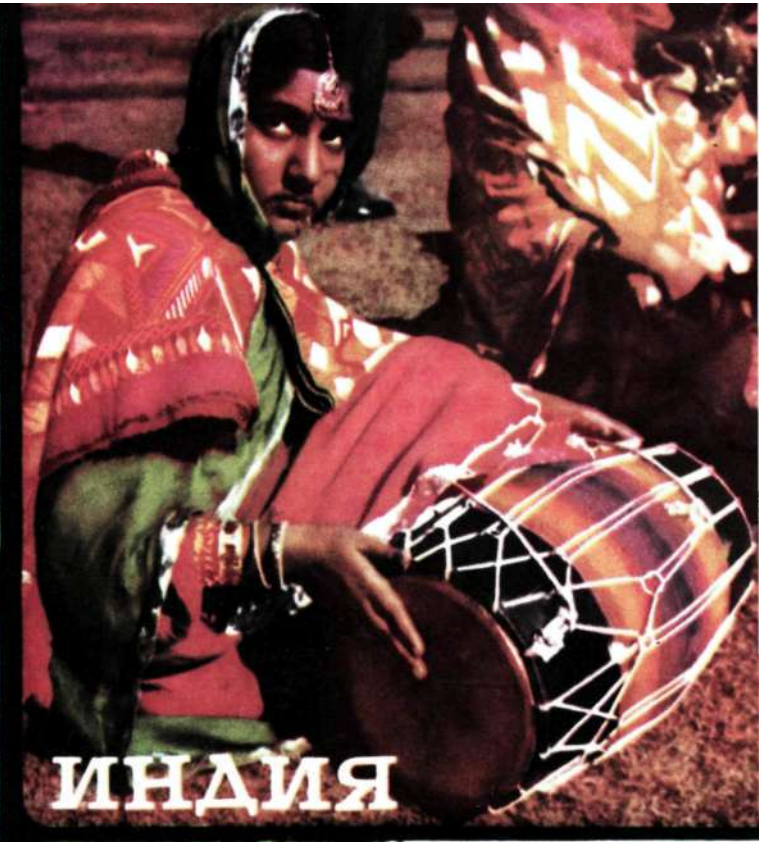
Но главное — это труд. С самого раннего возраста и до последних дней обитатели Вилькабамбы включены в сельскохозяйственный цикл и домашнюю работу. «Они просто не могут себе позволить устраниться от дел», — пишет один исследователь. Но в отличие от кавказцев и хунзукутов старцы Вилькабамбы не так уж радуются своей жизни. «Моя жизнь была очень тяжела, — сказала Эрминальда Леон. — Не представляю, как бы я прожила ее еще раз...»

Б. ТИШИНСКИЙ

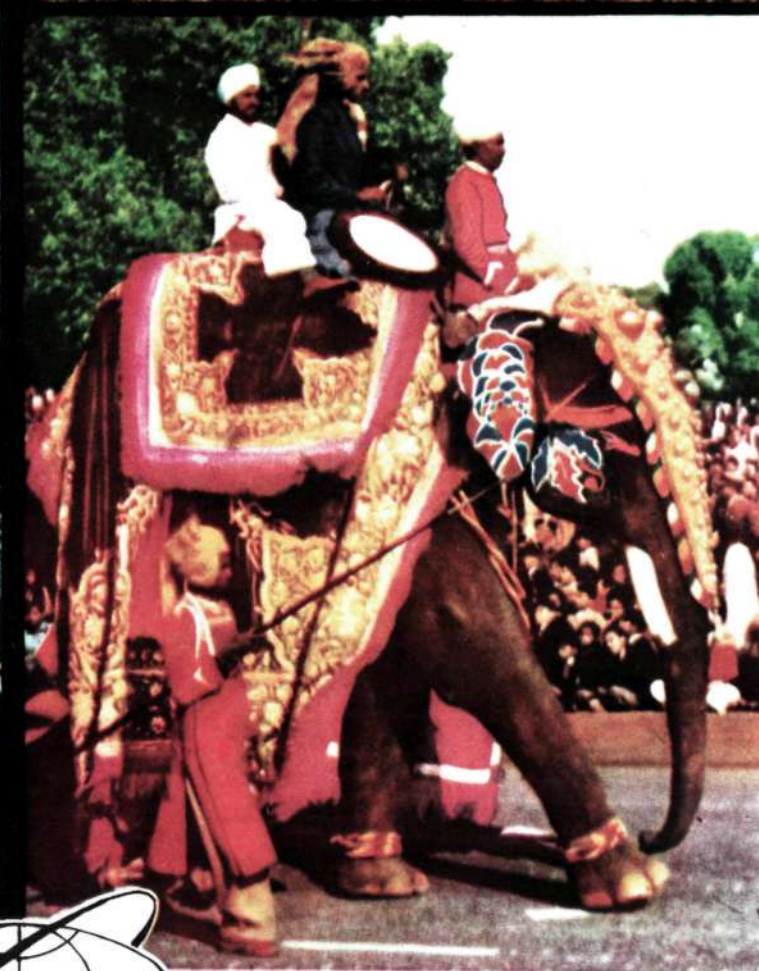


Цена 70 коп.

Индекс 70142



ИНДИЯ



БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

СПУТНИК СССР